

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭХО

ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

III

Санкт-Петербург
2008

ББК-84(2) Я.43
Э-95

Составители:
Шалугина Галина Васильевна
Карцова Анна Алексеевна
Чирков Николай Алексеевич
Воронина Диана Кимовна

*Посвящается 45-летию
Специализированной
физико-математической и
химико-биологической
школы-интерната № 45 при ЛГУ -
Академической гимназии СПбГУ*

Эхо 3. Поэтический сборник. – СПб.: Реноме, 2008. – 336 с.

ISBN 978-5-904045-12-8

Эта книга представляет собой третий выпуск поэтического сборника «Эхо» и посвящена 45-летию Специализированной физико-математической и химико-биологической школы-интерната № 45 при ЛГУ, ныне – Академической гимназии СПбГУ.

Также, как и во втором выпуске «Эхо», в данный поэтический сборник включены стихи учащихся и преподавателей интерната, которые в сотворчестве всегда вместе.

Составители сборника, по возможности, старались сохранить авторскую редакцию, орфографию и пунктуацию.

ISBN 978-5-904045-12-8

© Академическая гимназия, 2008
© Фонд «ГАУДЕАМУС», 2008

*Вселенная – огромный завиток,
Как раковина, что приложишь к уху –
И будто слышишь море... нет, поток
Твоей же крови, возвращенный слуху.
Юлия Хайрутдинова.*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

*«...Весь покрытый тайною, абсолютно весь,
45-й интернат в Ленинграде есть...»
(из песни)*

Мелькают годы шестидесятые, семидесятые... Не одно поколение сменило за партами тех, кто были первыми.

45-ому физико-математическому интернату при ЛГУ (ныне Академической гимназии при Санкт-Петербургском государственном университете) исполняется 45 лет. Именно этому событию и посвящен третий выпуск поэтического сборника «Эхо», ставшего уже традиционным. (И это сохранение традиции – не сохранение пепла, а поддержание огня).

Также, как и во втором выпуске «Эхо», в данный поэтический сборник включены стихи учащихся и преподавателей интерната, которые в сотворчестве всегда вместе («...мы – долгое эхо друг друга...»).

Составители сборника, по возможности, старались сохранить авторскую редакцию.

В третьем выпуске «Эха» авторским стихам предшествует биографическая справка: «...Учился жизни в ФМШ, что и определило жизнь», «...Была отчислена за то, что целовалась с неким Володей Королевым (10Б класс, 1967-69г.г.). Выбор был осознанным и правильным, поскольку вышеозначенный Королев стал моим мужем ..». «...Интернат вспоминаем как очень счастливый кусок нашей жизни, во многом определивший всё ее дальнейшее развитие»...

Некоторые авторы уже имеют собственные поэтические сборники, а для других – публикация в «Эхо» стала первой «пробой пера». Чьи-то стихи – не успели, они еще в пути.

О чем этот сборник? О себе и о времени, об интернате, о родном городе Ленинграде-Петербурге-Петергофе (тоже родном!), о маме, войне, о любви («...как хорошо сказать тебе – люблю, и в теплоту ответную поверить...»),... и все это – снова о себе.

*...Лес побелел нежданною порошей.
Летит снежок осенний, озорной.
И память, и печаль всегда со мной:
Пусть осень не была для нас хорошей –
Я об улыбке помню неземной....*

(Костоломов Михаил)

*...Как дорог этот мир морициною любовью.
Опять попала в глаз соринка... иль звезда.
Взгрустнет ли обо мне потомок мой надменный?
Оплачет ли меня огромная страна?
К картонным небесам приклеен месяц медный,
и влага на губах горька и солоня.*

(Д.Бураго)

И в них – судьба каждого, и судьба интерната, которую они продолжают и разносят по миру.

И те, кого уже нет среди нас, все равно есть – в памяти, в стихах...

*... Пришли друзья. Не на поминки, слава Богу,
А просто так – им было по пути...
И я так рад – мой дом на их дороге,
И им его никак не обойти...*

(Филиппович А.И.)

Составители сборника признательны всем, кто способствовал выпуску «Эхо» (а это было так непросто!), строгим, но великодушным критикам, тем, кто разыскал и сохранил эти стихи: Игорю Мухачеву, Игорю Зиминнову, Екатерине Клепиковой, Людмиле Евстафеевой (Головиной), Ирине Кузнецовой, Ольге Свешниковой, Татьяне Щербаковой, Сергею Соколину и многим-многим другим.

Третий выпуск сборника «Эхо» традиционно оформляла Татьяна Алексеевна Обатнина. Её безошибочный вкус и профессионализм обеспечили целостность и гармонию восприятия. В сборнике использованы рисунки Юлии Сергеевны Горченко (выпуск 1990 г.).

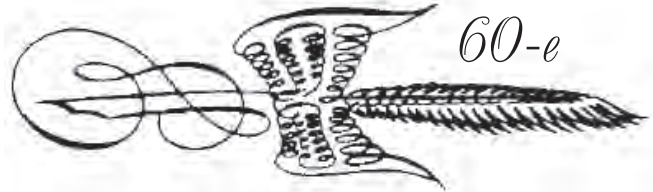
Наступил новый век и новое тысячелетие, а интернат продолжается («...Мы изменились. Мы не изменились...»).

И верится, верится...

*Но давно уж небо чисто,
и давно в окно стучится
синей горсточкой сирень,
обещая, что случится
славный и счастливый день.*

(Ершов Николай)

Анна Алексеевна Карцова.

60-e

Евгения Бикназарова

Выпуск 1970г (8-10А). В доинтернатские времена жила в районе Среднего Севера (г. Кандалакша, Мурманской области).

«Была отчислена за то, что целовалась с неким Володей Королевым (10Б класс, 1967-69 г.г.). Выбор был осознанным и правильным, поскольку вышеозначенный Корольев стал моим мужем.

Закончила матмех ЛГУ и около двадцати лет проработала в его вычислительном центре.

За прошедшее время родила сына (выпускник юрфака СПбГУ, член коллегии адвокатов СПб), вырастила из мужа полковника ФСБ России. Обзавелась двумя внучками. Живем с мужем в Калининграде (это такой анклавный эмират в Российской Прибалтике). Часто ездим по России и Европе. Много времени проводим на природе – рядом национальный парк «Куришская коса» и другие прелести.

Интернат вспоминаем как очень счастливый кусок нашей жизни, во многом определивший всё ее дальнейшее развитие».

**Я не брошу всю планету тебе под ноги,
Славословьем сотрясая Небеса;
Не скажу, что совершать способна подвиги –
Телебашню, скажем, в узел завязать,**

**Не устрою Ада или Рая,
И ничем иным не развлеку...
Разве что рубашку постираю,
Пирожок какой-нибудь спеку...**

**А Карельской синеею весной
Всё казалось ласковым и прочным,
Но мой дом обходит стороной
Трижды мною проКлятая почта,**

**И огромный мир вокруг меня
Мне чужой, и я им всем чужая,
Никуда не манят, не бранят –
Просто обо мне не вспоминают.
...Но ведь от любви не умирают?..**

Жизнь промчалась – будто не было –
Между пальцами вода,
Прокатилась по безвременью
В Никогда и в Никуда.

Жизнь прошла – как будто не было,
Не удержишь, не вернёшь,
Бьется болью ошалелую
Снов прекрасных быть и ложь.

Преисподней, Миром, Небом ли –
Перепутались года.
Жизнь промчалась – будто не было,
Как меж пальцами вода.

Как хорошо не думать ни о чём,
Не ведая, не чувствуя печали,
Во сне летать над пропастью вдвоём,
Жизнь продолжая, всё начать сначала.

Как хорошо – всё вспомнив, всё простить,
Скользя в потоках солнечного ветра,
Вдвоём во сне над пропастью парить
И не искать вопросов и ответов.

Как хорошо сказать тебе – люблю
И в теплоту ответную поверить
У пропасти на самом на краю,
За шаг, за миг от счастья или смерти.

И превозмочь рождающийся страх
От вкуса близкой смерти на губах.

Тебе меня не забыть
И памяти не унять,
Меня ты не будешь любить –
Ты будешь помнить меня.

И можешь меня потом
В жестокости обвинять –

Мне всё равно. Но зато
Ты будешь помнить меня.

Храни тебя Бог от бед,
Даруй любви и огня,
Но даже спустя сто лет
Ты будешь помнить меня.

И в сон твой однажды в ночь
Войдёт моя тень опять,
Забыть не будет дано –
Ты будешь помнить меня.

И строчки моих стихов
В душе твоей зазвонят,
Моих не помня грехов,
Ты будешь помнить меня.

И даже поменьше будь
Колдуний в моём роду,
Когда-нибудь, где-нибудь
Я в жизнь твою вновь войду.

А вдруг ты допишешь сам
Вот этот нескладный стих,
И может быть, хватит нам
Моей любви на двоих...

Чудес не бывает на свете,
Вы истине этой поверьте,
Как верят в бессмертие дети,
Всё видя лишь в розовом цвете.

От мыслей не спрячешься в детство,
У их огонька не согреться,
Он тлеет, как старое сердце,
Что в камень решило одеться.

Надежды сбывались нечасто,
И беды спешили начаться,
И не к кому нам возвращаться,
Устав по планете скитаться.

Это самый лучший в мире
Номер пятьдесят четыре!
Приходите, прокачу,
Поглязеть на каланчу...

Он к Никольскому Собору
Вас доставит очень скоро.
Через Невский в Летний Сад
Повезёт трамвай ребят.

И по Троицкому мосту
Прокатиться будет просто,
Если сел в такой трамвай.
Но не спи и не зевай!

Ну, а если это мало, –
До Финляндского вокзала
Он спокойно доведёт
Без издержек и хлопот.

Вот и всё. Теперь – обратно,
До Калинкина моста.
Эта истина понятна,
Очевидна и проста.

1995

Проколола башня облака,
Намотала на себя как вату.
Тихая речушка Кар-пов-ка
Убегает от неё куда-то.

Мой трамвай буксует иногда.
Заново даю ему движенье.
Но реки холодная вода –
Просится в моё стихотворенье!

Вот и осень – девяносто пять
Золотом осыпала как снегом.
Капель дождевых шальная рать
Вакуум заполнила под небом.

Пассажира я не прогоню,
Слыша, как душа его запела.
– Разрешите, песню вам спою!
– говорит –

– Друзья,
такое дело!

– Листья жёлтые
над городом
кружатся,
С тихим шорохом
нам под ноги
ложатся...

И от осени
не спрятаться,
не скрыться.
Листья жёлтые,
скажите, что вам снится...

А другой – спасибо мне сказал.
– Бог с тобой! За что?
– Да я уж знаю...
Ты, водитель, песню не прогнал,
Песню, безбилетницу трамвая!

Телебашню скрыли облака,
Съела её серенькая вата.
Тихая речушка Кар-пов-ка,
Ты одна ни в чём не виновата!

1995

Мне нравится спокойная толпа,
Спешащих на работу корабелов.
Все вышли у Калинкина моста.
Все делают одно большое дело.

Сошёл с Адмиралтейских стапелей
Могучий танкер, радио сказало.
Он будет покорителем морей
И, временами, гостем у причала.

А мой трамвай повёз других людей,
Рессорами скрепя неторопливо.
Он тоже мог бы так! Со стапелей!
Но только раз.

И менее красиво.

Октябрь 1996

На площади Конюшенной

у Спаса на Крови
ползут трамваи грустные,
лишённые любви.

ползут трамваи скученно,
боченятся немного –
дорога на Конюшенной
совсем не Слава Богу!

Красы неопикуемой
у города лицо.
считают: не к лицу ему
трамвайное кольцо.

похоже, всё изменится
и рельсы снимут здесь.
Видать, мужик не крестится,
пока трамваи есть.

Печальные глаза,

Я всё про вас узнал –
Вам лучше за стеклом
Очков.
Случайная слеза
Окутала глаза
Теперь уже не надо
Слов.

А мне глаза в ответ:
– Железный человек,
От наших слёз не заржавеи!
Ты сочинил куплет,
Но толку в этом нет –
Напрасно наших слёз
Не лей!

Холодный мокрый дождь.
Ты больше не придёшь.
Не хочешь ты меня
Встречать.
Весёленький мотив
В очках я не красив
Но мне на это
Наплевать!

лето 1964

Плохо если счастьем

не с кем поделиться.
если самых верных
рядом нет друзей
чистою водицей,
вольною водицей
уплыла бумажных
стайка кораблей...

ни грустить, ни плакать
одному не стоит.
кто тебя услышит?
кто тебя поймёт?
можно очень много
для себя устроить,
только счастье где-то
стороной идёт.

как закончить песнь мне,
чтоб сквозила радость?
чтоб от грусти этой
не было следа?

это ж очень просто –
разделить всю радость,
разделить и сразу
подарить друзьям!

1967

Но в душном кабинете,

Но в душном кабинете,
Но в душном кабинете
Я вынужден сидеть.
Какие муки эти,
Забыв про всё на свете,
На стены и на книги
Глядеть, глядеть, глядеть...

Нет, никому не жалко,
Что мне здесь очень жарко!
И никому на свете
Нет дела до меня!

Босая комсомолия
Хочу бродить по полю я
И русское раздолие
Вдыхать, вдыхать, вдыхать!
Нет ничего пригожее,
Чем тело темнокожее.
Давайте ж, люди добрые,
Под солнцем загорать!

А не хотите броситься
Туда, где сено косится,
Туда, где ветер с тучами
Бежит вперегонки –
Так я один не выдержу –
Кусок из сердца вырежу
И посажу.
Пусть вырастет
На берегу реки!

1971

Но я люблю трамвай,
За то, что у него
Есть рельсы, по которым,
Он побежит туда,
Где очень ждут его.

В автобусе удобно.
Автобус быстро мчится.
Едва войти успеешь –
Приехал, вылезай!
И даже не понятно
Как так могло случиться,
Что больше чем автобус
Я полюбил трамвай.

Люблю его за верность,
За то, что не изменит
И не свернёт с дороги –
Хоть рельсы разбирай!
Поэтому, наверно,
Забыв свои сомненья,
Забыв свои тревоги –
Я сяду на трамвай!

1972

Ершов Николай

Выпуск 1970 года. Затем служба в армии, учеба в Литературном институте им. Горького. Закончил духовную семинарию, затем духовную академию. Кандидат богословских наук, преподавал в Петербургской духовной семинарии.

В настоящее время священник, служит в церкви Успения Божьей Матери в Великом Новгороде. Женат, четверо детей, две внучки.

В продрогшем трамвае по городу ехать и ехать,
пускай повторятся опять и опять остановки,
покуда у губ твоих кружится облако смеха –
ручное, на ниточке тоненькой нотки.

И жарко задышат слова разогретые страстью,
и губы мои обожжет ими снова и снова.
О, власть обожанья! я вновь над собою не властен,
хмелея от счастья под говор и смех с полуслова.

Влюбляясь надолго в узор долговязого шарфа,
и в каждый пушистый изгиб белокурого меха,
и в каждый пустяк мимолетный, и милый, и жалкий,
в продрогшем трамвае по городу ехать и ехать...

Мне с этой землей не расстаться.

Вот здесь я останусь навек,
чтоб молча бродить и касаться
берез этих чистых, как снег,

чтоб снова по самому краю
судьбы бесшабашной моей
ходить – все шутя да играя –
в обнимку с простором полей

в обнимку со всем белым светом.
Ну, как же его не любить
со всем его обликом смертным
с бессмертьем небес голубых.

И рассвет встает. И вот
от тумана – только ключья!
Птиц еще не слышно с ночи,
но одна уже поет,
но одна уже пророчит
утро. И рассвет встает.

И все громче голоса.
И роса ложится разом
в каждый лепесток алмазом.
И глядит во все глаза
ласково и синеглазо
небо. И блестит роса.

И пора вставать и лень.
Но давно уж небо чисто,
и давно в окно стучится
синей горсточкой сирень,
обещая, что случится
славный и счастливый день.

Милая, пора вставать.
Ветер не ворчлив. И в речи
леса нет противоречий.
И готово целовать
солнце пальчики и плечи.
Милая, пора вставать.

Над городом весенний чад.

Зеленый дым над Летним садом
в закатный этот тихий час,
как дым отечества, мне сладок.

Дышу легко – приемный сын
прекрасных петербургских зданий –
старинным сумраком святынь
и пылью каменных сказаний.

Так славно, словно легкий пух,
летят часы и аккуратно

одаривают нищий слух
грошовой музыкой курантов.

Белеет пена облаков
и статуй мраморная пена,
и смысл тишины таков,
как после музыки иль пеня.

Я холодно подумал: «Суета...»,
взглянул на жизнь без всякого волнения,
и в этом грустном умонастроенье
в родные возвратился я места.

Был славный день. Цвел солнца желтый шар,
и жаворонок пел над головою,
пел небеса глубокого покоя
и этой жизни скоротечной дар.

И обступил меня цветами луг,
и лес навстречу высыпал гурьбою
и прикоснулся теплою рукою
луч солнца, как старинный добрый друг.

И вдруг я понял, глядя на цветы,
как долго сердцем и душой был болен.
Но здесь в краю лесов и колоколен,
здесь можно отдохнуть от суеты.

В прощальном касании рук

Так много печали таится,
В нем горечь грядущих разлук
Готова слезами пролиться.

Коснешься – и мука и боль,
Вкруг сердца петлей обовьются.
И все же позволь мне, позволь
Руки на прощанье коснуться.

Всеволожск

Зажав последний пяточок в горсти,
я чувствую, что я еще не нищий.
И, задолжав хозяйке за жилище,
я еду загород к знакомым погостить.

Каким теплом далеких легких лет
повеет вдруг, когда войду в калитку,
и детский голосок меня окликнет:
– «Смотрите, кто приехал к нам. Поэт!»

Мне вкусные подносят беляши
и бражку из клубничного варенья...
Но вряд ли рифмам хватит оперенья
воспеть, как те обеды хороши.

Я здесь таким участием согрет,
что думаю почти всерьез о счастье.
И снится мне: стихи мои – в печати
и гонорара хватит на обед...

Ироническое

Нас обучали многому некстати.
Мне долго душу разъедала ржа
сомнения, и много сил потратить
пришлось, чтобы очистилась душа.

Я вовремя успел отстать от века,
чтоб вырасти среди угрюмых дум
сиреновой сентиментальной веткой
в его технократическом саду.

Пускай стихия фраз вокруг бушует,
и шелестят высокие дубы,
я – маленький, и потому молчу я,
чтоб думать, делать, чувствовать, любить.

1977

Ковнер Сергей

Выпуск 10-а класса 1970 года.

Автор сборника «Из трех тетрадей». Псевдоним «Сергей Отрезов» он согласен в сборнике «Эхо» заменить своей настоящей фамилией. Вот что он сам пишет о себе:

«Окончил прикладную математику в Ленинграде в 1975 году. По распределению поехал в Смоленск. Работал программистом в КБ и на заводах. Доработался до начальника отдела АСУ. Много путешествовал в командировках и в отпуске. В перестроечные годы был менеджером в торговой фирме, безработным, мастером по уборке города. С 2000 года веду учебным центром общества «Знание» – обучаю народ работать на компьютерах.

Женат (1978 г.). Две дочери.

В свободное от основной работы время занимаюсь книгоиздательством. За 6 лет издал более 60 книг различными тиражами: начиная с собственного сборника стихов до книг смоленских авторов и репринтных переизданий краеведческой литературы.»

Православные храмы

Застыли, до земли не долетев,
солнечные капли –
купола.

27.03.1976

Смоленск

Гроза

Дано ли кому-то прочесть? –
тьму разрывают ночную
автографы Бога.

14.11.2001

Смоленск

Солнце заходит.
– Вот и еще золотой
брошен в копилку Земли.

30.07.2004

Выборг

История

Переплетенья судеб и времен –
нелепые, трагичные, смешные.

Творца забавы.

16.08.2004

Стокгольм

Как праздничный пирог
на блюде невском – Васильевский,
на Стрелке – две свечи.

11.07.2005

С.–Петербург

На черный день своей души
я эту строчку отложу:
и вы, друзья, обман – последний.

Сентябрь 2005

Смоленск

Женского бедра изгиб.
Улыбка ясная ребенка.
Черный пес на снегу.

9.10.2005
Смоленск

Дождь
лилипутики-конники
скачут
по подоконнику

Осень
миллионная конница
дождь
и отрада бессонницы

25.09.1974
Ленинград

Даже сгорбленный, телом – высокий.
М. Костоломов

Безучастных домов вереницы –
улицы. Дождь. Ночь.
Постучать? позвонить? поклониться?
– Вы не могли б помочь?

Но пьяно шагаю, не горбясь, –
прямо. Карлика рост.
Гордыня моя, не гордость,
глупая, но – до звезд.

8.03.1975
Ленинград

Нас ожидало белоснежнейшее ложе...
Дрожа, в тревожности –
свершение надежд –
мы были так нежны
и осторожны
в блаженном
шелесте
мешающих
одежд...

15.06.1975
Ленинград

Поющие поэты

Сергею Никитину

Мы открывали сумрачные страны,
засыпанные пеплом города...
Сердечные залечивали раны...
Друзей не предавали никогда.

Нам тошно жить в бетонных коробах,
где серы дни, и чувства тоже серы,
где пропадешь без правды и без веры,
где души губят жадность,
похоть,
страх.

Мы в школе Бога – на счету не лучшим,
но презираем чистеньких зубрил.
Тоску веков стихом, как водкой, глушим.
Наш ближний тот, кто чести не забыл.

Мы поднимаем паруса костров,
и ветер песен нас несет по свету!
– Играют в жизнь ученики-поэты.
Не будь к бродягам, Господи, суров.

Март 1998
Смоленск

Мише Костоломову

Все будет не так, не так,
как хочется, как – грезится.
Звяк – и еще пятак –
пошлости? – нет, трезвости.

Сердце – цыганский бубен!
Фарса ухмыль толстомордая.
– Нежности – не – убудет –
грязная? – нет, гордая
ложь.

И когда свершится
(ближний мой, подсобил), –
вырвавшаяся птица:

– би!

– взлю

– не

Осень 1975

Смоленск

О. М.

Свет, отраженный в золоте церковном,
и озеро старушечьих голов,
внимающее искажению слов
ветхозаветных...

Как это все печально и неново.

Я думал о величии народа,
который Веру половине света дал
и искони гоним был, наг и мал...
Но вот печать кровавая – породы:

неверному – ни жалобы, ни стоны:
как солон ты, мудрость Соломона.

Май 1976

Смоленск

Попытка жалобы

Я в стране заблудился
которую сам сотворил
ничего не пойму
и бреду наугад как слепой
спотыкаясь и плача
из нищенских выбившись сил
ветки бьют по лицу
ты и это насмешник воспой

В мире нашем где каждый
говорит на своем языке
научиться любить невозможно
но нет в том вины
приходящих из тьмы
уходящих во тьму налегке
как бессмысленно всё
и пугливы убогие сны

Апрель 2000, июнь 2001

Выборг, Хельсинки, Смоленск

Преданных нам

и преданных нами

мы вспоминаем лишь временами...
Вовремя.

Часто – под завывание
ветра постылого,
в завоевании
стылым дождем – тепла.

Это – на души наши – заплаты.
Поздно залатано.

За-плакать?
Не расплатиться...

Память – ладанка
с прошлого пеплом,
не пламя.

Заладил...

Прости, не со зла.

Кинематограф нам поведаёт историю
о девушке простой из ресторана
О-Сино...

Не знаю я, что может быть чудесней
прогулки с милой белой-белой ночью...

Медовой сна вдвоем...

1975

Ленинград, Смоленск

Королёва Александра (Саша Кученёва)

Выпуск 1970 г. Поступила на биофак в ЛГУ, проучилась год, заметалась, вспомнила свою старую любовь – рисование. И махнула, не раздумывая – в Академию Художеств сдавать экзамены. С треском провалилась и уехала домой, в Калининград.

Через год вернулась в Питер, вышла замуж, родила дочь и прожила в Питере до 1974 г. А потом окончательно уехала в Калининград, там и доучивалась, и искала себе «стезю». Метания свои временно прекратила, закончила биофак и двинула по проторенной стезе, по маминной. То есть стала ботаником, но в реальности пробыла им недолго: от этого периода жизни остался диплом об орхидеях, несколько печатных работ и горстка «ботанических» стихов. Какое-то время работала в университете, потом, когда только появился государственный комитет по охране природы (так удачно похороненный Путиным в 2000 г.), пошла работать туда. На ботаническую карьеру лег окончательный крест, потому что работать пошла в отдел по связям с общественностью. Сотрудничала со СМИ, сама много писала для газет, вела авторскую радиопередачу... А в 1995 г. ушла, разочаровавшись, с государственной службы охраны природы в общественную организацию «Экозащита!», в которой и работаю до сегодняшнего дня. Это было хорошее время. Особенно первые 10 лет: организация набирала силы и авторитет, многое удавалось. Издавали книжки и журнал, которые разлетались, как горячие пирожки. Добивались закрытия вредных производств, заставляли местную власть считаться с мнением обычных граждан, «втягивали» в свою деятельность множество народу, получили несколько международных премий, последнюю, Шведскую премию воды, в 2007 г. Из того, что можно пощупать руками: открыли в одной из школ мастерскую по изготовлению бумаги из макулатуры. В нынешнем году приняла приглашение и вновь отправилась на государственную службу: работаю заместителем директора национального парка Курильская коса. А еще, как и положено, в моем возрасте, обзавелась внуками: старший, Матвей, пойдет в этом году в школу, а младший, Тимофей, догонит его на будущий год.

Прощание с Кенигсбергом

Вообрази, что молод этот город,
И семь веков еще не пронеслись.
А под горой течет река Пригора,
оранжевый покачивая лист.

Что в небеса пока еще не воткнуты
Готические лезвия шпилей...
И не трамвай визжит на поворотах –
Гудят над лугом голоса шмелей.

Вообрази, что нет пересечения
Прспектов, улиц, рельс и проводов.
и вольно рукавов речных теченье
меняет очертанья берегов.

Что солнце многократно не дробится
в умытых окнах верхних этажей,
и нет на крышах красной черепицы,
и нет в соборах ярких витражей.

Кант не читает в Университете,
и Бессель к телескопу не приник...
А только гонит над заливом ветер
пронзительный и резкий чаек крик.

Остановись. Закрой глаза. Послушай.
Вообрази, что города нет боле!
Не много надо, чтобы все разрушить,
оставив фотографии в альбоме.

1993

Среди густой травы, палящих красок лета,
Под неба голубым расправленным крылом,
Запятнанным листом сжимая стройный стебель,
Ятрышник догорит сиреневым огнем.

1991

Любви и страсти замок воздвигаешь.
И – локонами пальцы перевиты,
и плечи сжаты, и дыханье слито,
и ты губами губы раздвигаешь.
И аромат души струится над телами –
по нежной коже пробегает трепет.
Но тщетно лепетать и слушать лепет:
слова Любви не передать словами.

1993

Неотправленное письмо

Берлин
Весна
У Триумфальной арки
снимаются китайские туристы...
Не смейся, знаю,
но «ворота»
не влезут в стихотворную строфу.

...Париж, Берлин, ворота или арка,
мы в Страсбурге?
Какое время года?
Где север? юг?
Не знаю, не географ.

Жара
В Тиргартене берлинцы
вполне по-русски
жарят шашлыки.

Я соблазнюсь.
И заложив ладони за голову,
в траве устроюсь.
Травинки отпечаток
на тыльной стороне моей ладони
похож на стрелку
на туристской карте.

Глупо!

Глупо было не позвонить тебе с утра,
и не позвать с собою...

Быть целый день вдвоем,
играть словами,
и не проговориться,
не выдать жестом.

И выпить кофе,
или лучше пива,
чтоб на тебя смотреть поверх бокала.

Полюбить твой город,
дождаться сумерек
и вечером уехать.

Я вечером уеду
На перроне
ты меня обнимешь

Утром,
стоя в конце вагона,
глядя,
как убегают рельсы,
я пойму,
что операция на сердце состоялась.

апрель 2005

Костоломов Михаил

Выпуск 1969 г. (химико-биологический класс). Затем биолого-почвенный факультет ЛГУ, (1974), специальность биолог-ботаник. 8 лет проработал научным сотрудником Полярно-альпийского ботанического сада Кольского филиала АН СССР. С 1982 года жил и работал в Ленинграде, потом в Выборге. Преподавал в родной школе в пос. Большое поле Выборгского района Ленинградской области, а также в выборгском филиале РГПУ им. А.И.Герцена.

Автор множества краеведческих работ по истории родного Выборгского края.

Зеркальные сердца

*Счастливы люди, сердце которых подобно зеркалу,
где скользят и стираются отражения, которое
забывает всё, что было в нём, что прошло перед
ним, что отражалось в его любви и привязанности.
О, какая мука!*

Мопассан, «Покойница»

Я поставлю свечу и смотрю
Долго, долго, упорно
На зеркальную эту зарю
В беспредельности чёрной.

Огонёк между двух амальгам
Одинокий и тонкий.
Но две бездны стоят по краям:
Устья в них и истоки.

Сердце я зажигал – как свечу
Между небом и тьмою,
Чтобы нежность, подобно лучу,
Отражалась тобою

Мириады бесщётные раз,
Без земного предела.
Каждый день, каждый миг, каждый час,
Всеохватно, всецело...

Отчего же тускнеет оно,
Сердце ярого воска?
Ты прохладно глядишь и темно,
От зари – лишь полоска

Багровеет, уходит во тьму...
Разорвёшь – не срастётся...
– Я по сердцу скользнул твоему,
Отразился – и стёрся.

Takatalvi*

Зазимье апреля и мая...
О, как холода надоели,
Обрыдли, осточертели...
Как жить, я не понимаю?

За что же такая планида?
Как будто без этого мало
Отчаянье нас ломало,
Отверженность и обида.

Как будто в совдепии не жил
И постперестройки хаос
Как будто б не вдоволь хавал,
Свою непохожесть нежил.

Ещё бы чуть-чуть, за сим бы
Усилием муки – продых!..
Ан нет, бьет фортуна в пуддых –
И холод кругом... зазимье.

6–7.05.2003
Подборовье

Датский соименник

I. Виборгский сонет (Viborgs Domkirke)

В священной крипте старого собора
Романских сводов сокровенный вид:
Vvibiǵrgh – тысячелетняя опора
Христовой Церкви – весь плющом увит.

Языческие тайны здесь хранит
Земля, что вздыбила святые горы
И жертвенник среди равнин раздора –
Гранёных блоков сумрачный гранит.

Из облаков льёт семицветный свет,
Над Sinderssh блуждает дождь нестрашный...
Осенней розой распустишь, сонет,

Чтоб память удержала день вчерашний,
Озёра, парки, улочки и башни,
И Домской церкви строгий силуэт.

14.10.2004

Паром «Габриэлла»

II. Францисканский дворик в Виборге

Монастырские стены красны и темны,
Окружившие крохотный садик.
Пашут викинги поле балтийской волны,
Поклоняются дубу и свету луны,
А религия – крепость в осаде.

Отправляются юты и даны в поход
На британские бранные земли.
Обонянье богов ненасытно – и вот,
Скоро жрец здесь быков и баранов убьёт.
Удин жертву такую приемлет.

Но бредёт босоногий безумный монах,
Проповедует птицам о Боге,

* Takatalvi – по-фински буквально «задняя зима, за зимой». Как раз в эти дни конца апреля – начала мая финский пограничник этими словами посочувствовал моим жалобам на невыносимую погоду. Сил не хватало дотянуть до тепла – перемерз колодец, и воду в бутылках возил домой из Выборга и из Финляндии... Уже и не мог мечтать помыться и побриться, не говоря уже о надежде сменить рубашку... Вещи валялись грудками на полу, так что в комнату невозможно было зайти – я вынужден был спешно покинуть снимаемую квартиру на Суворовском: так продолжалось до лета.

Что висел на кресте, окровавлен и наг,
Ради рода людского отринувшем страх,
И воскресшем на смертном пороге.

Опоясаны вервием, словно мечом –
В сером рубище бедные братья
Исцеляют тела – и душе ищут дом:
Пусть священные горы и станут ключом
Во спасение всем без изъятия.

*Октябрь 2004
Подборовье*

Выборгский сонет

Мой Выборг вековой, смеживший веки,
Ты лунной ночью смотришь странный сон –
О давнем дне, о каждом человеке,
Кто здесь бывал – и был тобой пленён.

Кто песни пел, беспечный и счастливый,
Кто строил – и кто в битвах был сражён.
Кого манил над зеркалом залива
Загадочный задумчивый донжон.

Политике в стихах – совсем не место:
У лирики иной магнитный полюс.
Но всё ж идеей поделюсь одной.

Ты: русский, финский, шведский, ты – немецкий,
Судеб скрещеньем славный космополис!
Мне город дорог, гордый и родной.

25.02.2005

*На пароме «Мариэлла»
по пути из Стокгольма*

Полнолуние на французской земле

Небо беззвёздное. Плотная ночь полнолуныя.
Вновь на французской земле просыпается память,
И рассыпаются искры цветными снопами.
В сердце царит фейерверк, а судьба – как колдунья.

Под фонарями японские вишни роняют
За лепестком лепесток, и лепечут невнятно
Что-то о том, как поток бытия обнимает
Счастья мгновенные блики, случайные пятна.

Радость не долее длится, чем вспышки петарды
Или взбурлившей волны белопенный барашек:
Миг – и исчезнут, окажутся выдумкой зряшной
Скорби и страсти, ненужные жизни подарки.

Полно тебе уповать на целительный воздух.
Счастья не будет, ну что ж! Не случилось и прежде...
Ночь полнолуния. Сакура в розовых звёздах.
Небо молчит, недоступное утлой надежде.

27.03.2005

Мотель под Лиллем

Раухтопазы неясных глаз,
Смутный шёпот признанья.
Чистым порывом пройдёт сквозь нас
Тяга сквозная.

Уголья губ меня обожгли,
Горя угар легчает...
Так – очищая – сквозь нас прошли
Ветер и дождь печали.

1970-е

Бабочка

Несу тебя на краешке руки,
Крылатая и тонкая
Красавица: пыльца и огоньки
Летучими истоками.

Держу тебя на краешке души
Нечаянно, нелепо так...
Узора суть пытаюсь разрешить
И назначенье трепета.

Ловлю тебя на краешке любви,
Кому-то предназначенной;
Всею красотой пронизан и обвит –
А можно жить иначе ли?..

1975

Заговорю о главном

I. Ботаника

Заглянешь в микроскоп:
Пустейшее молчанье.
Что с этим колоском?
Что с этим молочаем?

На берегу речном
Их смерть уже настигла.
Всё кажется черно
Припаровальным иглам.

На части разорвут,
Что так цвело – на целом.
И жилки не живут
На листике ланцетном.

Не близость ли сама
В их ток мешает влиться?
О, слепота ума,
Глядящегося в линзы!

О чём цветы цвели
Никто уже не знает –
И красота земная
В шкафу лежит в пыли.

Гербарий – сух и строг.
В нём тьма научных истин.
Но выйти за порог –
И лес тебя очистит.

Упасть лицом в траву,
Зажмурить плотно веки –
Чтоб чудо наяву
Запомнилось навеки.

Былинку надломил...
Узнать даётся случай,
Как цветен малый мир
И – тишиной озвучен!

1970-е

II. Бабушка

«Баушка, – спросил, –
отчего грустна?

Нынче весело мне,
и я ботаник...

Ведь с утра ушла?
А я только со сна.

Не сердись, что попусту болтаю.
И что за травки в твоей руке?
Я уже тут всё собрал в гербарий
И смотрю под лупой:

в любом цветке
Венчики да чашечки разгибаю...
Ты на мшарах была?

У тебя куга –
Тифа латифолия,

а вот это – ледум,
Багульник по-русски;

ругай – не ругай,
Видишь – знаю,
будто и крался следом!

А с болотца ты пошла по ручью,
Верно?

Хамэприклимэnum
Только там и растёт...

Я не поручусь,
Что и ландыш там рвала непременно.

Так легко писал стихи я,
Хоть душа была суха,
Что страстей моих стихия
Вырывалась из стиха.

Нет, не сладить мокроступам
С ливнем, слякотью, тоской.
То ли жизнью сыт такой,
То ли впал в постыдный ступор.

То ли – время для покоя.
Сердце скуksилось само.
...Да порой махнёт рукою
Почтальон, неся письмо.

И тогда – покой разрушен,
Мука тянется струной...
В остальном я пуст и скучен.
Вкус – изысканно дурной.

1975

Предзимье

Лес побелел нежданною порошей.
Летит снежок осенний, озорной.
И память, и печаль всегда со мной:
Пусть осень не была для нас хорошей –
Я об улыбке помню неземной.

Мы спорили и злились допоздна,
Обидой реплик жаждали сравняться:
Совместная и равная вина...
Ну что ж, ты распрощаешься со мной.
Но как бы нам ни самоустраняться –
Я об улыбке помню неземной.

...Тебе, конечно, сны иные снятся.
Румянит осень щёки бузиной.
Ты можешь изменять и изменяться –
Я об улыбке помню неземной.

1970-е

Чертовски не везёт на страсть и страх,
На искорки, кружащие в кострах.

Метёт, метёт их ведьмина метла,
Да головешкам не сгореть дотла.

Всё пляшет, пляшет синий огонёк.
Я в силе тяготенья одинок,

Но адские, проклятые грехи
Переплавливаю в пылкие стихи

И, пламенем очищенный, живу –
Не посыпая пеплами главу,

И, проникая в огненный чертог,
Смолистый, дымный делаю глоток:

Божественно и боязно! ловлю
Губами осторожное: «Люблю...»

25.03.1974
Санкт-Петербург

Войти в сарай, махнуть рукою
Собаке, лающей навзрыд –
От радости, что мир спокоен,
Широк и безмятежно спит;
Пройти у брёвен, тронув робко
Кругляшки спилов и смолу
Натёков, щепки для растопки
В корзине, старую пилу...
– И, чтобы разгорелось пламя,
Чтоб холоду не сдать в плен,
Набрать морозными руками
Истопель сахарных полен.

1970-е

В ночь – когда полыхает радуга
Серебристых семи тонов,
В ночь – когда невозможно радуется
Исполнение старых снов,
В ночь – когда наше невесомое
Счастье стало так тяжело –
Веки, хрупкие и бессонные,
Лунной радугой обожгло.

3.02.1974

Приют Бездомных

Поутру ждёт осока на лугу
Прикосновенья жгучего металла.
Идёшь – нахмурен уголками губ.
А волосы – бессонница метала...

В кусты небрежно брошена рубаха.
Едва в руках мелькнёт брусок, едва
Оглянешься – крутым размахом
Прокошена высокая трава...

2.07.1973

Подборовье

Влага бродит в дереве вином,
Опьяняя льнущих, белокурых...
Пить, склонившись – ни о чём ином
У берёз не просим белокорых.

Чувствовать губами сок и страсть,
Родниковую весну сближенья,
Чтоб припасть друг к другу – и пропасть
В том, что всякой прелести блаженней!

Открываем вкусы для себя
Неизведанные, небывшие...

Солнце новое плывёт, слепя
Сквозь переплетения былинки.

И, неповторимая всегда,
Помня в глубине о непогоде,
Тёмным током старицу проходит
Тервайоки – лешая вода...

1970-е

Так время тикает, крутятся
На взводе стали по запястью,
Причинно-следственную связь
Свидетельствуя в безучастье.

Так сердце тукает птенцом,
Так узнаётся подошлёка
Событий нынешних, дрянцо
В своём минувшем и далёком.

Подумаю, куда б удрать,
И пробегу на край залива,
Где тянется к щекам стыдливо
Вполне лиловая будра...

Я плбчу и плачэ за то,
В чём виноват и невиновен,
И это существо двойное
В поступке каждом разлито.

Изочтены часы веселья...
Проворно покрывает круг
За кругом в кривизне весенней
Лучинка, безразличный друг.

1970-е

Левин Игорь

«Учился жизни в ФМШ, что и определило жизнь. Всегда что-то создавал и входил в конфликты. 30 лет в авторской песне. Сейчас в Канаде, возглавляю созданный мной Клуб «Второе дыхание». За спиной крупнейшие фестивали «Ростовское метро», стройбат, университет, работа электронищиком с жуткой секретностью, домогательства КГБ, чуть не стоившие свободы, написание песен для театра, ведение передач на радио, эпатаж, безумные выходки. Постарел, но не повзрослел. Реальность всё так же скучна, и её хочется разукрасить».

Когда мне подарили гитару – я растерялся.

Ведь на ней теперь нужно играть...

А я только слегка перебираю лирные струны.

Но мне сказали, что поэту нужна гитара,

И она всегда была со мной.

Теперь, читая стихи, я перебирал гитарные струны,

И мне было легче.

Нет, я так и не умел играть на гитаре, но

Когда у меня украли гитару – я растерялся...

Можно ездить в Москву, Ливерпуль, Будапешт

И в Париж впечатленья ловить.

Но другое на это я выменял.

Я лечу в дорогие не именем

Город Прошлой Любви, Город Новых Надежд.

Ленинград, Город Грусти, прости меня

За проплывший за окнами твой Эрмитаж

По пути на Приморский бульвар.

Ты его благодарным туристам отдашь,

Как Кавказ – черноморский загар.

Ты ещё их не сотнямипустишь.

Извини, я приехал за грустью.

Не надо музу торопить,

Ещё пегасик не отвязан.

С поэтом можешь ты не пить –

Но наливать ему обязан.

Ночи (веночек рубайат)

С чем сравнится, любимая, первая ночь?

Мне в сравнении мог бы всевышний помочь.

Клад копаю я там, где его не бывало.

Это подлая мысль, я гоню ее прочь.

Ночь вторая, то самая сладкая, о!

Не хочу я о ней говорить ничего.

Я познал это тело, душа же осталась,

Увы, под чадрую, и это милее всего.

Третью ночь соловей пел при той же луне.

Я вошел к ней, сгорая в любовном огне.

Но спросила: «А где ж жемчуга и опалы?»

И опало все лучшее сразу во мне.

На четвертую ночь я любимой скажу:

«Надевай-ка назад ты свою паранджу».

Ты, конечно, сладка, но сладка ты без меры,

Выпить горькой к друзьям я в кабаке ухожу.

А на пятую ночь нацелуюсь я всласть.

Покажу луноликой я ласку и власть.

О великий Аллах, ты же ей не откроишь,

Где та сладкая ночь у меня началась.

Перед ночью шестой я чувствую страх,

Все замки у любимой рассыпались в прах,

Дай несчастному силы хоть чашу пригубить,

Подскажи ей другие занятия, Аллах.

В ночь седьмую на то лишь махну я рукой,

Что любимая стала блудливой такой,

Что и евнухов сделала вновь жеребцами.

Все пустое, коль я обретаю покой.

О покой, без тебя мне извечно невмочь.

Но лицо открывает мне женская дочь.

И уж делим мы чашу с молитвой Аллаху,

И опять начинается первая ночь.

РУБАЙАТ

Жил Хайям, пил вино и писал рубаи.
Что того рубая там – да кто устоит!
Брошу оды вершить и займусь рубаями,
Рубаев нарубаю – то будут мои.

Не люблю я царящей у трона возни.
Кто пролез на престол – проходимцы одни.
О, Аллах, тот кто правит сегодня застолье,-
Вот достойный правитель, продли его дни!

Мы горюем в молчанье и плачем стихом
По тому, кто на кладбище нами влеком.
О счастливом рабе, получившем свободу,
Горько плачут друзья, что сидят под замком.

На краткий миг оставив свой кувшин,
Я попадаю в царство вечной лжи.
Велик Аллах, что он не заставляет
Меня с сим мигом пагубным спешить.

Едва взгляну в свой край со стороны –
Мои слова хулительно-скверны.
Прости, Аллах, готов продать я душу,
Чтоб мне пропасть!.. из этакой страны.

Почему же, – спросил меня юный пиит, –
Ни газелей, ни од, а одни рубаи?
Я ответил, отведавши мудрости чашу,
То, наверное, долгие годы мои.

О, Аллах, ты слишком строг,
Если, глядя между строк,
День и ночь с бессонной музой –
Тоже числишь за порок.

Скажут: «Дом наш прекрасен», – ты этому верь.
Скажут: «Лучше нет в мире подлунном», – не верь.
Скажут: «Видишь, отсюда никто не уходит», –
Отвечай: «В нем, наверное, крепкая дверь».

Только мудрые счастливы, о Бируни.
Мимолётное с вечным и ты едины:
Ты друзьям и кувшину яви постоянство,
А жену выбирай на ближайшие дни.

Лунолика, с кем поутру мы встаём,
Что до ночи ты в зеркальце ищешь своём?
Мы одною любовью давно уже живы:
Твой божественный лик обожаем вдвоём.

Что-то глаз мне не кажется старинный мой друг.
Говорят, с ним случилось несчастье вдруг.
Говорят, он несчастный на кобре женился –
Что ж, мы сами себе выбираем подруг.

Как бескорыстна женщина всегда,
Когда с разводом в дом идет беда.
– Ключ положи, любимая, и с богом!
Скорей из камня вытечет вода.

Пришел ко мне мой друг, устав в делах,
Искать уюта с чашей у стола.
Присядь-ка на пол, я на днях развелся,
Сидим в дому, – и то – велик Аллах!

Ты не тогда гляди в ее лицо,
Когда наденешь на нее кольцо.
Когда ты эту женщину оставишь, –
Тогда увидишь ты ее лицо.

Ты меня попрекаешь, о библиофил,
Тем , что все пропивая я книг не копил.
Ты скопил сто томов, не впитавши ни строчки,
Я же выпил до капли все то , что купил.

Направляясь в кабаk, повстречал я ханжу.
Он воскликнул: « Поэт! Пьешь вино ты, гляжу!
Ты, ученый, – и пьешь!» Я ответил на это:
«Ты не пьешь. Что еще о тебе я скажу?»

Ханжа! За трезвость ратуя давно,
Проклятым зельем ты назвал вино.
Но все твои потуги на веселье –
Убогий фарс, и стыдно и смешно.

А вам я , сукины сыны,
Скажу, и помнить вы должны:
Я , если пьян, – то совершенно,
Вы ж совершенства лишены !

Свой кувшин Бируни уже спрятал давно.
Чтобы запах ушел, отворю я окно,
Виноградную косточку в землю зарюю,
Догадайся теперь, что я делал вино.

Если очень давно нас не пилит жена,
Все равно она этим заняться должна.
Если нынче скандала опять не случится –
Буду знать, что неверного любит она.

Друг приходит и кажется очень мне злым.
Говорит он, что все мы, влюбляясь, ослы.
Он жену из гарема украл без калыма,
А теперь ею платит другому калым.

Почему не бранит меня снова мулла!
У служителя веской причина была:
Он в положенный час не свершил бы намаза,
Если б я не извлек его из-под стола.

Если царь всемогущий зовет во дворец,
Если девушки манят сияньем колец,
Понимай это так: если любишь свободу –
Ты из всех негодяев последний подлец.

Мой друг женился – это ли вина,
Что не поставил он друзьям вина.
Придет в слезах – тогда и объясню я,
Что не заменит нас ему жена.

Вся Фатима – целебный телу крем,
Руфь знает суть, Лу – букву теорем.
Аллах, ты всех в одной соединил бы,
Мне, бедняку не прокормить гарем.

Перестройка

Этой башне , конечно, идти бы на слом,
Но правитель, умельцев собрав за столом,
Приказал ее наново всю перестроить,
Сохраняя до градуса тот же уклон.

Что так лютуют наши палачи!
Все объяснимо, друг мой, не кричи.
У них вверху, похоже, перестройка.
На нас летят оттуда кирпичи.

Ты берешь две жены: для ума и телес.
Я скажу: двоекратно ты будешь нелеп.
Мудрый форму не станет делить с содержанием.
Ты с прекрасною глуп, а с премудрою слеп.

Сын сестры моей в кожанку стражника влез.
Я скажу ему, мудро валя дикий лес:
Мудрый в форме не станет искать содержания,
А тебя эта форма содержит, подлец.

Мой правитель решил, чтобы, как в старину
Всем неверным опять объявили войну.
Я сказал ему: мудрый, конечно не станет...
Он ответил: пусть мудрый покинет страну.

Мой друг сказал мне: не тяни резину,
Побрейся, душ и в десять – к магазину.
Мой друг, тебя я должен огорчить:
Я ровно в девять пьян был вдребезину.

НЕРУБАЙАТ

Когда уйду я в лучший из миров –
Моим врагам и тем вдруг станет грустно.
В сарае, полном позабытых дров
Умри жучок – в сарае будет пусто.

Мы долго доходим до этого
Но мудрость докажет свое!
Что женщина лучше одетая.
Так легче смотреть на нее.

Я совершенства в женщине искал
И находил, но не в одной – во многих
Я в той глаза любил, а в этой – ноги
И вечно что-то лишнее ласкал.

Луноликая, выслушав оды мои
Мне сказала: ты станешь главою семьи,
Не довольно ль быть вечно влюблённым поэтом?

Я покорно вздохнул, но подумал при этом:
Так мой год состоял из весны с Бабьим летом,
А теперь каждый год будет Годом Змеи.

Обними меня, женщина, просто легко и приятно.
Я о ласке прошу и не больше, не больше, о нет,
Я в дороге устал, я в пыли, ну да это понятно,
Но зачем же еще существует на свете поэт.

Обними меня, женщина, если меня и не любишь,
Обними меня прочим любимым хотя бы назло.
Это просто тепло, никого ты теплом не погубишь.
Обними меня, женщина, просто, легко и тепло.

Плач по осени

А ночью всё становится на место
И исчезают с неба облака.

Ты слышишь плач – так плачется невеста,
Чей милый друг уходит на века.
Пройдёт, придёт, вернётся Бога ради
Лечить теплом томление в груди.

Я кончил пить, закончились тетради,
Но только ты ко мне не приходи.

Я не успел, я многого не стою,
Я позабыл, где нужно ночевать,
Я не закончил пьяною слезою
Позор деревьев голых отмывать.

Они ещё, как ты полуодеты,
Ещё румянец вянет по плечам.
Но вижу завтра я и слышу «где ты»,
Что я когда-то завтра прокричал.

Вот-вот снега и вот уже исчезли,
Увяли листья в лиственных руках.

А ночью всё становится на место
И исчезают с неба облака.

Морозной ночью я поправлю шаль

На этой милой, глупенькой головке.
Мне жаль её, её мне очень жаль
И оттого слова мои неловки.

Нет, в словарях придётся полежать
Моим словам, изысканным и сладким.
А этой, в шали женщины мне жаль.
Ей никогда не выйти из тетрадки.

Верный раб свободы – я без правил

Любо мебель в комнате расставил,
Развалился в кресле и, конечно
Приютил на столике бокал.
Коньяку слегка туда накапал.
Взяв газету – взял и бросил на пол.
И сижу, задумавшись о вечном:
Что нашёл я и чего искал.

И бокал пригубивши, невесел
Я подумал, что меж этих кресел
Ведь могла бы, что-то напевая
Небольшая женщина гулять.
Или даже попросту девчонка.
Я б газету комкал обречённо,
В безъязычье стылом изнывая.
Не хватало б теты мне и ять.

Но – не глядя в карты ясно вижу:
И её когда-нибудь обижу.
И найду спасение в ответе –
Все поэты ближним – палачи.
Упадаю в смертную истому.
А девчонка мечется по дому.

Просыпаюсь – никого на свете,
Лишь звенят на тумбочке ключи...

Михеев Виктор

2-й выпуск (1966 г. 10а), ЛГУ, биофак, кафедра генетики и селекции. В настоящее время – заведующий кафедрой медицинской биологии и генетики ЛЛМИ (СПб ГМУ им. Академика И.П.Павлова), член Вавиловского общества генетиков и селекционеров.

Более 150 работ по генетике, в т.ч. статьи в «Биологическом энциклопедическом словаре» и «Большой Российской энциклопедии», учебник «Общая биология» для 10-11 классов совместно с А.П. и Н.А. Пуговкиными, почетная грамота Министерства Здравоохранения.

Женат, двое детей и двое внуков.

Ах, какие берёзки в Карелии!

Как в России – стволы белоснежные,
только кажутся более нежными,
потому что растут между елями.
Ах, какие берёзки в Карелии!
Мы на них с восхищеньем смотрели,
ветви-руки бессильно повисли,
Но какие-то грустные мысли
сверлят голову будто бы дрели.
Ах, какие берёзки в Карелии!
Ну а где-то на самом деле
ты, любимая, вы, знакомые...
Нервно пальцами листья комкая,
брёл по мягкому мху еле-еле я.
Ах, какие берёзки в Карелии!
Не было солнца – и отсырели
наши чувства, наши сердца.
Проглядел я начало конца
и словам на бумаге поверил я.
Не понять вам, берёзки в Карелии...
И наслушавшись звона капли
и запутавшись в этом аду,
прошепчу, прежде чем упаду
я, лучами солнца расстрелянный:
«Ах, какие берёзки в Карелии!»

1966 г.

День-ночь, день-ночь –
в сторону недели.
День-ночь, день-ночь
мы любимым пели.
День-ночь, день-ночь
глаз мы не смыкаем.
День-ночь, день-ночь
отдыха не знаем.
Видишь, мы спокойные,
хмурые отчасти,
злые, непокорные –
мы идем за счастьем!

1965

До крови губы кусай,
прячь глаза от людей,
сердце ноет – пускай,
только плакать не смей!
Смело вперед шагай,
сердцем друга согрей,
жизнь попросит – отдай,
только плакать не смей!
Жизни нет без борьбы.
Бьют – в ответ тоже бей.
Может, будут мольбы,
только плакать не смей!
Смерть за тобой придет –
ты держись, не робей.
Что Жизнь дала, то возьмёт,
только плакать не смей!

1965

Для тебя, как огонь в камине,
я горел, отдавая тепло.
Согревал, но, наверно, поныне
ты не знаешь, хорош я иль плох.
Я – не солнце, не газовый факел –
угасал, догорал день за днём...

62

Чтобы вечно гореть во мраке,
нужно сделаться вечным огнем.
Но меня ты хоронишь рано,
наступив на пепел ногой.
Я, как Феникс, из пепла восстану,
чтобы снова гореть... Для другой!
1966

Я прозрачный хочу поискать янтарь,
Листать, как страницы, волны.
Юноше кажется, так же, как встарь,
Балтийское море вольное.
Ладно, салагой меня зови –
Юнгой плаваю в море Любви.
Где ты, ты слышишь, милая?
Ну отзовись хоть раз!
Мне не распутать силою
сеть каждодневных фраз...
Я, как лунатик, мучаюсь,
злюсь, задыхаюсь, молю.
Я был бы рад и случаю
повстречать Мадонну свою.
О, Мадонна! Ты есть или сказка?
Я ведь верю, что ты придёшь
через Жизни болота вязкие,
где легко пропасть ни за грош.
Ты придёшь, простая, земная,
принесёшь мне тепло и свет.
Только, что мне делать, не знаю,
если в мире Мадонны нет...

1966

Руки любимых – ласка простая,
в холод – тепло, прохлада в жару...
Если б вы знали, как не хватает
вам доброты материнских рук!

1967

Звёзды бывают разными –
белыми, жёлтыми, красными.

63

Звезды-гиганты и карлики
на небе висят, как фонарики.
Есть бледные звёзды, есть яркие,
холодные есть и жаркие.
Их всех называют прекрасными,
а звёзды бывают разными!

1966

Спешите! Спешите! Одно представление!

Бесплатно! Смотрите чудо-явление!

Это явление в духе психоза –
смех сквозь слёзы!

Тихо вы, сволочи, не суетитесь –
всем достанется, насладитесь.

Сегодня даю в лошадиных дозах
смех сквозь слезы.

Если вам скучно, придите, послушайте,
только словами сочувствий не мучайте.

Я изрыгаю без страха, без позы
смех сквозь слёзы.

.....

Ищушим счастье в куче навоза
мой смех... Сквозь слёзы.

1965

Одену в кружева красиво-нежных фраз –

ведь это проще, чем в любви признаться...

И вечерами долгими, не открывая глаз,
всю жизнь тобою буду любоваться.

1967

Что грустишь, Алёнушка? Почему молчишь,

взгляд отводишь в сторону и одна сидишь?

Может, кто обидел или кого-то жаль?

Расскажи, Алёнушка, про свою печаль.

Может быть, царевича хочешь встретить здесь!

Так Иван-царевичи только в сказках есть.

Иль не знаешь, верить сердцу ли, уму?

Расскажи про грусть свою – может, я пойму...

1967

Ястребов Михаил

Выпуск 1966 года, 10-Г. Затем – матмех ЛГУ.

*Преподает и заведует кафедрой математики в Университете
водных коммуникаций.*

ПАВЛОВСК

Вдоль радиальности аллея
Гуляют голубые джинсы
Под зонтиками всех мастей.
«Мон Монпарнас» поет транзистор.

Здесь, с классицизмом не в ладах,
Споткнувшись, муза трет коленку.
Вода в Славянке и прудах
Морозно-голубых оттенков.

Давно свершился лета крах.
Опомнясь после пира мая,
Строинеют парки на глазах,
Последнюю листву теряя.

Вот нам карету подают.
Запряжены вагоны цугом.
Садово-парковый уют
Прощается, слегка напуган

Обильем знатных седоков,
Спешащих под дождем к вокзалу.
И осень не находит слов
Поведать, как она устала.

НЕВА

Дочери Ольге

Конь в черной жажде скалит зубы.
Все так же волны далеки.
Не медли! Ночь пойдет на убыль,
И ляжет солнце на штыки.

Конь будет жадной уничтожен.
За что же мучить так! За что же!
Пусти к воде его, пусти!

Чтоб своего врага спасти,
Два странных зверя в маске пенной
С другого берега реки,
С другого берега вселенной
Сигналят, злобе вопреки,
Кусая губы в пенной дрожи,
Мерцанием незрячих глаз,
С бесовскими очами схожих.

Клянись, что уж в последний раз,
– И да пронзит коня трезубец!

Спеши, расчетливый безумец!
Спеши, рассвет невдалеке.
Рассвет смертелен, император.

И всадник, чуткий, как локатор,
С ожившей теплотой в руке
Поводья тихо отпускает
И пешим на берег ступает,
Чтоб напоить коня в реке.

Вновь зримы завитки колонн,
Вновь штукатурка проступает.
И города контрфорс гранитный,

Строителя тяжелый трон,
Наощупь узнает слепая
От солнца ночь.

Угаданный, и снова видный,
Исаакия звенящий склон
Над утренней рекой блистает.

До игрищ марсовых охоч,
Вновь всадник гневного коня
Рукою гневною вздымает,
И вновь терзает шпорой плоть.

На Марсовом печаль огня
Четыре стяга раскаляет.

И давний шепот слуху явен
Опять: «Коль славен ... град ...
Коль славен ...»

И вторит эхо «... наш Господь ...»

НАЧАЛО ГРОЗЫ

Был миг: еще гром не добрался до слуха,
Обыденность дачную мистикой полня,
Но тучи лиловой отекшее брюхо
Уже протыкали рогатины молний.

Срывались без треска с каштанов подвески,
Не смели откликнуться струны гитар,
На окнах беззвучно рвались занавески.
Гроза начиналась. Шел первый удар.

НАПОЛЕОН

Лишь погружаясь в воды Стикса,
Освобожден от всех оков,
Он понял смысл улыбки сфинкса
И шепот сорока веков.

Лишь смертью к истине приближен,
Он понял, как обманчив вид:
Не высота, но неподвижность
Являлась сутью пирамид.

ПОЭТ И МУЗА

Дева!
Я избран
Шагнуть за черту!
Позволь!
Мне себя не жаль.
Я молод и смел.
Я без страха прочту
Времен и сроков скрижаль.

Все позади,
И осталась одна
Постылая благодать:

Не зная покоя,
Не зная сна,
Времена и сроки
Знать.

На заднем дворе,
Где в грязи весна,
Спорят,
Сбиваясь на крик,
Женщина,
Знавшая времена,
И узнавший сроки
Старик.

РАЗГАДКА ФОКУСА

Сыну Ивану

Колоду карт рукой непотною
Творец раскинул: кто куда? –
Мужчина, женщина, животное,
Растение, земля, вода?

Тут сразу шулер – непоседою
(Раз карты – шулер тут как тут)
Тузов наколет, но не сведает
Кого когда сведут на суд.

Грехи не смыть как гниль болотную.
Улики те же в день суда –
Мужчина, женщина, животное,
Растение, земля, вода.

Уловки фокуса все менее
Занятны. Жизнь, как и всегда:
Мужчина к женщине. К растению
Животное. К земле вода.

И такова колоды мстительность:
Мужчина, женщина – всегда
К земле. Плевать, куда растительность.
А кровь, как водится, – вода.

И всяк, готовясь к бесконечному
Небытию, поймет в свой срок
Как тяжело Ему, Предвечному.
Как он безмерно одинок.

Лишь Взрыв Большой для развлечения
Себе устроит, чтоб опять:
Мужчина, женщина, влечение
И суп из молодых опят.

Затворились зеленые ставни лесов.

Потускнели надежды на скорую зиму.
Из распахнутых хлябей небесных дворцов
Дождь глядится в пустые грибные корзины.

Заблудился я в черных промокших полях.
День случился такой, что не тянет к уюту.
День случился такой –
И не грусть, и не страх.
Просто осень к себе позвала на минуту.

Мир зарождался. Бог в спешке швырял

Небу под голову мягкие тучи.
Мир, богохульствуя, бился в падучей
И, высветив полночь, себя постигал.

В проблесках молний видел пророк,
Тверже утеса стоящий над кручей,
Кровь на руках. И боролся с падучей.
И стискивал пальцы. И случай стерег.

Но были другие – падучей горды.
Но бились в падучей – как бьются мечами.
Но на небо глядя, они замечали
Мгновенный припадок падучей звезды.

И то, как сгорает она напослед ...
Бились в падучей пророки и строки.
А мир повторяет падучей уроки
Плачем и шепотом тысячи лет.

И, может быть, новый азартный игрок,
Ставя печальный диагноз на карту,
Падучей звездой сорвется со старта
Навстречу судьбе от сует наутек.

И, может, отыщет тот смысл, что искал.
Счастливым иль горький, но выпадет случай,
И сердце вскричит и забьется в падучей.
И яростно пенистый вздрогнет оскал.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПЕСЕНКА

Здесь ни климата, ни погоды.
Здесь сияют нам непогоды.
И дает уроки притворства
Отсыревший Заячий остров.

Он порою такой двоедушный.
Он порою такой музыкальный.
Его камни легки и воздушны,
А туманный воздух – из камня.

Но дожди нас целуют в щеки,
С теплых губ смывая упреки.
Но, о шпиль не боясь уколотся,
Здесь витает genius loci.

Он порою такой двоедушный.
Он порою такой музыкальный.
Его крылья легки и воздушны,
А взглядишься – они из камня.

ТРИСТА МЕТРОВ

Владимиру Шестакову

Под прямым углом к покою
Рассекает невский створ,
Точно взлетной полосой,
В триста метров коридор.

Лучшая из привилегий
Нам дарована была –
Дом двенадцати коллегий,
Братство круглого стола.

Авангардом в стиле ретро
Здесь эпоха предстает.
Помнишь, ровно триста метров
Отводилось нам на взлет.

Помнишь, как, светясь задором,
Мы шагали налегке
Бесконечным коридором
Под прямым углом к реке.

Как, шагая триста метров,
Мы влюблялись триста раз.
Как учили триста мэтров
Выпрямляться гнутых нас.

Под прямым углом к сегодня
Рвался времени простор,
И в прорешину свободно
Умещался коридор.
От вчера до послезавтра
Выпрямлялась колея.
И сегодняшнее завтра,
Помнишь, помнишь, встретил я?

Что ж, вернемся к старой теме.
Что ж, продолжим прежний спор ...

А когда сомкнется время,
В светлом гневе встретит взор
Смерти страшную беспечность,
Уходящий в бесконечность
В триста метров коридор.

МОНОЛОГ ПОЛУЗАЩИТНИКА

Промахнулся в подкате кто-то,
И вратарь упал позади.
Не промажь по пустым воротам,
Обязательно попади.

Зачеркни полосу невезенья.
Возврати удачу опять.
Мы игру, мы всю жизнь изменим,
Но сейчас нам надо сравнять.

Боковой не дает отмашку –
Нет офсайда! Только ударь!
Мы покажем им, первоклашкам.
Пусть кусает локти вратарь.

Попади, взголоси трибуны.
Мы прижмем тебя к потной груди.
Слышишь, нервы гудят, как струны:
Попади, попади, попади ...

Как для счастья, однако ж, мало
Надо мне хоть на этот раз:
В жизни столько всего пропало –
Не хочу, чтоб пропал мой пас.

ОЧЕНЬ ПОЗДНИЙ РЕНЕССАНС

В темном сознании интеллигенции
Флюорисцируют реминисценции
О Ренессансе, о Леонардо
И обаятельных кавалергардах ...

Грубые дяди шумят под окном.
Пахнет в подъезде мочой и вином.
Хмурая тетя торгует капустой.
Ей невдомек деликатные чувства.

Как уберечь Ренессанса наследие ...
Ты за капустою будешь последняя?
Дама очнулась, вздохнула о классике
И об индийской лечебной гимнастике.

ПЛЕЩЕЕВ FOREVER

Лотта, Шиллер, Веймар,
В голове компот.
Дедушка Альцгеймер
В гости к нам идет.
С ним и старость краше,
И конец милей.
Передай Костлявой
Наш привет скорей.
Ложечкой десертной
Помешав компот,
К сущности бессмертной
Дедушка ведет.
Даст зимою грелку,
Летом кузовок.
А в мешочке белка,
А в руке свисток.

АНТИ - GONNA

*Константину Воеводскому,
учителю иронии*

Хор:

Человек устроен просто:
Он ленив и любит пиво.
За столом сидит красиво.
За любовь он любит тосты.

Корифей хора:

А когда влюблен – робеет.
В шарик скатывает детство
Скорой старости в
наследство.
В том подобен скарабею.

Хор:

В том подобен Льву Толстому.

Корифей хора:

В остальном не видно сходства:
Жить не хочет по-простому.
Все маклачит первородство.

Хор:

Человек устроен стрёмно.

Корифей хора:

Да, забил он на Софокла.
Затемнил в машине стекла.
Речи матерны и темны.

Хор:

В рабство продан он желаньям.
Глупым он страстям потатчик.
Тормоз, он Пандоры ящик
Отпирает со стараньем.

Мнит, что вылезет Хоттабыч
и свезет его в Дрогобыч
На ковре каратекинском.

Корифей хора:

Со стоянкою под Пинском
По-над Припятью-рекою.

Хор:

Перекур и все такое.

Корифей хора:

Все как лучше, глупый, хочет,
А ему б от всяка дела
Кочумать, беды не сделав.

Хор:

Он клокочет, ровно кочет.

Корифей хора:

Да, клокочет – ровно кочет,
Провозвествуй Аврору,
Нежити дает отпору.

Хор:

Но оракул знать не хочет.

Корифей хора:

Человек не любит числа.
Он, как правило, не Гаусс.

Хор:

В голове – первичный хаос.
Хард поломан, все зависло.

Корифей хора:

Человек устроен хрупко.
Много жить ему неловко.
Ждет он бабушку с литовкой
После бабушки со ступкой.

Чуть пожил на Караванной –
Глядь, уже на полотенцах
Входит тихим подселенцем
В крайний домик на Расстанной.

Хор

Так въезжает он с разгона,
Не закончив «I'm gonna...»
В ужас вечного закона:

Корифей хора:

Кто б он ни был, Антигона,
Выждав очередь в передней,
И, лицом от гнева рдея,
Пропустив вперед Медею,
Станет женщиной последней,
С чьим уйдет прикосновеньем.
Как с последним обретеньем.

Хор

Тщетно рек он «I'm gonna...»

БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ – 66

*Будем как солнце!
К.Бальмонт*

Анатолию Ныркову

Вот бы жару. Вот бы в угол задачник!
Столько соблазнов в моих городах.
Солнце, унылый артист–неудачник,
Грустно работает на выходах.

Скоро ль светилу гастроли и соло?
Питер заждался. Заждалось село.
Раз они так, мы за Ханта и Болла!
Судит Бахрамов, и нам весело.

Весел Эйсебио – пеналь в девятку.
Раз уж не золото, нам все равно.
Немец кусает и локоть, и пятку.
Будет январь – все повторы в кино.

Девушки всюду. Стройны, белокуры.
Трудности с пивом, а мы бы не прочь...
Хватит футбола. Учись, абитура.
Будем как солнце в норильскую ночь.

Будем как маршалы – зова не слышать
В битве конкретной за балл проходной.
Если прорвемся, соблазны задышат
В спину. Реальны, как дождь в выходной.

Будем как солнце – у лета на страже.
Если ж провалим – повалим в войска.
Чуть подождем, и Стрельцов нам покажет,
Как он кладет в паутину с носка,

Яркий, как солнце ...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЛАВНОМУ ФИЛОЛОГУ

Хватит нас лечить и строжить!
Мы имеем право *ложить*.
Не нужны нам и задаром
Ни Крючков, ни Бархударов.
Суздальский твой говорок
Вологодчине не впрок.

Ты хоть лопни там от злости.
Мы своих детишек *ростим*.
Как уедут – мы позвоним,
На *пинжак* слезу уроним.
Плакать – *начать* ли, *начать*,
А за ними нам *скучать*.

Будя вслед кричать проклятья.
Наше турц-пошива платье
Хоть оденешь, хоть наденешь,
А, по жизни, не изменишь
Факта, что его *покрой* –
Фуфель, лажа и отстой.

Перестань нам мозги парить.
Чтобы *яички* пожарить,
Дай людям ты сковородку,
А не ударений сводку.
Ты учти, пацан, слегка:
Мы – носитель языка.

Досыть эти укоризны.
Мы за свой проезд по жизни
Оплатили все по норме.
Что талдычишь о реформе?
Чтоб ты въехал, чтоб ты вник:

Мы, народ, творим язык,
А вы, филологи, только аранжируете его.

Ужо вот вас, негодников!
Подпись: Второгодников.

Два голоса – I

Столы расставлены покоем.
Твои поминки. Я спокоен.
Давно я плакать не умею.
И в снах к тебе давно не смею.
Когда б не Пропп с его задачей –
С избушкой, лесом и Ягой, –
Ты к нам сюда бы ни ногой!
Произошло бы все иначе.
Я бы сказал тебе «виваче!»
И ты б послушал, мальчик мой!
Ты был всегда послушным сыном,
Да Пропп прошелся по былинам ...

Мои поминки. Я спокоен.
Столы расставлены покоем.
Приемным. Дождик за окном
Напоминает о былом,
О детских беспечальных думах.
Не слышно городского шума.
Рояль, ребенок, ноты, Шуман.
Наездник смел. Крестьянин весел
От стареньких французских песен.

Над Невской башней тишина
Век на рефрен обречена.
Я слушаю ее в пол-уха:
За двадцать лет до Винни-Пуха
Ребенок с музыкальным слухом
И дневником один в квартире.
Он арпеджирует в четыре
Руки. Играет он вдвоем
С дождем, живущим за окном

Когда б туда! Там все иначе.
Отец бы крикнул мне: Виваче!
и Форте! Я бы был послушен
И с вами был. У вас посуше.
Столы расставлены покоем.
Мне их не одолеть. Ни в коем.
Ведь арпеджирует вдвоем
С дождем теперь другой ребенок.

Заслон незыблем, хоть и тонок,
Как вечна тоника в миноре
На ля-бемоль, на ля и боль.
На до и боль и после боль.
Все та же боль в любом повторе.

Ах, как поет в церковном хоре
Ну та, вы знаете, о ком я.

Все тихо. Только глины комья...

Два голоса – II

Други, нет у вас респекту
К моему плюсквамперфекту.
Нет, о други, без сомненья,
Никакого сожаленья
К горькому и хмурому
Моему футуруму.
Очень, очень некрасиво
Херить наши субстантивы.
Все, что вечно,
Все, что ценно,
Вы склоняете обшценно.
Каковы мотивировки
Грубой столь мотивировки?
А полотна, Тютчев, фуги?
Так опомнитесь, о други!

Ты реально не грузи.
Ты, олдмен, не тормози.
Ты расклад не усекаешь.
Ты дискурс не догоняешь:
Все, что в нашей жизни есть –
Это как бы типа жесьть.
Хоть прогугли всю Европу,
Хоть съемейли Бутенопу:
Мессидж, вечен и не нов –
Знал его еще Прутков.

Скажет киллер, скажет хакер,
Скажут Есперсен и факер,
Скажут поздно, скажут рано,
Хоть в Кармина, хоть в Бурана:
Ты в прогрессе языка
Тормозишь, пацан, слегка.
Ведь повсюду и везде
В смысловом одном гнезде
Феликса Экзистенция,
Баксы и потенция.

ОДА СОЛОХЕ

Интересом внук влеком:
– Расскажи-ка, диду,
Как ты ездил чумаком
На возу в Тавриду.
Хорошо пожилось встарь?

– А мабуть неплохо:
Ходит в гости пономарь,
Ждет гостей Солоха.

Не затырил в кимоно
Месяц чорт-пройдоха.
Видно ясно, как в кино,
Будку кабысдоха.

Не бросал никто из нас
Недопитой чарки.
Заложили по сту раз
Свитки у шинкарки.

От горилки гарна хмарь.
Бюст вздымают вздохи.
Я сижу, – не пономарь! –
Супротив Солохи.

Усих соперников обув,
Шкалик пью повторный,
Бо завжди я, хлопцы, був
Парубок моторный.

Бо, как Левченко хромой,
Не могу без жинки...
Светит месяц молодой
Падают снежинки.

Смотрит месяц в божий мир
Чорту на обузу.
Обретает новый жир
Пузо Свербыгуза.

За окошком девок визг
И колядок саунд. –
Локоть в зависти изгрыз
Шеф из «Парамаунт».

И слова, слова, слова...
Аромат поджарок.
Певчий, Чуб, и голова
Ждут раздачи шкварок.

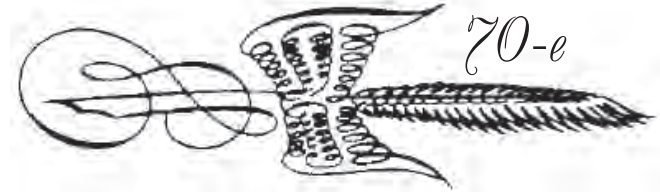
Кажный – с жинками мастак.
За базар ответит.
Светит в мир Солохи зрак.
Только им не светит.

Им теперь катать за дубль.
(В дубле жизнь погана:
Покороче платят рубль,
Нос воротит Ганна.)

Выпил я чуть-чуть ишо.
Хороша Солоха!
Стало очень хорошо
И еще не плохо.

Если надо – не вопрос:
Хоть в мешок, хоть в Питер...
За Солоху! Малоросс
Выпил, слезы вытер.

С ним и Чуб, и голова,
И Панас, и певчий,
И москаль.
Слова, слова...
Стало жить полегче!

Белоголов Владимир

Выпуск 1971 года, затем метеорологический факультет военной академии им. А. Ф. Можайского. Служил на Дальнем Востоке. Летал, плавал, дрейфовал на льду в Арктике.

Автор книжек «Войдите!» (1991), «Эхо» (1993), «Свеча в сугробе» (2000), стихи, «Мужчины должны быть нежными» (1999), «Сколы» (2007), рассказы.

Преподаватель Мурманского университета.

Наталье Павловне Королёвой

Свеча в сугробе

догорала.

Свече снега

не растопить.

Тепла, огня и воску

мало.

Да и фитиль -

всего лишь - нить.

Со мною тоже

так бывает,

что сердцу впору

замолчать.

Тогда одно

меня спасает -

что это - всё-таки

Свеча!

Друзьям

Не смотрю я на жизнь свысока,
верю в нечисть и верую в Бога.
Вот моя, вы пожмите, рука,
чтоб вам легче давалась дорога.

И когда за Туломой-рекой
солнце голову в сопки склоняет,
я щеку не рукой, а тоской
и молчаньем о вас подпираю.

Здесь безлюдье мне душу гнетёт,
там – бездушье людей угнетает.
Разве счастье своё обретёт,
кто его от себя отпускает?

Пусть судьба ваша будет легка.
Я взмахну вам рукой от порога.
Да поможет вам эта рука,
да проляжет ровнее дорога.

Поезд мой уходит в детство.

Дальний путь.
Мне не то что наглядеться –
мне взглянуть,
где на горках в кровь коленки
расшибал,
где с отцом на зорьке летней
пропадал,
жёл траву, ходил за плугом
сквозь весну
и шурят тягал упругих
на блесну.
Выйдешь в сад к берёзам старым –
зелень ввысь,
вишняки по крутоярам
разбрелись.
Мне стрижом полюбоваться
под стрехой
да в подсолнухи ворваться
за рекой,
да в саду по-над откосом
ночевать,
да косою на поле росном
помахать.
Но снесён мой деревянный
старый дом
вместе с яблоней корявой
под окном.
Нет берёз, чтоб стройкам нынче
не мешать.
Из всего, что мне привычно, –
только мать.

Песочные часы

Под ногами – хрустенье каштанов
и шуршит, опадая, листва.
Возвращаться сюда не устану
через год, через век, через два...

Бросят аисты гнёзда на крышах,
опустеют хоромы скворцов –
я вернусь, я пройду еле слышно
по тропе, где бежал за отцом.

Мне деревья раскроют объятия
и с любовью обнимет река.
Разве это могу не принять я,
не вернуться к ним издалика?

Ветер сыплет сосновые шишки
на ковёр из пожухлой листвы,
лес встречает меня, как мальчишку,
но уже с сединою – увя.

Камышовые жёлтые косы
опускаются в воды реки,
по крутым и непрочным откосам
оползают с обрывов пески.

Я неслышно иду по аллеям,
где ни шелеста, ни голосов.
Помню, как у отца на столе я
трогал колбу песочных часов.

Здесь песчинки проходят сквозь воды
свой земной неизведанный путь,
отмеряют секунды и годы.
И часы мне – не перевернуть.

Сергею Зюзюкину

Медленные троллейбусы

в снежной ползут тиши.
Деревья невских аллей босы –
их снегом припороши.

Зиму – долгой с тротуаров!
Не всё ж холодам сквозить.

Мне бы с тобой на пару
сугробы с души сгрузить.

Деревья глядят замороженно,
да негде и мне ночевать.
Мы выпьем с тобой, как положено,
закурим, чайку и – спать.

И радость в обоих тихонько
вселяется тёплым клубком.
Нас дворник баб Зина бойким
разбудит с утра матерком.

Счастливые мы, Серёжка,
и, пусть не всегда будет так, –
ты ключ мне оставь на окошке,
на свой убегая физфак.

1975, Ленинград

Моему десятому «В»

Я – на встрече.
И снова – молод.
И как будто впервые
люблю.
Неуёмное сердце
и голову
раздарил,
как клад по рублю.

Буйство зелени,
взглядов холод –
всё вбирал в себя,
не страшась.
От того и остался молод,
что лишь вами
порой дышал.

И, счастливый,
что как-то спасся,
я увидел вас,
ошалел

и живу
пришествием счастья,
что укрыться средь вас
сумел.

От того я силён,
свободен,
что во мне
золотой запас
сил,
который долгие годы
я ношу,
получив от вас.

1983, Таллинн

Закончилась пятнадцатая встреча,
смех отлетел, и нам пора на взлёт,
и я звездой счастливою отмечен,
хочу, чтоб повторился этот год.

Да, время нас коснулось, всех коснулось.
Одних ласкало, мучило других.
И это всё теперь во мне проснулось
на встрече одноклассников моих.

Мы изменились. Мы не изменились!
Как прежде, непокорность в нас живёт.
Вот только плечи как-то опустились,
да вот во взгляде что-то вдруг мелькнёт...

Девчонки наши нынче много курят,
а то – не приезжают вообще:
работа, быт, житейские ли бури,
оставившие шрамы на душе.

Да, время нас коснулось, всех коснулось.
Одних ласкало, мучило других.
И это всё теперь во мне проснулось
на встрече одноклассников моих.

1986, Ленинград

Одноклассникам

Облетят мои октябри.
К вам войду я и плащ сниму.
Заметут меня январь,
но я прежде вас обниму.

Когда к вам доберусь без сил,
те – разогнаны, загнан тот, –
об одном бы я попросил:
чтоб встречались мы каждый год.

Пусть – работа и пусть – семья,
пусть вздымается быт стеной, –
приезжайте, прошу вас я,
хоть недолго побыть со мной.

Буду видеть ваши глаза,
буду руки ваши сжимать.
Как я много вам не сказал,
еще больше – хочу сказать.

Мы дыханьем одним вздохнем,
засмеёмся, нальём вина,
и покажется ночь нам – днём,
как бы ни была ночь черна.

И не важно, о чём, сойдясь,
будем мы говорить в тот день,
если радость плещет из глаз,
если с лиц исчезает тень.

Наш разъезд неизбежен, как
торопливый времени бег,
только сердца тугой рюкзак
на год силы хранит в себе.

1989, Таллинн

Я опять вернулся в интернат
и прошёл под ивами в калитку
на крыльцо, что я оставил прытко
четверть века – миг – тому назад.

Здесь осуществилась связь времён
и пространства, в этом вестибюле.
С севера и запада поклон
вёз сюда я, как ветра ни дули.

Низкий синий треугольный стол,
кресло с драной спинкой, подоконник...
Здесь я годы лучшие провёл.
Здесь перила греют мне ладони.

Класс математических боёв,
где Декарт с портрета смотрит грустно...
Здесь паркет мы драили втроём,
до сих пор отсвечивает тускло.

Там – в сгущёнку завуч сел на стол,
тут – ведро с водой влетало в двери,
но когда б директор ни вошёл, –
знали мы – нас любят, ждут, в нас верят.

Лазали в окно по простыням,
голубей на чердаке ловили
и с олимпиад из разных стран
первые дипломы привозили.

Я опять вернулся в интернат
и прошёл под ивами в калитку
на крыльцо, что я оставил прытко
четверть века – миг – тому назад.

1995, Мурманск-Ленинград

Грузчики

Носы, глаза и уши зажимаем
в противогаз, снимая скальп живьём.
Мы из ангара в самолёт таскаем
тела – в фольге, частями и с тряпьем.

Несём останки к «Чёрному тюльпану»
в полёте сбитых в аэропорту.
Мы рот полощем спиртом, мы не пьяны,
но мы сдержать не можем тошноту.

Жара. Плюс пятьдесят, а мы таскаем
«Груз-200» по бетонке в самолёт.
Каких мужчин обратно отправляет
в Союз Афганистан, который год.

Не хватит веса – в гроб песок кладётся.
Отправка будет строго по часам.
Их получают кто и где придётся
и по чужим развозят адресам.

Ликвидатор

Константину Бочарову

Ты часто ходишь в тёмных очках:
жжёт солнце глазное дно.
И зубы, и сердце болят по ночам,
и память – как в страшном кино.

Апрель полыхнул, загорелся май,
прошёл над Припятью стон.
Беда! Буди, поднимай, снимай,
веди, старлей, батальон.

Бензин и водка, жара и дым,
смерть завела часы.
Но ахают девки, всё позабыв,
увидев твои усы.

Дозиметр зашкалил, робот заглох,
замерли трактора.

А это значит – Четвёртый блок
руками брать, на «ура».

Травится пылью, как ни береги,
взвод мальчишек-солдат.
Кругом – не враги, ты – за рычаги
и – в ад. Туда и назад.

Полгода ходил на горящий блок,
прикрывшись листьями свинца,
и двигал руками твоими Бог,
вулкан превратил в мертвеца.

Звездой Героя москвич награждал
в обмен на колонну ЗИЛов,
а ты – не взял, ты его – послал,
взял справку и был таков.

Ты валишь оленей, подняв автомат,
ловя их в прицел на бегу,
и про министра короткий мат
с усмешкой роняешь с губ.

Прощание с палаткой

Ты долго мне была надёжным домом.
Надёжным, сколь возможно здесь, на льду.
Колеса в воздух! С чувством незнакомым
с тобой прощаюсь, в самолёт иду.

Мы покидаем льдину, холод страшный,
разломы, что перекрывали путь...
И с Арктикой, и с ветром в рукопашный
мы каждый день ходили грудь на грудь.

Мы вдальбливались в лёд в тиши бездонной.
Мы – мускулы, да иней, да пешня.
Гремели взрывы среди торосов сонных
и глухоты арктического дня.

Морозы нас в дугу почти сгибали
и ветры больно били по щекам.

Мы до тебя, палатка, доползали,
мы чай глотали с бранью пополам...

Всё позади. И есть коньяк в избытке.
Но снятся мне, врываясь в тёплый дом,
фанерный пол и газовая плитка,
и выюга за палаточным окном.

Ты долго мне была надёжным домом.
Надёжным, сколь возможно там, на льду.
И, покидая самолёт знакомый,
я в мыслях вновь и вновь к тебе иду.

Я помню, в детстве наши драки

не безобидны были, нет.
Шли в ход, как по шальной собаке,
бутылка, цепь или кастет.

Гулял ремень свинцовой пряжкой
по спинам и по головам.
Упавший – был под дых, с оттяжкой
бит так же, как сражался сам.

Я помню все порезы, шрамы,
как нож и пулю получал
и как боялся: лишь бы мама
не слышала, как я кричал.

Друзья мои и одноклассники,
служили ли, тянули срок,
за что теперь вы рвёте глотки,
за что стволы суёте в бок?

В Анголе и в Афганистане,
и в Кампучии, и в Чечне
несли мы ужас и страданья
на самолётах и броне.

Мы напивались на «отвальных»,
встречались, было веселей.
Но становился каждый праздник
Всё тяжелей и тяжелей.

Был в вертолёте сбит Серёга.
Серёгу удалось спасти.
Но вот ещё б Серёге ноги,
чтоб орденами потрясти...

Сплетались судьбы, как тропинки,
но каждый по своей ушёл.
Кто в плен, кто без вести, кто в цинке,
А кто – домой, опять за ствол.

Я жив пока. Не на протезах
я, слава Господу, хожу.
Но, помня пули и железо,
ствола и зла я не держу.

Я наклоняюсь над стаканом
и, как дурак, среди мужчин,
твержу: «Как сделать, чтобы мамы
не слышали, как мы кричим?»

Маме

Месяцами тебе не писал
и раз в год приезжал на час я.
Новый год для тебя наступал
чаще, чаще, чем новое счастье.

Ну каким я тебе сыном был?
По стране колесил годами
до тех пор, пока не остыл,
не собрался вернуться – к маме.

Я готовил, стирал и купал,
ты – лишь тихо в ответ улыбалась,
а в больницу когда провожал, –
так же тихо со мной попрощалась.

И, когда уводил тебя врач,
повернула с улыбкою голову
и сказала: «Умру – ты не плачь,
вспоминай – я была весёлая».

Я не помню тебя в слезах –
песни пела задорно и звонко.
Оттого и звенит ушах
телефонная похоронка.

Мы катались на белых оленях,
проплывали в снегу, как в дыму.
И взлетали олени колени,
пробивали сугробы и тьму.

Шла ветвистая тройка, шла пляска
мягких губ и расширенных глаз.
Проносилась распадком упряжка,
полыхало сиянье – для нас.

И на грудь на мою в полушубок
ты упала – ни спеть, ни сказать.
Снег был мягкий и тёплый, как губы,
как твои – нараспашку, глаза.

Три сугроба, три белых дыхания
нас над тундрой, над миром несли...
Ты погладь, приласкай на прощание
трёх зверей в нежной снежной пыли.

Я привык умирать, я привык пропадать и теряться,
уходить, растворяясь в холодной заснеженной мгле.
А теперь я узнал, что умею любить и смеяться,
отогретый одною тобою на целой Земле.
Я тебя полюбил, я приник, я припал к тебе сердцем
и – рука на руке, и – щека на плече, и глаза...
От потерь, холодов и от гибели не отвертеться,
но хотя бы об этом тебе успеваю сказать.

Помню всё, но как пробиться
сквозь снега теперь?
Вьюга в дверь мою стучится.
Я открою дверь.
А за ней тебя не будет.
Ветер льнёт к окну,

ветер медленно остудит
звонкую струну.
Отзвенела, отсмеялась
радость наших глаз.
Всё прошло, но всё осталось,
согревая нас.
Неуёмная ты, память,
выйду за порог –
заметает, заметает
где-то островок.
Тот, что стал необитаем,
опустел без нас.
Заметает, заметает
и меня сейчас.

В твой дом я больше не войду.
С плеч не стряхну ни снег, ни вечер.
К глазам, что вспыхнут, словно свечи,
не подойду я, как в бреду.
В твой дом я больше не войду.

В твой дом я больше не войду.
Не буду жить горячим пленом
тех рук, чья нежность так разменна,
как рябь от ветра на пруду.
В твой дом я больше не войду.

В твой дом я больше не войду.
Там взгляды – как уколы жала,
там ты, ласкала, унижала
и этим навлекла беду.
В твой дом я больше не войду.

В твой дом я больше не войду.
Ни дети, ни друзья не ахнут.
И я стою, душой распахнут,
и жду тебя, покорно жду.
В твой дом я больше не войду.

Уничтожаю память о тебе.

Болят глаза, текут по сердцу слёзы.
В шальной и неожиданной пальбе
обрушился. Без мести. Без угрозы.

Не отдышаться. Время не вернуть
с теплом и жизнью, что ушли из тела.
Припомнится тебе когда-нибудь
душа, что удивлённо отлетела.

Что, не страшась ни холода комет,
ни призрачного света мироздания
обнимется с компанией планет
разведчиком, ушедшим на задание.

Я знаю, что жизнь скоротечная
не вечно пребудет со мной.
Морозным дыханием Вечность
бесшумно висит за спиной.

Нет в сердце ни света, ни святости.
Спокойно стою на краю,
где буду судим без предвзятости
за жизнь и за веру мою.

Веселова Татьяна (Алексеева)

*Выпуск 1979 г. (10-а), окончила ЛГУ физфак, кафедра радио-
физики. В настоящее время живет в г.Новополоцк (Белоруссия),
работает инженером.*

МОЕЙ СОБАКЕ

Мой верный пёс, иди ко мне,
Садись со мною рядом.
Тебя поглажу по спине,
Ответишь добрым взглядом.

Твои весёлые глаза
Всегда глядят с вопросом,
Когда мне грустно, мне в ладонь
Уткнёшься влажным носом.

Готов со мною разделить
Ты радости и беды,
И быстро можешь мне простить
Случайные обиды.

Мой добрый друг,
Твои года летят быстрее моих,
Но буду помнить я всегда
Взгляд верных глаз твоих.

Шумит за окнами гроза,
Грохочет дождь по крыше.
Нет-нет, меня ты не бросал –
Ты на минутку вышел.

Обидных слов мне не сказал,
И слёз в глазах не прятал,
А лишь с улыбкой мне отдал
Клочок бумаги смятый.

Душа противится тоске,
И жду звонка в передней.
Клочок зажат в моей руке –
Надежды луч последний.

Скатилась по щеке слеза,
Дождь всё стучит по крыше.
Нет-нет, меня ты не бросал –
Ты на минутку вышел.

МУХОМОР

Я гриб-мухомор,
Стою я на дорожке.
Красный я, как помидор,
Белые горошки.

Серый зайчик, волк, лисица,
Мимо пробегайте,
Можете мной отравиться,
Разве Вы не знаете?

Мухи, в гости приходите,
На меня вы поглядите,
Буду вами я доволен,
Меньше мух будет на воле.

Я вернусь в Ленинград –
Город сердцу родной.
Купола, Летний сад
И мосты над Невой.

У Ростральных колонн
Постою в тишине.
Белой чайки крыло
Промелькнет в вышине.

И в душе запоёт,
И заплачет струна –
Это память печальная,
Только она.

Это память о главном
В прожитых годах,
О прекрасной любви,
Что ушла навсегда.

ЗИМА

Снег кружится за окном,
Падает, не тает,
Намела зима сугробы
Без конца и края.

Утонули в серебре
Ели и осины,
Не спешит весна менять
Зимнюю картину.

Как живая на стекле
Веточка берёзы,
Нарисована рукой
Дедушки Мороза.

Снег кружится за окном,
Падает, не тает,
Разгулялась метель,
Календарь листовая.

СНЕЖИНКИ

Мы – подружки, мы – снежинки,
Мы красивы, как картинки.
Мы заводим хоровод,
Здравствуй, здравствуй, Новый Год!

Наши платица блестят,
Кружатся, сверкают.
Вот какой у нас наряд,
Каждый нас узнает!

Что это там вдали,
Мерцающая, не гаснет, горит?
Чей это голос в ночи
Мне о любви говорит?

Тихие песни слова
За душу взяли меня.

Кругом идёт голова,
Но песня стихает, маня.

Я вслед за ней бегу.
Звёздочка тает в ночи.
Как же любить я смогу,
Если сердце молчит?

Плывёт кораблик по реке,
Волна его качает.
Он к берегу не пристаёт
И курс он не меняет.

Река спокойна и тиха
И берега пологи.
Плывёт кораблик по реке,
Как по прямой дороге.

Что это? Сказка? Никогда
Так в жизни не бывает.
Бурлит и катится вода,
Года судьбы считая.

Проходит быстро жизни срок,
Ты с ним идёшь отважно.
Река в той сказке – ручеёк,
Кораблик тот – бумажный.

Дорога вдаль бежит моя,
Кругом – леса, поля.
Родная с детства сторона
Зовёт к себе меня.

Колёса поезда стучат –
Ритмичен перестук.
И сердца струны не молчат,
Рождают песни звук.

Та песня о родной стране,
Что снится сквозь года,
О том единственном окне,
Что ждёт меня всегда.

Посмотри на меня,
Уходя, оглянись,
Может сердце твоё
Тебе скажет: «Вернись!».

Сердце крикнет: «Опомнись!
Что делаешь ты?
Разве можно так просто
Сжигать все мосты?»

Разве можно забыть,
То, что дала любовь,
Что сквозь годы прошло,
Что сжигает нас вновь?

Разве эти глаза,
Что, прощаясь, глядят,
Позабудут любовь,
Не поймут, не простят?».

Может злая судьба,
Что поссорила нас,
Испугается взгляда
Взметнувшихся глаз?

Нет! Не может она
Сердца зов обмануть!
Не посмеет любовь
Так легко зачеркнуть!

Посмотри на меня,
Уходя, оглянись.
Это был только сон,
Ты проснулся. Вернись!

ЁЖИК

Бежит ёжик по дорожке,
Коротки у него ножки,
Но зато длинны иголки,
А иголки – очень колки.

Кружится жизни карусель,
Уносятся года.
Боюсь, что счастье я своё
Не встречу никогда.

Уже морщинки возле глаз,
И седина блестит,
Но счастья лучик золотой
Мой путь не осветит.

Наверно, надо мне самой
Пойти искать его.
Ведь, если просто ждать, страдать,
Не будет ничего.

Начну, пожалуй, свой поход,
Удачи пожелаю.
А ты, коль счастье нашёл,
Смотри, не потеряй!

Тихо в доме моём,
Голоса не звучат,
И часы на стене
Почему-то молчат.

Только дождик стучит,
Заглушая тоску.
Не могу больше ждать,
Я из дома бегу.

Я бегу от себя,
Я бегу в никуда,
Я хочу позабыть
О тебе навсегда.

Не хочу вспоминать
И забыть не могу,
И обратно по лужам
Я к дому бегу.

Возвращаюсь домой –
Также пусто, темно.
Сердце рвётся в груди,
Дождь стучится в окно.

Мне не нужно ни славы, ни лавров,
Ни признанья, ни быстрых побед.
Я пишу о том самом, о главном,
Что волнует меня, не даёт мне уснуть,
Неотступно преследует память мою
Вереницею прожитых лет.

Я пишу о любви и о счастье,
Что вернуть не смогу никогда.
Моя жизнь, как сплошное ненастье,
Мне нести свою боль, мне нести этот крест.
А когда не смогу, а когда упаду,
Моей жизни угаснет звезда.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Брось печалиться, брось грустить,
Поскорей улыбнись, мой друг,
И обиды попробуй простить,
Позови друзей и подруг.

И накрой им праздничный стол,
Пусть весельем заполнится дом.
Своё сердце друзьям открой,
Когда к горлу подкатит ком.

Твои беды для них – не пустяк,
Твои слёзы поймут они,
Как понять в этом мире тебя
Могут только друзья одни.

И погаснет грусти свеча,
И зажжётся надежда в глазах,
Ты обнимешь своих друзей,
Улыбаясь в счастливых слезах.

Брось печалиться, брось грустить,
Твои беды уйдут, мой друг.
Хорошо, что на свете есть
Столько верных друзей и подруг!

Дуровин Дмитрий

«После окончания матмеха (в 1985) неожиданно для самого себя продолжил обучение на инженерном факультете в Военно-артиллерийской академии имени Калинина, что у Финбана и на Литейном, 4 (ой, извините, 3).

В 1987 распределился в Москву в один военный вычислительный центр, уволился из армии в 1996, и с тех пор тружусь по компьютерно-финансовой части (считаю чужие деньги). Женился в 1994, дочке Ксении в августе будет 9 лет (заканчивает 2-й класс)».

К торжественному вечеру памяти Геннадия Кегелеса

Страшно, когда после смерти суровой
Кто-то, каким бы он ни был всеильным,
Быстро забудется теми, кто живы,
Памяти после себя не оставит.
Но человек не пустую жизнь прожил,
Но человек обретает бессмертье,
Если о нём будут помнить живые,
Если о нём кто-то искренне скажет
Песней хорошей иль просто стихами.

Восточная легенда о происхождении Луны

*Написана в 9 классе (1978-79) в соавторстве с Максимом
Киселёвым и посвящена нашему однокласснику Игорю Щербу.*

Пояснения:

ТК – «третий корпус», соседний продовольственный магазин.

Палата – жилая комната в спальном корпусе.

Старинную восточную легенду
Хочу сегодня миру я поведать,
И пусть во тьму уносятся столетья,
Сказать хочу я миру: не забудь!
Уважь священный дедовский обычай
И сей рассказ запомни, как молитву,
И прежде чем сомкнуть навеки очи,
Его ты расскажи кому-нибудь.

Жил богатырь прекраснейший на свете,
Был щедр, красив и храбр необычайно,
И было его имя так приятно
Для слуха, как журчанье родника.
Однажды Игорь (так его мы звали),
Однажды Игорь опоздал к обеду
И в страшных муках, голодом терзаем
Купил 100 граммов сыра он в ТК.

Подумал Игорь: «Стоит ли в палату
Мне сыр нести? Опасно, неразумно!»
Он побоялся (не без оснований),
Что украдут соседи сыр его.
«Сожрут и мне ни крошки не оставят,
Прощай мой сыр! Недавно эти люди
Стащили яблоки, которые принёс я,
Не понесу им больше ничего!»

И он решил: «Я спрячу сыр на время,
А если меня голод вдруг охватит,
Приду тихонько к сыру моему я,
Устрою пир себе вдали от всех.
А чтоб никто до сыра не добрался,
Его на небо спрячу – и всё время
Он будет на глазах моих. О боги!
Пошлите мне удачу и успех!»

И Игорь водрузил свой сыр на небо,
Сиял он ночью отражённым светом,
А днём в лучах слепящего светила
Он совершенно незаметен был.
И люди сей продукт Луной назвали,
Поэты про неё стихи слагали,
Влюблённые под ней стоять любили,
Волк ночью на неё тоскливо выл.

И в самый жуткий, тёмный час полночный,
В час, мало подходящий для прогулок,
Встаёт, как страшный призрак из могилы
Наш Игорь в сонной мрачной тишине.
И тихо – чтоб не дай бог не проснулся
Никто из спящих рядом иль поодаль –
Он открывает окна и, конечно,
Спешит к желанной цели в вышине.

Но Игорь по кусочку каждой ночью
Отщипывал от сыра – и иссякли
Запасы где-то через две недели,
И новый сыр он должен был купить,
А чтоб не возбуждались подозренья –
Мол, не было луны, и вдруг возникла –
Он отрезал от сыра лишь кусочек,
Чтоб ночью его к звёздам подложить.

А астрономы, гордые собою,
Исследуя космическое тело,
Нашли его диаметр, плотность, массу,
А кто-то даже на луну летал.
А это Игорь по два раза в месяц
С деньгами бегал в магазин за сыром,
Неделю возлагал его на небо,
Неделю – по ночам его съедал.

*Написано в 9 классе (1978-79) в соавторстве с Валерой Верязовым на
сдвоенном уроке алгебры, который вёл В. А. Гриценко.
Тема – задача про перепутанные шляпы («с какой вероятностью
каждый получит чужую шляпу, если брать их наугад?») – показала
классу очень скучной, и на перемене мы сочинили сей опус, написали
вверху листа «НЕЗАМЕТНО передай дальше» и пустили его по
партам в начале второго урока. Комический эффект превзошёл все
ожидания. Простите, Валерий Алексеевич!*

Н алкоголиков собрались
Бухнэть субботним вечерком,
В прихожей шляпы все остались,
Друзья уселись за столом.

Но вот уж гаснут в небе звёзды,
Давно в постель пора друзьям,
Они случайно брали шляпы
И расходились по домам.

...N дураков собрались в классе,
А «N плюс первый» у доски.
Скажи, какая вероятность,
Что все подохнут от тоски?

Макаров Николай

Выпуск 1971 года.

Затем МИФИ. В настоящее время живет под Вологдой.

Юность – лучшее время природы –
Экстремальна в волне ФЭМэШа.
Рассекают нас зрелые годы,
Но останется общей душа.

На исходе своих биографий –
Я уверен, что все доживем –
С мастерских, с кабинетов и кафедр
Мы приедем и пива попьём.

Если ж радость отпраздновать не с кем,
И вина наполняет бокал –
Вспомним: мы попрощались на Невском –
Значит, мы не расстались пока.

Снова закат за тучами,
Снова устал я, слабый,
Вновь меня что-то мучает,
Словно несданные лабы.

Что-то под сердцем колется,
Что-то на душу давит...
Выйдешь весной из корпуса:
Мир-то прекрасен, да ведь?

Небо такое синее,
Солнце и птичьи трели
Невыносимо красивые,
Словно расстрел на рассвете.

Дни мои энные, катые
Тают в бездонной сини.
Не заменил закаты я
Графиком функции синус.

Мы подчиняемся разуму,
Лазерный луч и плазму,
Даже болезни разные
Уж, побеждали не раз мы.

Только одно ужасно:
Люди, не слишком часто ли
Мы над собою не властны
И потому несчастливы?

К лбу не подключишь клеммы,
Ну так зачем мелочиться нам,
Жизнь разбивать на леммы,
Мучиться над частицами?

Так ли уж это надо нам,
Выгодно, что ли, красиво?
Вон от распадов ядерных
Вздыбилась Хиросима.

Польза познания выше?!
К черту такую выгоду!
Если один не выжил,
Выйдет – никто не выгадал!

Видно, мы любим фокусы...
Слышите, пахнут флоксы?
Я вот не вижу проку с них,
Только опять отвлекся.

Скажете: «Фу, как пахнут-то»,
Кто-нибудь ловко ахнет...
Но ведь для нас распахнутый
Мир не напрасно пахнет!

Грусть превращается в бешенство,
Душу доводит до судорог.
Надо бы мне утешиться
(Это, наверное, мудро).

Песня радиоактивного дельфина

Плывет барракуда
Как будто ослепла.
Откуда, откуда
В волнах столько пепла?

Нам, честное слово,
Здесь невыносимо,
Как будто бы снова
Горит Хиросима.

Эй, вы генералы,
Свихнулись вы, что ли?
Взрывая кораллы
В зеленом атолле.

Ведь люди друзья нам,
Так что ж вы хотите,
Чтоб все обезьяны
Подохли в иприте?

Зачем же вы бомбы
На остров, на пальмы?
Чтоб было им больно
В горящем напалме?

Чтоб дохлые рыбы
Всплывали на воздух
В от облака-гриба
Отравленных водах?

Чтоб взрыв в мегатонны
Обычного тола
Две тонны планктона
Убил у атолла?

Чтоб сгустками пыли,
Осевшей во влаге,
Вы всех бы убили
На архипелаге?

Нырять в глубины,
От смерти спасаясь,
Чтоб гибли дельфины,
Чтоб гибли вы сами?

Но бомба в зените,
Недолго ей падать,
Так что вы хотите,
Зачем это надо?

Вы сами ж отраву
Съедите в консервах.
Пусть в этом вы правы,
Зачем же нас первых?

Я могу сочинять о весне,

О природе безумно капризной,
Но сейчас больше нравится мне
Интеграл и сходимости признак.

Но сейчас больше нравится мне,
Чем бездонного неба беспечность,
Логарифм с основанием «е»,
Уходящий на плюс бесконечность.

Пусть закат полыхает в огне,
Горизонты развеликолепий,
Но сейчас больше нравятся мне
Бесконечные синусов цепи.

По площади подграфика

В час утренней зари,
Где ветер лишь играл века,
Шел интеграл-старик.

Иксы там в комнатном тепле
Смотрели из квартир,
Как на далекой на Земле
Холодный мерзнет мир.

Но не узнают те иксы,
Что тот кривой старик,
Бродящий в ранние часы,
Как площадь та – велик.

И что они – иксы – мелки,
Хоть их континуум,
Кто позавидует таким:
У них ведь в тине ум.

Это было в Венеции,
А быть может и в Греции,
Все же было в Венеции
В королевстве Зеркал.
Молодой математик –
Единичный квадратик
В равнобочной трапеции
Пятый угол искал.

Он искал его долго,
Но все не было толку,
И его утомила ходьба.
Не бродил он по стольку,
Не ходил он по стольку
Никогда, никогда, никогда.

Вот настал уже вечер,
На усталые плечи
Положил он заката лучи,
И закатом засвечен,
И закатом отмечен
Стал квадратик скитаться в ночи.

А кривая окружность
Как пустая ненужность
Хохотала: «Вокруг посмотри!»
Но спокоен наружно,
Он спокойный наружно,
Все скитался всю ночь до зари.

И тогда в час восхода,
В час, когда на природу,
Солнце льет на природу
Свой живительный свет,
Молодой математик –
Единичный квадратик
Понял вдруг, что угла того нет.

И тогда с облегченьем,
Позабыв про мученья,
Он покинул трапецию ту.
Ведь от солнца в луче его
Он увидел в луче его
Лишь трапеции той пустоту.

А в стране Зазеркалья
Треугольник Паскаля
Белоснежной вершиной мерцал.
И тогда тот квадратик
Молодой математик
В этой плоскости жить перестал.

До предела расширив
Стороны все четыре
Стал он жить в новом мире –
Светлом мире зеркал.
Солнце даже в надире
Светит ярко в том мире
И уж больше квадратик
Ничего не искал.

* * *

Там, где тангенс над осью абсцисс
В бесконечность взвиваясь, стремится,
Там, где синус над осью повис,
Достигая опять единицы,
Я бродил совершенно один,
Как константа бесстрастно спокоен,
И средь белых и смерзшихся льдин
Вдруг споткнулся об эллипса корень.
Надоело уж мне тут гулять,
Надоели мне синусов арки,
Захотелось мне львов пострелять,
Замечтал я о странах о жарких,
Где, куда б только ты не пошел,
Над тобой не висеть экспоненте,
Где в окошко глядит girasol,
Где contigo va sol lentamente.
И обдумав поступок такой,
Позабыв о прошедших мученьях,
За дугу я схватился рукой
И полез вверх ко всем приключениям.

Энным, эмным, Катым
Дни уходят Вниз.
Темным следом Ската
Вниз уходит Жизнь.

Рвется, руки Режет
Трав подводных Нить.
Бьется сердца Скрежет,
Встав, устанешь Плыть.

Если тяжесть Сбросишь,
Вверх выносит Лень.
Десять, девять, Восемь...
Смерк последний День.
.....

День последний Смерк.
Восемь, девять, Десять...
Лень выносит Вверх,
Сбросишь тяжесть Если.

Плыть устанешь Встав,
Скрежет сердца Бьется.
Нить подводных Трав
Режет руки, Рвется.

Жизнь уходит Вниз.
Ската следом Темным.
Вниз уходят Дни –
Катым, эмным, Энным.

Уж давно мне пора бы
Возвратиться в поля.
Там, где ветви парабол
Ординату пылят.

Я оставил там чисел,
Целых чисел кольцо.
Там закат разабсциссел
Люмнискаты лицо.

Там к своим асимптотам
Тихо тангенсы льнут.
Эх, придумать бы что-то,
Чтоб там жить пять минут.

Побродить по абсциссе,
Повстречать там иксы,
А потом биссектрисить
Утром точку росы.

Luz de la Estrella Amarilla

Заглохли горячие дюзы,
На почву ступила нога,
Тяжелым и тягостным грузом
На плечи нам тяжесть легла.

Уже не взлететь нам отсюда
С холодной планеты Плутон.
Под нами азотные груды,
Над нами пустой небосклон.

В бездонном и черном пространстве
Искры холодные звезд,
И страшный в своем постоянстве,
Сковал всю планету мороз.

На третьей от Солнца планете
Сейчас может где-то восход,
А здесь очень трудно заметить,
Как звездочкой Солнце цветет.

Сойдя на стеклянную горку,
Пинаем застывший азот,
И смотрим печально и долго,
Как по небу Солнце ползет.

И смотрим, и смотрим, как дети,
Как будто боимся задуть,
Потом мы подходим к ракете,
И все забираемся внутрь.

И снова в железной коробке
Проводим мы ночи и дни
И жмем бесполезные кнопки,
Как будто помогут они...

Пугачевщина

Наши души не чают тревоги,
Если ясен великий итог.
На большой человечьей дороге
Две коротких легли поперек.

Одна слева, наискось и вправо
В далеко от нехоженных мест.
А другая нормально, как слава –
Это кесаря нашего крест.

О судьбе

На сегодня кончен труд –
Разбрелись по хатам.
Но путем своим идут
Рок, фортуна, фатум.

Где-то там, где счастье есть,
Зазвенели струны.
Правят бал удачи в честь
Фатум, рок, фортуна.

Эй, фортуна, фатум, рок,
В вас почти не верю.
А зайдут на огонек –
Я открою двери.

Маме

Те уж рвы зарастают,
Что студентки вели
Против танков с крестами
От Москвы невдали.

Мама ехала смело
Не в глубокий восток,
А к реке, что умела
Возвращаться в исток.

И пол-Сокола, встретив,
Скажут «Здравствуйте» ей.
Это выросли дети
Милой мамы моей.

Жду не славы, не власти –
Что о том говорить.
Лишь бы выпало счастье
Мамин путь повторить.

Реквием

Папе

Без тебя мы теперь на свете.
Постараемся жить достойно.
Тяжело называть покойным
Нам того, кто нас так приветил.

Лад найти с человеком этим
Не могли ни разрухи, ни войны.
Спи, наш близкий, светло и спокойно –
Будут счастливы внуки и дети.

Доброту в тебе каждый заметил,
И остался ты совестью светел
В мире всех, клеветой не гнойном.
Без тебя мы теперь на свете:

Будут счастливы внуки и дети,
Если будем мы жить достойно.

Тихомировым

Молодеть художникам удобно –
Путь их труден, а труды нетленны.
Хорошо, что рисовать способны
И мои друзья – Володя с Леной.

Век жестокий бьется безуспешно,
Вздохам созерцателей не внемля:
Мафия в лесу под Будапештом
Рафаэля зарывает в землю.

Так на всякий неприятный случай,
Если разворуют галереи,
Напишите что-нибудь получше
Шишкина, Сизанна, Рафаэля!

Марусенко Константин

Учился в интернате в 1976-77 годы. Окончил университет в Петрозаводске. В настоящее время живет в Петрозаводске, работает программистом, женат, двое детей.

Мы вернемся сюда через десять потерянных лет,
Под январский салют отворим пожелтелую дверь,
Старый дворник сметет наш неровно проложенный след,
И посыплется снег в предвещании горьких потерь.

Выйду я на мороз от тепла и от ласковых глаз,
Взяв пушистый комок, по знакомой дорожке пойду,
Память будет точить, доводя до рыданий подчас,
Но того, что ищу, я уже никогда не найду.

Потеряемся мы среди черно-белесой ночи,
Разбредемся навек и не свидимся вновь никогда.
Все запомни сейчас, а потом не зови, не кричи,
Не услышим тебя – это было и будет всегда.

И лишь много поздней, в электричку пустую садясь,
Вдруг поймаю себя на раздумье о прошлых годах,
Я уйду в звездопад, ничему и нигде не дивясь,
память вновь зазвучит на минорных, но светлых ладах:

Будет мартовский дождь колотить о бескрайнюю даль,
Будет ранний туман серебром над Невою играть,
Будет плакать рассвет: И хоть прошлого искренье жаль,
Я пойму, наконец, что не надо его возвращать.

февраль 1978

М.Огинскому посвящается

Я обведу застывший зимний лес
Пустынным взглядом горького изгнания,
И снова вдруг заплачет полонез
Последнего и вечного прощанья.

Как будто капля призрачной росы,
Мелькнет надежда солнечным туманом,

Но не понять мне стынувшей красы
И тишины минут пред ураганом.

И не дожить: Уж такова судьба:
За тишиной – последняя атака,
Короткий вздох – и вечная труба
В сплетенье с кровью стонущего мака.

И только свет, далекий звездный свет
Клубится в сердце, память обжигая,
Отчизна мне последний шлет привет
Последний вздох потерянного мая.

И снова: тихо плачет полонез.

июнь 1978

Каждый февраль – это снова метели,
Снова дороги, пустые, как муки.
Холод: и мысль, что счастливое время
Меряют болью зимы и разлуки.

Но, проходя мимо старого сада,
Странно: Я помню отчетливо очень
Все, что весна нам дарила когда-то,
Все, что огнем перепутала осень.

Море листвы и отточенных елей –
Это не сон, это просто мгновенье:
Если б надежда жила без сомненья,
Мы не дожили б, мы не сумели б:

Каждый февраль – это долгая песня
Мыслей упрямых и мыслей зовущих:
Если бы только и только бы если –
Было бы чище, но все же не лучше:

Я прохожу, замерзаю, немею
И не жалею, что весны короче:
Так повелось, что счастливое время
Меряют холодом гневных пощечин.

Звук раздался тяжкий и бездонный,
Болью жестко прозвучал в груди;
Пианист, как будто отречённый,
Совести взывает впереди.

И опять по замкнутому кругу
Разливает трелью соловей,
С добротой, как преданному другу,
Сыплет соль, чтоб было мне горчей.

Я и сам прекрасно понимаю,
Что придумал этот светлый мир,
И напрасно с радостью внимаю
Пенью грустному уже поблекших лир.

Что ж, стряхну с себя оцепененье
И свечение давно потухших глаз,
Что слезой не вымолишь прощенья
Повторю, наверно, в сотый раз:

А минуты радостных волнений
Не вернет никто и никогда.
Лишь бескрайность жизненных гонений
Впереди да талая вода,

Словно память о весне ушедшей,
Как остатки вечного огня,
Как смычок нечаянно взлетевший,
что так честно пел не для меня.

май 1977

Межуев Игорь

Окончил интернат в 1979 году, затем окончил физический факультет ЛГУ. Несколько лет зимовал на полярной станции, ходил на научных судах в Антарктиду, жил в Британии и Канаде.

Лауреат премии журнала «Звезда» за лучший литературный дебют 1994 г. Публиковал прозу в журналах «Звезда», «Neue Literatur» (Германия), в сборнике «Творение» (Гатчина), выпустил сборник прозы и стихов «Натюрморт в городском пейзаже» (1998).

В настоящее время живет в г.Уилмингтон, штат Северная Каролина, работает программистом. Четверо детей.

1983-ИЙ ГОД БЫТИЯ ХРИСТОВА

Родители поработали на славу:
Нос прямой, брови вразлет.
Я вкопан в дорогу, на шее ладан.
Может быть, кто-нибудь меня подберет?

Милые дети вбивают мне гвозди в ладони,
(они ведь знают, что я умею терпеть),
Женщина в белом на мне сушит посуду,
иногда нижнее белье
(тогда я пытаюсь уснуть, чтоб на нее не смотреть).

По вечерам ко мне заходит Иоанн-апостол,
Такой же тонкий, как я, господин.
Мы снимаем с меня осторожно посуду,
И, чтоб не сбить рифму, идем в магазин.

В магазине чудно – есть все, что захочешь,
Во дворе магазина растет конопля.
Иоанн покупает тетради (чтобы продолжить Евангелие),
А я, обычно, тарелки,
ведь женщина в белом любит меня...

НА ДЕВЯНОСТО # ШИРОТЕ

Месяцами ждешь писем и новостей
Из мира, в котором хотя бы раз в сутки
Ночь обращается днем.
И вот из зевающего конверта
Выпадает убитая электрическим светом слеза,
И луч солнца остывший углем.

Что может быть проще и злей,
Когда месяцами ждешь звучащих надежностью писем
И хранящих покой новостей.

Ждешь – не перестаешь.
А надежда все тает.
Там твой мир без тебя вдалеке умирает,
На девяносто диез широте.
– Такой широты не бывает.
– Нет, я знаю, бывает,
Когда ждешь и перестаешь,
Ведь время бежит к потолку.
Доросло до него и... ку-ку:
Ты есть, а оно исчезает.

18.01.1987

ПАЛОМНИЧЕСТВО СВЯТОГО ИЕРОНИМА

По дороге, ведущей
По всем признакам в Палестину,
По пескам часовым и ковровым травам,
Теплый ветер, что твоя массажистка,
С любовью массирует спину,
Иероним бредет
В окружении стайки женщин.

Одни из них девственницы,
Другие бывшие шлюхи,
Но на данный момент,
и те и другие достойны небесного ложа,

124

Дирижабли юных грудей
О Боже, уже готовы к полету,
От долгой прогулки покрылась золотом кожа.

Иероним в складках хитона
Скрывает любимую книгу,
Одну из тех, в которых привольности
По тем временам самого высшего сорта,
Но запрещает глазам своим
К строкам ее прикасаться,
Впрочем и к нежной плоти
Дам своего эскорта.

А спустя пару лет замечает
В «Письмах о женском вопросе»:
– Наша жизнь – это поприще подвигов,
Чтобы Там мы могли увенчаться,
Но, мой Бог, как не пасть от укуса /читай: соблазна/
Среди миром забытой пустыни
В царстве змей, ухверток,
И брачующихся сколопендр.

12.06.1989

ОСЕННЯЯ ВЫСТАВКА ПА

Ты больна,
А я у твоей постели жду заплутавшего в лабиринте
дворов рассвета.
Под унылые гаммы охрипшего за ночь кларнета
Через город продрогшие тени бредут,
Листья, ветви покинув,
Соревнуются в танце последнем,
Сиротливые позы деревьев предвещают зимы холода.
Спросишь ты: – Что в окне?
Я, чуть вздрогнув, отвечу:
– Так, осенняя выставка никем не придуманных па.

1986

125

ЗАНАВЕС!

Мой день – беспробудный сентябрь,
В гостиной разобран паркет,
В холодной постели лелею
Из проволоки женский макет.

Машинка все время в прикиде,
Набралась бредовых идей,
Бастует ямбы печатать,
Ворчит: «Устарел Хорей».

Я не желаю с ней спорить,
Настукиваю рок-н-ролл
Иногда даже ногами,
В чем и есть причина наших с ней ссор.

Надоело! Вырываюсь за двери.
На пороге Каменный Гость...
Дает на бутылку собаке,
Вахтеру бросает кость.

«О, MEIN GOTT» – с досадой вздыхаю:
«Послушайте, командор,
Не знаю я доны Анны,
И не смотрите в упор!»

Проваливаюсь под землю,
«Балтийская» – «Площадь Мужества»
сей бесконечный туннель
Выкапываюсь, отряхиваюсь,
Для рифмы выпиваю коктейль.

Сворачиваю в переулки,
Твой голос мне машет рукой,
В сотый раз путаюсь в знакомой улице,
Двери, лестницы, СТОЙ!

Но взлетаю по лестнице, –
Лифта здесь нет.
Первый этаж,
Второй,
Третий.

Вот, наконец, Она,
Одна,
Та,
Которая держит меня в постоянном движении,
Лишь временами даруя покой
нежной рукой...

Целую немые ладони:
«Я во сне тебя навещал?»
Разбиваюсь птицей о кирпичную кладку двери...
Кажется, опоздал.

Возвращаюсь в осаждающий каплями влагу дом,
Раздеваюсь с трудом.

Вдруг –
Ее запах проснулся,
Как булавка, случайно забытая в шубе
в мохнатом плече.

НА ПЛОЩАДИ ВОССТАНИЯ

Шныряю по вокзалу
В переход – вниз, вверх,
к билетеру в окно.
Жажда по сердцу молотом:
Хочу видеть ее!

На площади Восстания,
Конечно же, время восстало:
Часы из рук сходу на башню
И заснули устало
лицом на четыре стороны.
На миг звездную карту неба
над землей начертали вороны.

Лев поглотил дельфина,
Акула во фраке скушала льва.
Молю полярного идола
Найти выход из Зодиака
на эти четыре дня.
Билеты уже в кармане,
Хочу видеть тебя...

Январь 1984

СОКРАТ

Волнистая линия его судьбы,
Что волнистая линия его губ.
Раз не может ирония мир обрести,
То не сможет шар вписаться в куб.

Волнуется море, а ведь было как сталь,
Даже птицей трепещет в бокале яд.
Ночь похожа на дрожь.
Только звезды-зрачки на вибрацию мира
С усмешкой глядят.

03.07.1988

ИСКОРКА

Звуки застолья вливаются в песню,
Замкнутым фоном глухой разговор,
Пальцами дыма ласкаешь пространства,
Жестом наносишь неспешный узор.

Пепел как символ ближайшего плана,
Стаи огней хороводят в печи.
Белая искорка – ангел из ада,
Душу мою средь углей различи.

21.05.1986

ЛЕТНЕМУ САДУ

Садик продрогший
С названием «Летний»
Осень стноила листья бесследно.
Только стволы деревянных орудий
В небо палят
Предвещая день судный,
Без передышки
Криком грачиным,
Нет нам поддержки в мраморе чинном –
Мрамор молчит в катафалке мундира
Пыльной окраски, покроя сортира.

Близость воды
Означает фатальность,
Паперть уносит ступени в Фонтанку,
Смотрит старушка – вязальная спица
Уж не желаю ли я утопиться?
Что Вы, мадам,
Не волнуйтесь за это –
Холодом тело мое отторгает
И застывает подобно студню
Лава без запаха и без цвета.
Не обещая, что будет лето.

1989

Незговорев Николай

После окончания 45-го и химфака более 30 лет живет и работает в г. Димитровграде, в НИИ Атомных реакторов. Радиохимик, ст. науч. сотрудник, начальник группы анализа. Ученой степени нет.

Семейный стаж 31 год. Две дочери, старшая работает врачом, младшая завершает обучение в институте. Внучке 6 лет.

Первые попытки сочинения стихов относятся к 1968-9 году, то есть еще до Интерната, но началом все-таки считает 9-й класс и год 1970.

ПАМЯТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Так ненароком мир живых оставлен на чужбине...
Парижский рейс его принес на траурном крыле.
Не рай, не ад – родной Арбат в объятья душу принял,
А тело обрело покой в Ваганьковской земле.

Когда свеча его души, чуть пламенем колеблясь,
Неверным светом озаряла госпиталь Перси –
Спешил все так же по Москве полуночный троллейбус.
Он опоздал. Он не пришел спасти и воскресить...

Стирает время нашу боль и слезы об ушедшем.
Природу нам не обмануть – конец у всех один.
Но невозможно говорить во времени прошедшем
О том, кто дорог и любим, и так необходим.

Простой волшебник – в двух словах умел сказать о многом,
Понять, утешить и простить жестокий мир – успел.
Сам в жизни не нося креста, он стал почти что богом,
Святым учителем для всех, кто жил, творя, и пел.

Он знал – не вечен старый мир, но в приходящем новом
О том одном его душа болела без конца,
Что не романтик, не герой Москвою коронован,
А серый денежный мешок без чувств и без лица.

Да, слишком трудно наша жизнь становится добрее,
И точит прошлое кинжал для мести роковой...
Поэт останется всегда дежурным по апрелю
И не покинет пост Любви бессменный часовой.

Нас время делает мудрей, излечит и состарит.
И среди будничных забот – нам светом вновь и вновь
Тот немудреный перебор на простенькой гитаре
И вдохновенные слова, и в каждом – лишь Любовь.

И как бы над судьбой людской ни каркал подлый ворон –
Простых, негромких добрых слов ему не заглушить!
Надежды маленький оркестр с Любовью-дирижером –
Он так же сложен и красив. Он вечно будет жить.

Так соберемся же, друзья, под знаменем Булата,
И пусть удача-госпожа ждет всех до одного!
Возьмемся за руки, друзья, по вечному Арбату
Пройдем, по улице Любви, по улице Его!

12-14.06.1997

БАРТО

О, где веревка из детства –
в конце веселый кораблик, –
И радужные лягушата,
скачущие по пятам,
И сказочная речушка?
Живой еще капитан.
Ему хромая судьба
не раз подставляла грабли.

Сомнамбула-слон бессонный,
козленок в траве заблудший...
Пора, когда веришь свято:
день кончится запятой.
Тех лет победы и беды
сегодня помнятся лучше,
А достижения зрелости
кажутся суетой...

Как он пацаном зеленым,
с бедовой Танькой играя,
Дурашливо и прикольно
катал в машине котов!..

Теперь – под горку, качаясь,
бычком – до самого края,
И надо куда-то падать,
а он пока не готов.

Натянут новую кожу
на лопнувшем барабане.
Давно отряд разбежался,
флажок поменял свой цвет.
Лишь мячик плывет, не тонет
(куда ты, бабушка Таня?)
Отсюда мячик не виден.
Отсюда – возврата нет.

Уроненный, но не брошенный
хороший мишка трехлапый,
До ниточки мокрый зайка,
грузовичок заводной...
Ах, сколько реминисценций
нечаянный дождь накапал!
Немного грустно, ребята.
Давай еще по одной...

Осень 2006

ПРО КОЧЕРЫЖКУ

Юрию Турунову

Как счастливы мои
беспечные соседки –
И розы, и сирень –
кто пахнет, кто цветет,
Людскому «ох» и «ах»
внимая каждой веткой.
А мне любезных слов
не скажет садовод.

Всё верно: ни цвести,
ни пахнуть не умею.
Я из родной земли
обыденно торчу,

132

Смиренная раба,
растительная шея,
Лишь кочаном своим
верчу куда хочу.

А он сидит на мне
зеленым крепким задом,
Одёжки-лопухи
раскинув на весу.
Я – пальцами корней
рыхлю глубины сада
И сок для седока
сосу, сосу, сосу...

Но мне за труд ни благ,
ни почестей не будет!
Несправедливый мир –
в нем правды нет как нет.
Ведь мой кочан съедят
изысканные люди,
А я пойду – в силос,
корове на обед...

сентябрь 2006

ОСЕНЬ ЛИСЬЯ

Гуляет перелеском осень лисья,
Резвится на просторе светлым днем
И в тишине задумчивые листья
Окрашивает охрой и огнем,
Укладывает их ковром постельным
И в ноябре, однажды, поутру
Взмахнет правилом с кончиком метельным –
И спрячется в подснежную нору.

сентябрь 2006

133

НОЯБРЬСКОЕ

От хмура дня от ночи мгливой
Родится мутная заря
Последний рухнул с дуба листик
Как желтый день календаря

Синоптиками наколдован
Немилосерден как ожог
Из неба старого худого
Трусится белый порошок

Он просто хищно и умело
Отрежет кроны от корней
Все сущее на этом белом
Еще черней

ноябрь 2006

Турунов Юрий

«Выпуск 1972 г., класс “Д” В 1977 г. закончил СПбГУ, химический факультет, кафедра молекулярной спектродологии. работал почти 20 лет в НИИ Земной коры. Не “остепенился”. Затем и ныне – в ООО “Информаналитика”. Женится в 19 лет, сейчас нам по 53. Две дочери, внук. 2-3 песни на мои стихи кем-то когда-то исполнялись. Основным стимулом писать, главным образом, был интерес друзей, одноклассников».

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

В чистом поле весной воздух сладок и травы густы,
В синеве облаков свежий ветер полощет рубашки,
В чистом поле поют о весне полевые цветы –
Колокольчиков звон вторит клавишам белой ромашки.

В чистом поле поют о войне полевые цветы,
В слабой памяти трав тлеет искра пожара –
Сквозь ковёр лепестков,
словно призрак, белеют бинты,
Розовеют бинты на груди комиссара!

Полевые цветы –
Боль, горящая крохотной искрой.
И простые кресты,
И гранит обелисков, –
Все равны с высоты
чистоты их, и нет суеты
Там, где память хранят,
нашу память хранят
полевые цветы!

Дымом пахнет ковыль, маки светятся, как угольки,
Видишь цепи солдат – волны желто-зеленого хлеба...
А в полях там и тут
васильки,
васильки,
васильки –
Словно чьи-то глаза смотрят в синее-синее небо!

Выпал снег в сентябре – прежде матери сын поседел,
Облетают листья
так безвременно прерванных жизней...
Будто, с фронта письмо,
что отправить солдат не успел,
Полевые цветы адресуют сквозь годы Отчизне.

Опять меня никто не провожает,
Лишь друг последний, ленинградский дождь,
В бетонных блюдцах щедро отражает
Лохматых туч безрадостный кутёж.

Пузырь на луже лопаётся звучно,
Ни звезд, ни солнца небу не суля,
В мишени глаз вонзаются поштучно
Осколки... абсолютного нуля!

Нахохлившийся корпус самолета
Безжизненные крылья распластал –
Над городом нелетная погода...

Туман с деревьев листья объедал,
Давилась камера хранения вещами,
Я видел Завтра сквозь закат косою –
Как мы с тобой, укутавшись плащами,
Целуемся пред взлётной полосой...

...Но полно, дождь, туманами клубиться,
На город равнодушный слезы лить,
Ты так и не приехала проститься –
Проститься, означавшее простить.

НЕДОПЕТОЕ

Залепили стекло тополиные жёлтые листья,
Задыхаются дни
в синих кольцах табачного дыма, –
Не дописаны строчки к тебе, не отправлены письма...
Боль хочу проглотить – и давлось
воплем Древнего Рима.

Цепи горло сжимают, гремят кандалы на куплетах,
Жжёт, как рабства клеймо, недопетость железом калёным:
Недопетость любви, недолюбленность песен пропетых,
Недозрелость признаний,
в уста не вошедших влюбленным.

Тень мечты, с пьедестала рукою низвергнутой жесткой,
Свет звезды, в пустоте замороженной фразой холодной,
След ушедшего утра...
Но слепок вчерашнего воска
Твёрд, как сталь, как гранит, как алмаз –
и вчера, и сегодня.

Захлебнулись стихи, буквы музыки сорваны пеною,
Рабства цепи не сброшены, мозг леденящие трезвый.
Леденящие мозг – пепелящие искрой нетленной
Сердца стужок живой,
иссечённый десятками лезвий.

Небо капает кровью, трещит Солнца пульс оголтело,
Треугольные звезды
ржавеют в концах сучковатых Крестов...
...Пишет песни душа алым росчерком боли по телу,
Запоздавшей мелодией тех, недосказанных слов.

К ***

«Быть поэтом» равно «страдать»,
Непреложна истина эта –
Я спешил в тебе угадать
Роковую музу поэта.

То парил, ложась на крыло,
Вороное, – дивные пряди! –
То палил души НЛО
Мимолётной искрой во взгляде.

Обнажилась стрижкой щека,
Твой слегка ахматовский профиль –
Я взлелеял страсть из щенка
До порочно-точного «профи».

Что к вершине путь, что на дно,
Все к огню полет – не к стеклу же!
Я хмелел, лакая вино
Из вполне нарциссовой лужи.

И страшась ее расплескать,
Всё гасил приливы о скалы,
Но вскипала боль у виска,
И кусала плоть, и ласкала,
И тугой плела воротник,
И бальзамила сердце боль же...

Так прости, если хоть на миг
Для тебя был я чем-то большим

ГОВОРЯЩИЙ СКВОРЕЦ

В позолоченной клетке закрыт на замок
Лабиринтами зданий,
Я лишен синевы, и дурмана тревог,
И тоски расстояний.
Пролетит за окном настоящего дым, –
Лишь коснусь его взглядом...
Я пою о любви, и ты веришь моим
Прошлогодним балладам...

Я пою, но порой рвется памяти нить,
Ложь мешается с былью,
И меня начинают уже тяготить
Бесполезные крылья.
Отпусти, – я прошу, – будят в сердце печаль,
Манят мудрые предки...
Ты меня увезёшь в заозёрную даль
В позолоченной клетке.

Снова сотни крылатых друзей и подруг
Собираются в стаи,
И вот-вот в вышине их спасительный круг
Задрожит и растает...

Век певца невелик, мне так важно успеть
Спеть на манговой ветке!
Ты предложишь мне к синему морю лететь
В позолоченной клетке...

Был пленен я за свой человеческий дар –
Не за райские звуки.
Ты своею рукой мне наносишь удар.
Я люблю твои руки.
Чашу зла и добра мы по жизни несём
На одном коромысле...
Я умру взаперти, но спасибо за все.
Это трудно осмыслить.

ПЕС С НАМИ

Блохастая, свалывшаяся шкура,
Слезящиеся мукою глаза, –
Лишь добрая до святости натура
Способна приютить такого пса.

Ни денег, ни престижа не сулит вам
Возня с ним, осознания опричь,
Что псиним уготовано молитвам
Ушей лишь человеческих достичь.

Да будь я трижды глух, и с горем в доле,
Будь кобелем, жующим «Pedigree»,
Мне не уйти от несобачьей боли
Собачьих глаз, смотри в них – не смотри !

Ледышкой сердце в бездну убегает,
Душа на миг земные пути рвет ...
Её реинкарнация пугает,
А может, память прошлая зовет.

Усталый взгляд, усталая улыбка...

Любимое лицо светло, но зыбко –
Дрожит размытый мглою миль иль лет
Знакомых черт непостижимый свет...

Сам свет устал. Устал ко мне идти.
Устал от непомерности пути.

Занято, занято, занято, –
Зуммер зудит злорадно,
Звёздное завтра залито
Зыбкой змеёй заката,
Зорь закрома золотые
Зверским засовом заперты...
Звоном зеркал застыли
Звуков занозы. – Занято!

Земля – это наша опора и сила,
И щедрая чаша с плодами и хлебом;
Она нас кормила, она нас растила,
Она нам простила, что бредили небом...

РУССКИЙ ЭТЮД

Природа спит. Кувшинкой и осокой
Заросший пруд... Поди, растормоши!
Лишь путаются тихо камыши
С плакучей ивой, некогда высокой.

Дорога – дрянь. Тропа грязна и склизка.
Чем дальше в лес, тем реже старый бор,
А всё шумит... Чтоб заглушить топор,
Который – коль прислушаешься, – близко.

Поля... Бескрайние овраги, балки, ямы.
Обнажены ручьями корни трав;
На осыпь лезут, логику поправ,
Пять-шесть осин – до одури упрямы!

По косогору в топь скользит хибара:
Забиты окна, нараспашку дверь...
Но есть чердак, в котором – верь не верь, –
На сотню лет отменного товара!

У меня величия мания –
Треуголку прячу в кармане я:
Треуголку прямоугольную,
Толщиною с тетрадку школьную,

С чуть заметными бакенбардами,
С тонким грифом, истертым бардами,
На глаза – вуаль синей дымкою...
Служит шапкою... Невидимкою.

РЕКА В ПУСТЫНЕ

Пускай сто тысяч рек
Живут свой долгий век,
Не зная горя.
Весёлый чертят след
И миллионы лет
Впадают в море,
В озерах-родниках
Рождается река
Другого сорта,
Что в душный мир песков
Несёт себя легко
И гордо.

Река среди песков,
Вода в пустыне,
Далёко-далеко
Твои святыни,
Озёра-родники –
Любви истоки, –
Чисты и велики,
Студёно-глубоки,
Светло-далёки...

Пустыню напоить
И щедро утолить
Людскую жажду?..
И знать, что навсегда
В песок твоя вода
Уйдёт однажды?..
Но если до сих пор
Среди песчаных гор
Цветут побеги,
То вечна не жара
Небесного костра,
А реки.

Пусть лет через пятьсот
С космических высот
Потомки наши
Зелёно-голубой
Увидят пред собой
Планеты чашу.
И не страшась нести
По Млечному Пути
Щедроты эти,
Реки твоей следы
Заметят с высоты
Столетий...

ЭКЗЕРСИС

Ёлке с рыжей хвоей, – ей-ей!
Поздно метров до ста расти –
Не тягаться с секвойей ей
За полмига до старости.

Птахи трели – не шалость, но –
Коль нацелена ввысь стрела –
Подпевать ей безжалостно
За полмаха до выстрела.

Что ж козла подослепшего
Средь обрывов без троп пасти
Да дразнить, – вот хлеб, ешь его! –
За полшага до пропасти?!

Ты, – уха хоть с ерша сладка,
Да жирок, что слёза, с ухи –
Не мутила б сачком садка
За полкапли до засухи.

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

Дыра в моём календаре
На месте праздников –
Не оторваться мне в игре
Друзей-проказников,

Не докричатся на дворе
Подруг несуженных,
Чтоб в ноябре иль декабре
Позвать на ужин их.

В дыре холодные огни
Горят – бенгальские, –
Сжигая мартовские дни,
Плодя февральские,
В ней первомайская гроза
Висит над вишнею,
А в триколоре полоса
Всё шире нижняя...

Летят, ломая колоски,
На нивы царские
Евпаторийские пески
И гальки гагрские.
Лишь там, где осени цвета
Рыжеют золотом,
В дыре мерещится звезда –
Серпом да молотом...

ПОКОЛЕНИЮ НЕХТ

Я не зову тебя туда,
Где, со страной совокуплён,
Хозяин строит города,
Но прежде строят батальон.
И лепит горе из ума
Чин с опогоненным плечом,
А если рвутся где дома,
То батальоны не при чём.
Но если хочешь – пойдём...

Я не зову тебя туда,
Где в сто локтей очередей
Страной отмерена еда
Для матерей и для детей.
Где безошибочность идей
Подтверждена тем бытиём,

Что без плодов и без корней
Мы плодоносим за плетнём.
Но если хочешь – пойдём...

Я не зову тебя туда,
Где чёрной кровью на песке
Воняет золотом беда,
И полтайги на волоске.
Туда, где траки тракторов
Сгребают в реки чернозём,
Чтоб глотки адовых котлов
Набить железом и углём.
Но если хочешь – пойдём...
Я не зову тебя туда,
Где не абсурд и не сюрприз
Парадных лестниц чехарда –
За маршем вверх такой же вниз.
Где реставрируют апрель,
А смету метят октябрём,
И вместо масла акварель –
Что не притрётся, подотрём.
Но если хочешь – пойдём...

Я не зову тебя туда,
Где доктора с утра пьяны
Не потому, что холода
И батареи холодны.
Где холодны учителя
Уже учёные рублём,
Что от пятёрки до нуля
Любой считается нулём.
Но если хочешь – пойдём...

Я не зову тебя туда,
Где ты состаришься скорей,
Чем прошлогодняя вода
Вернётся к нам из-за морей
С лицом издёрганном судьбой,
Спиной обласканной вождём –
И мы омоемся с тобой
Суровым праведным дождём.

РЫБА!!!

Ты в людском резвилась море
Бойкой рыбкой в океане,
Я смотрел в дыру в заборе –
Жеребёнок на аркане.
И, порвать пытаясь пути,
Разыгрался до загула –
Ведь звала меня в толпу ты,
Белозубая акула.

Разбегусь, с обрыва ринусь! –
Незнакомая стихия,
Остуди гудящий примус,
На котором пёк стихи я,
Унеси в шальных потоках
На атолл, где жертву крена
Ждёт в коралловых чертогах
Гибкотелая мурена.

Что за негa колдовская
В ласках солнечной лагуны!
Ты всё та же, степь донская?
Мы все те же – скифы, гунны, –
Вечно жилы рвём в карьере,
В никуда из ниоткуда,
В устремлениях к мегере,
Что стройна, как барракуда.

Серебро вплетая в гриву,
Завершая с жизнью гонки,
Окунусь и ткнусь игриво
Мордой в устье Амазонки.
Волны лодку раскачали –
Так топи ее, тарань, и...
Глубоки мои печали –
Утолите их, пираньи.

ТРИ КОШКИ

Пока я сплю, отравленный любовью,
Дыша во сне легко и глубоко,
Три кошки, угнездившись в изголовье,
Тревожно пьют подушки молоко.

Медлительный июль свой календарь листает,
И комариный звон сгущается к виску.
Предчувствий и тревог пригревшаяся стая,
Как тень сосновая, порхает по песку.
И все звучит с небес мелодия простая,
Дробится в шуме крон и вторит тростнику.

По капле тянется тяжелый мед покоя,
И будущее спит, как стража за стеною.

Бессонница

Сон – это мост через черную реку.
Переходишь, не зная
Силы тайных течений,
Глубины омутов,
Запаха темной воды.
Переходишь, не замочив ног, –
Пока не придется искать брод
Через черную реку ночи.

Колыбельная

Ну о чем ты все бормочешь, ну о чем?
Слышишь, бродят сон с сонихой близ окон...
У груди моей разжался кулачок,
Села бабочка на теплую ладонь.

Крылья звездные раскрыла широко –
И мерцают их узоры над землей,
И петляют бесконечною строкой,
Как бормочет полусонный голос твой.

Снежинки летят, спотыкаясь, на свет фонаря.

Бездонная ночь толчеей заполняется белой.
А утром посмотришь: все кончилось, все просветлело,
Все линии сглажены, стерты черты января.

В начале листа изменяется почерк и стиль,
И в третьей – пустующей – строчке мерещится запах
Небесного снега на синих игольчатых лапах,
Размеренность бега, слепящая зимняя пыль.

Но вот по листу, что немного пружинит в ответ,
Комочек прошедшего тянет петляющий след,
Дробит белизну, намечает рисунок знакомый.

Комочек тепла воскрешает пространство зимы
И прячется в будущем, в вытертом бархате тьмы.
Нора глубока. Вот и дома, душа, вот и дома.

Над миром тьма колдует не спеша,

И каплями летят слова немые
В глухую ночь, и кровь шумит в ушах.
А сад листает струи дождевые,
А листья по слогам читают дождь,
Собьются, дух переведут – и снова
Знакомую унять не могут дрожь,
Из темных капель складывая слово.

А.А. Тишковой

Ночь, как Вы, понижает голос,

дойдя до сути,

И, как Вы, не доскажет,

оставит итог за мною.

Столько тьмы и сиянья, и ветра

в этой минуте,

Столько неба нахлынуло –

вздоргну, окно прикрою.

Из-за тучи проглянет вечность,

заплещет рядом,

Замерцают мгновенья

в колком своем зените.

Как когда-то на задней парте,

найдите взглядом

В суматохе светил –

и простите меня.

Простите.

Оседают мгновенья, не тая,
Меж больших нарисованных звезд.
Карусели закрыты до мая.
Путь до мая на санках непрост.

Зимний вдох, будто сахарный, сладок...
Ну куда же ты мчишься, душа,
Словно сны заметенных лошадок,
Всё по кругу, по кругу спеша,

Теребя календарь терпеливый,
Привставая, чтоб дальше взглянуть
Вдоль сугробов с небесным отливом,
Сквозь искрящую льдистую муть?..

Кольцевая стезя разомкнется,
Хлынет издали свет голубой, –
И тогда наконец обернется
Тот, кто санки везет за собой.

Перенять манеру листопада:

швырять наугад
цвета и очертанья,
ловить складывающиеся контуры,
любоваться узором –

чтобы главное оставалось
в просвечивающих ветвях.

Дождь

Движение переходит в короткий звук,
Повторяется раз за разом,
Возвращает небо земле, замыкает круг,
Озарение, фразу,
Горизонт, мирозданье...

В захлопнутом коробке
Шелестит прозрачными крыльями и бормочет,
Отдаваясь на самом дне шепотком в виске,
Ускользящим ритмом строчек.

Хорошо жить в доме,
глядящем окнами на реку,
в деревянном доме –
а мимо плывут корабли
на восток и на запад,
сияя, как вечный праздник,
и кончается лето,
и хочется тоже уплыть
навсегда – и мечтать
с высоты белоснежной палубы:
«Хорошо жить в доме,
глядящем окнами на реку...»

Перехожу на прием, принимаю лом

звонких металлов времени, битую стеклотару
счастья, живу-выживаю вчерашним днем
из ума, оправляюсь медленно от удара –
ну конечно, судьбы, чей еще кулак
сносит крышу заодно с большей частью опорных балок.
И полночный дождь забредает на кухню – так,
потрепаться, – и небо сквозит в провалах.

Под дождь весенний выйти без зонта
И, душу подставляя каплям светлым,
Смотреть, как жизнь струится чуть заметно
По статуям Аничкова моста.

Из старых стихов

Чугунные жилы укротивших натуру статуй,
Проливного дождя чугунные плети.
Что-то на свете стало тяжеловато,
Избыток металла. Очередное столетье,
Полязгивая железом, канает в Лету –
Пусть поныряют за золотом водолазы,
Барышни без зонтов, старики, поэты...
Вот и сюжет для маленького рассказа.

Старые строки подобны открытым окнам.
За подоконник шагну, заигравшись с прошлым,
Гляну в небо, закрою зонтик и вся промокну,
И улыбнется мне чугунная лошадь.

Метаморфозы

1

Дождь, заикаясь, всю ночь говорит о том,
Чего не дано понять ни ему, ни мне.
Лишь обернувшись химерою, существом
С головой в облаках, с кровотоком звучащих струй,
С маленькой острой болью где-то на дне,
Ближе к левому берегу, – чувствуем, узнаем –
Как прекрасно, как просто, ничего не вспомнить к утру...
Дождь-человек всю ночь говорит во сне.

2

...Или, заслушавшись шелестом на ветру,
В корни и ветви замкнуться, баюкать птиц,
Замирая, туманясь, морща на лбу кору,
Бережно лист разворачивать за листом –
Их голоса, выраженья маленьких лиц! –
Чтобы к осеннему тлеющему костру
После клониться, шептать непослушным ртом...
Ночь пахнет дымом, и слезы из-под ресниц.

3

Ночь пахнет дымом, и звезды ее в слезах.
Сделайся ночью, взгляни в себя вместе с ней,
Задохнись, словно в детской сто лет назад, –
Из углов и провалов вязкая тьма
Наползает, скрывая ту, что еще страшней,
Ту, чье имя, чью поступь ты знаешь теперь... Глаза
Не закрывай, оклики ее сама,
Рассмотри в сиянье небесных своих огней.

Трехстишия

в потоке толпы
вежливо спорит старушка
сама с собою

Белые листья
всю ночь облетали с неба.
Голая тьма.

выпал растаял
выпал иначе
снова не то

под снегопадом
все глубже
тишина

тихо и холодно
небо смотрит в лицо
не узнавая

«Двадцать рублей букет!»
В плотных бутонах –
воздух крымских холмов.

уже не догнать
самую быструю в мире
лодочку из коры

1

сухой лепесток
между «сейчас» и «прежде»
хрупкая грань

2

выбросила цветок
смотрит в спину
пустая ваза

опять оглянулась
гораздо заметней
то, чего нет

Небо перевернулось.
Гляжу отраженьем размытым
оттуда, из глубины.

Ложусь под утро.
Длинная очередь
пропущенных снов.

небо в огне
на рисунке сына
война

старые лица
шепчутся, шепчутся вслед
старые листья

Сны реальнее яви:
наяву тебя нет,
а этого быть не может.

призрак комнаты
в зябком ночном стекле
черная дверь

«Инструкция по уходу».
Отложу
на потом.

Цымбаревич Олег

Выпуск 1971 года, затем Таллинский Политехнический институт, факультет экономики.

В настоящее время живет и работает в Таллине, трое детей, одна внучка.

Трехстишья

*Вот спичка загорелась и погасла –
Так во Вселенной
Мгновенье – наша жизнь.*

*Вот спичка загорелась и погасла –
Как перед нею
Вечна наша жизнь.*

*Вот спичка загорелась и погасла –
Ее предназначение –
Сгореть.*

*Вот спичка загорелась и погасла –
Мы говорим: «Да здравствует огонь!»,
Забыв про спичку.*

*Вот спичка загорелась и погасла –
Горит костер, рожденный
Ее огнем.*

*Вот спичка загорелась и погасла –
Как мелочны горенье спички, и суета и слякоть.
Посмотрим лучше на горенье солнца.*

*Вот спичка загорелась и погасла –
Не может пламя жить отдельно
От спички.*

*Вот спичка загорелась и погасла –
Какое маленькое пламя,
А жжется больно!*

*Глаза бывают голубыми и карими,
Но злыми могут быть
И те и эти.*

*Глаза бывают голубыми и карими,
Но не от цвета глаз зависит
Способность видеть.*

*Глаза бывают голубыми и карими,
Одни считают голубые
По красоте единственными в мире,
Другие – карие.
Как странно!*

Как я весну проспал (1)

Всю весну проспал, пролежал –
А жаль.
Как пришла – не видал,
Как ушла – не видал.
Вот беда!

Упустил весну.
Ждал, ждал ее –
Да заснул,
Да проспал.

Встал –
выглянул в окно:
А ее и нет.
«Нет, – говорят, – уж, давно.»

«Ушла, – говорят, – унеслась, уплыла.»
«Эх, – говорят, – и хороша была!..
Ох, и хороша!»
А я проспал –
жаль.

Как я весну проспал (2)

А ты все спал
И того не знал,
Что за окном –
Давно весна.

Смотри, проспидишь
И солнце и утро,
Рассветную тишь –
Время мудрое.

Весенняя рань...
Время это –
Волшебная грань
Зимы и лета.

Слышишь, проснись,
Выйди из спален,
Да не гляди вниз –
Гляди ввысь.

Все давно встали,
Весну встречали,
А ты все спишь...

Уж, ныне быль –
Зимняя небыль,
И синее небо
Капает с крыш.
А ты спишь!

Снегопад

Ночью белой чудеса – снегопад,
Хлопья снежные безмолвно летят.
Пухом падают на землю с небес,
Одевая мир белее невест.

В мире сонном тишина, тишина.
Снегом сыплется в лицо вышина.
И кружит по белизне ночь меня,
В ожиданьи необычного дня.

Что за чудо – снегопад, снегопад?!
Поброжу под ним один наугад.
И, озябнуть до утра не боясь,
По сугробам проложу тропок вязь.

Ночью белой снегопад – хорошо!
Сказки там, где он сегодня прошел.
Все вчерашнее навек замело,
И от снега мне на сердце светло.

Будто праздник на земле – снегопад.
Говорю я и молчу невпопад.
Тайны чудные в обычном узнал.
Не буди меня от этого сна.

1974

Ночь

Вечер погас, сяду к окну.
Знаю, опять я не усну.
Буду следить ночи полет.
В сердце звезда больно кольнет.

Месяц взойдет в небе свечой,
Вечность рукой тронет плечо.
Тронет и вдруг сердце замрет –
В ночь за окном кто-то зовет.

Словно из снов голос надежд,
А за окном шорох одежд.

158

Звуки шагов – музыка дум,
Вечный призыв: «Что ж ты? Я жду!»

Выйду один в темную ночь,
Тихо шаги тронутся прочь,
Словно маня: «Что ж ты стоишь?»
Ночь темноту вылила с крыш.

Черной смолой все обволок
Черной реки черный поток.
Шорох ветвей тайны хранит.
Кто за собой в полночь манит?

Кто и зачем – то не скажу,
Я все решил – я ухожу.

1972

Бессонница

Проклятье!
Бессонница.
На столе свеча.
Эх, на звездной коннице
К утру б умчать!

От печалей лютых
Мне спасенья нет.
Вечностью минуты
И далек рассвет.

Время с Тьмою вместе
На мою постель
Черной липкой смесью
Капают со стен.

Бледной серой тенью
Растворюсь в ночи.
Но сгорят виденья
В пламени свечи.

Взгляды, лица, фразы
Вспыхнут, и Судьба –

159

Грусть по кареглазой
Вдруг коснется лба.

И тогда закружит
Мыслей хоровод,
В комнату со стужи
Милая войдет.

И видений с тьмою
Злой растает дым,
До рассвета двое
Мы проговорим.

Синевой потушит
Утро звезд полет,
Первая, проснувшись,
Птица запоет.

Ночь глаза закроет,
Спрячет сны в углах.
Все растает, кроме
Карих глаз тепла.

И не в ночи дело –
Мир не так уж плох,
Только б сердце грело
Милых глаз тепло.

18 марта 1977 г.

Узор

Из слов сплеталась вязь –
Узора не прочесть:
Так странно белый цвет
И черный цвет,
Цветы и звезды слиты.
В бессвязном крылась связь:
Там о пожаре весть,
Там мир,
Там месть,
Печаль и смех,

Сомнений тень,
Надежда и обиды.

И странный тот узор
Вплетался в скатерть дня
Проклятьем и судьбой,
Чудной канвой
Из слов и мыслей-нитей.
“Ау! Стряхнул ли сор?!”
Ау!..” Кто звал меня?
Здесь те, кто обвинял,
Кто понимал,
Смеялся надо мной,
Любил и ненавидел.

Я потяну за нить,
Плетенье распушу:
И звезды и цветы –
Их связь и смысл –
В безвестье растворятся.
Узор легко забыть –
и грусти нет ничуть.
Я все прощу –
Мне не простят,
Потом прольется дождь –
И надо расставаться.

Все те, кого сумел
В узоре разглядеть,
Вздохнут,
Наполнят мир в последний раз
И сгинут в реку-Время.
Ты вовремя успел –
Смотри: уж гаснет день.
Не быть беде,
Слова – вранье.
Ты это все поймешь,
Проснешься, став мудрее.

.....
Красавица из снов,
Смотри – волшебный дождь.
Причины не ищи –
Их нет, причин,
А просто день весенний.

Плету узор из слов.
Твердят: в узоре ложь.
А ты меня поймешь?
Придешь сквозь дождь,
По лужам, просто так,
Придешь?
В дожде спасенье!

11 апреля 1977 г.

Весна

Катились дни веселые –
Апрель на них не скуп.
Таковыми невесомыми
Катились фразы с губ.
В двусмысленность не верилось –
Все просто и легко.
А в днях была размеренность
Полета облаков.

Плелось улыбок кружево
В такой простой узор,
Сметая сор ненужного –
Печалей черных сор.

Открыто и доверчиво
Смотрел глаза в глаза.
Мне прятать больше нечего –
Я все тебе сказал...

(Хау.)

апрель 1977

НАПИТОК (рецепт)

Итак,
Я приступаю к описанию
Волшебного напитка.
Сей рецепт –
Не выдумка алхимика и не
Целебное аптекаря творенье.

Состав его несложен, и его
Нетрудно для любого приготовить
Из всем доступных средств.

Итак,
Возьмите чашу из простого
Обычного прозрачного стекла
И доверху наполните водой –
Холодной водой из-под крана.

Затем,
Для вкуса положите по ложке сахара и соли,
Лимонной кислоты и перца,
А также пряностей (для вкуса).
И теперь
Займемся основным его составом.

Во-первых,
(и то есть в самых первых),
Добавим для начала первый взгляд.
А впрочем,
Неважно, если он и сотый и тысячный,
Но важно, что он особый –
Взгляд, неожиданно открывший
Невидимое прежде.

Дальше,
Неплохо влить сюда ночей бессонных,
Тех, что много, и чья причина
Не в болях головных, и не в зубных,
А в болях сердечных.

Дальше бросим
Крупинку этой самой жгучей боли
(для крепости напитка),

А потом
Пойдут в количествах не слишком уж больших,
Но и не малых:
Смятенье, думы, радости, печали.

Нежность.
Всего лишь каплю нежности,
И этого, поверьте мне, достаточно.
Но если есть она у вас в количествах больших –
Кладите больше, много –
Все, что есть у вас. Не бойтесь
Количеством испортить вкус напитка:
Чем больше нежности –
Тем вкус его богаче.

Дальше –
Сердечной доброты:
Она, подобно нежности, лишь только
Улучшит количеством напиток.
А затем –
Хотя бы несколько кристаллов вдохновенья.
Поищите –
Оно у каждого имеется в наличье,
Там, где-то в тайниках сердечных.
Ведь ничто: ни ремесло любое, ни любовь,
Ни Жизнь сама – Ничто
Не существует на Земле без вдохновенья.
А если существует – то мертво!

Добавим жизни.
Да побольше!

А теперь –
Терпение и веру, твердость, силу.

Рассудочность
(коль очень вы боитесь отступить
от ваших принципов под действием напитка).
К тому ж, добавка эта – наряду с благоразумьем –
Придаст вам ощущение прохлады
и трезвости:
Не страшно обжечься и забыться вдруг,
и знаешь,
что принципы ничто не поколеблет –
Ничто! А это так (признайтесь же) приятно.

Если мало напитков охлажден –
Добавить можно льда:
А он всегда в избытке имеется у вас во взгляде.
С ним наверняка не слишком жарко вам
в палящий зной –
И это хорошо.

Ну, охладили?
Не боитесь больше?
Так продолжим.

Очень важно
Добавить хоть немного пониманья.
Оно дает прозрачность, чистоту напитку.
Но
не будьте чересчур самоуверенны –
ведь может оказаться так,
Что нет его у вас ни грамма за душой,
А вы ошибочно считаете, что есть
В достатке.

Так вот,
Спешить не стоит с этим – вдруг
Вместо пониманья
Случайно всыпете вы выдумку свою.
Не ошибитесь, взвесьте все и лучше
Спросите у меня совет.

Прекрасный, сильный аромат
Дает надежда. А улыбка
Дает особый светлый
Искристый цвет напитку.

Гордость –
Прекрасная черта!
Но будьте с нею очень внимательны, она
Особенность любой приправы,
Любые запахи и вкусы перебьет,
Когда в избытке.
Важно,
Чтоб можно было
Из многих компонентов различить
Неважные, казалось бы, добавки, без которых
С обычной глупостью граничит наша гордость.

Это –
Умение признать себя неправым,
Признать ошибки, просто посмеяться над ними и
Уменье проиграть,
Идти навстречу первым, уступить –
Все это требует умения большого.
Без него
Чудесный наш напиток может
И повредить.

Так сыпьте:
Левою рукою гордость,
А правую – уменье это.

Да, хочу предостеречь,
И быть прошу особо осторожным
С одною серой ядовитой жидкостью,
Название которой – эгоизм.
Она, как деготь, враз испортить может
Творенье наше каплею одной. Но только
Не пытайтесь обмануть себя вы тем, что будто
У вас в крови нет примеси такой.
Запомните – здесь все должно быть честно!

Честно.

А чтоб смотреть открыто и легко
Глаза в глаза и правду говорить уметь,
добавьте искренность, доверие, открытость.
Побольше сыпьте, много – не жалеите,
Ведь понимание без них исчезнет вдруг.
А как же людям жить без пониманья?

И если мало открытости у вас –
Займствуйте ее у мира?
Посмотрите, как открыто,
Как широко и ясно смотрит небо, и море и поля.
Берите – хватит всем!

Еще бы беспощадности и злости.
Они нужны нам для приданья
Шипучести напитку наравне
С безумством юным, светлым оптимизмом
(здесь также важно не переборщить).

Вот и все, пожалуй.

И если мы забыли
Чего-нибудь добавить – покопайтесь
В сердечных кладовых и сыпьте все, что есть –
Лишь аромат и вкус полнее будут.

И оттого – умеете ли вы
(Или хотя бы учитесь)
С любовью к миру жить и для него –
Зависит качество волшебного напитка.

А теперь
Позвольте дать название напитку.
Впрочем
Известно вам оно отлично, как и мне.
Но все-таки подумайте о том –
Имеется ли смысл его вам пить?
Иль без напитка
Вам действие его знакомо?

Ну, если незнакомо – то пейте!
Все сразу –
И до дна!
И с богом!

Спасибо за внимание.
Аминь!

январь 1978

Зоя Брылева (Чекулаева)

Училась в ФМШ №45 в 8-9 классах, но среднюю школу закончила в Новгороде, в 1979 г.

Сейчас техник-геодезист в Путевой машинной станции №88. Двое сыновей, с которыми очень дружна.

Вы мне подарили вечер.

Смогу ли Вам так подарить?

Ну, вот и пора. До встречи! –

А мне бы эту продлить.

Я сегодня – почти как в сказке,

Мне легко и на сердце не жестко.

Вот, большая – а таю от ласки

Вас, маленькой и очень хорошей.

Не знаю, как пережила эту зиму,

Но все же я ее пережила.

Прошла любовь (Любимый, возрази мне!)

Я с ней боролась, и она прошла.

Почти. Почти. Пожалуйста, не думать!

Пожалуйста, забыть! Я больше не могу.

Изъять из памяти и далеко засунуть

Твою былую нежность. Мягкость твоих губ.

Как хорошо, что не было подарков –

Они мне попадутся на глаза,

И мне уже ни холодно, ни жарко

От слов, которые когда-то ты сказал.

Как после гриппа: воздух, витамины,

Беречь себя – возможен рецидив.

...Наткнусь на фото. Подорвусь на mine.

Все снова. Я люблю. Не уходи!

Я вновь у памяти в плену:

Твой голос чист, твой образ светел.

Ну почему, ну почему

Ты на письмо мне не ответил?

Все перечеркнуть стараюсь,

И уже не имеет значения,

Но ты был – сама реальность,

Данная мне в ощущениях.

2000-2003

Печаль, печаль, во всем – одна печаль.

Не вырваться из замкнутого круга.

Не отомкнуть, не подобрать ключа,

Не разорвать, не разрубить сплеча, –

Одна печаль, одна бессменная подруга.

И дело ни одно не клеится,

Любой пустяк, и слезы – градом.

Поистине, я стала пленницей

Эмоций, нервов, слов. Наверно, где-то рядом

Есть выход. Есть, как отыскать – не знаю!

Искать! Иду. Ищу рукой наощупь,

Нет ничего! И, от бессилья злая,

Хочу – не лучше, но гораздо проще –

Остаться здесь. Найти успокоенье

И даже прелесть в этих темных сводах:

Под ними – долгожданный сон и отдых;

Забыть, что где-то пляшет день весенний.

...За борт платформы уцепившись крепко,

Я зачарованно гляжу на сцепку:

Как просто мне сейчас уйти во мрак!

Достаточно разжать кулак.

2000

Я как будто хмельная, попало на старые дрожжи,

Что случилось вчера – растревожило давний недуг.

Я успела привыкнуть, что стала вполне толстокожей,

Но опять полыхает, как в прошлом каком-то году.

И все вернулось во мгновение ока!

(В тот край давно мне вход был воспрещен)

Мне быть с тобой совсем не одиноко
(Что в переводе – «очень хорошо»)
Как ты там? Как прожил ты всю эту неделю?
Все в порядке у вас? У меня нынче – все кувырком:
Я сажусь за бумаги – а мысли к тебе улетели,
На работе – отчеты, а мысли совсем о другом.

Я не то что часы, я минуты считаю до встречи!
Правда, есть беспокойство: какой она будет теперь?
Восемь дней впереди. Может, время кого-то и лечит,
Для меня каждый день – как утрата, одна из потерь.

И, забывшись, в уме составляю – абзац за абзацем –
Писем десять, наверно, получится, я не шучу.
Я еще не могу навсегда от тебя отказаться,
Я не знаю еще, как тебя от себя отучу.

2000

Я не хочу нарушить Ваш покой –
И вместе с тем хочу его нарушить.
Стихи. Чуть-чуть – и побегут рекой,
Все время пробиваются наружу.

Любовь, стихи, как все переплелось!
Я их пытаюсь совместить, и снова
Мне не поймать единственное слово,
Чтоб настроенье в строчки улеглось.

И вдруг от счастья (или от удушья)
Зайдется сердце. Застучит в висках.
– Чем Вам помочь? – Спасибо, нет, не нужно!
Признание ждет сорваться с языка.

Я Вас люблю. Вы знаете об этом.
Я к Вам пишу. Увы, не стоит братья.
Давно все это сказано Поэтом,
И мне всегда всего лишь повторяться.

Но я скажу. А, глупость со мной дружит!
Собраться с духом, как перед прыжком –
И все сказать, и этим все разрушить,
И лет пятнадцать каяться потом.

1997

Нам с Вами назначена встреча,
А Вы не пришли. Как всегда.
Какой неустроенный вечер!
И с неба – то снег, то вода...

Конечно, я правды не скрою,
Нисколько вины Вашей не было,
И встреча назначена мною,
Сознаюсь, без Вашего ведома.

Я не сомневалась: получится!
Должны Вы когда-то прийти!
Но мне неудача попутчицей,
Я здесь замерзаю с шести.

Октябрь. Пока еще осень.
Судить по погоде – зима.
А вход закрывается в восемь,
Вас – нет. Я ошиблась сама?

...Бывают особые воры,
Как я – свое время крадут.
Ведь не было в том уговора,
И, значит, сюда не придут.

И значит, пора восвояси
Одной (а могло быть – вдвоем?)
Во-первых, о поезде в кассе:
«Шестьсот тридцать пятый? Даем.»

Талончик – в кармане, осталось
Домой что-нибудь из еды.
Колбаски бы самую малость.
И сыру. И хлеба туды.

Похоже, проходит досада.
(Вот дерево, чтоб постучать).
... Все думаю: были бы рады
Вы нынче меня повстречать?

Конечно, оно не случайно,
Вы это поймете тотчас,
Но пусть хоть мое ожиданье
Останется тайным для Вас.

1997

Не могу вернуть позабытую песню.

Осторожно касаюсь уснувшей струны.
Ускользает мотив, и слова неизвестны,
Да и мы ль ее пели?! Наверно не мы.

Отчего же тревожно дрожит занавеска,
Будто ветер подскажет, умеи он сказать,
И в такую минуту ты хочешь по-детски
Затаиться и слушать, зажмурив глаза.

Я узнала ее! Это песня приболя,
Песня дальней дороги, ночного костра.
Ты один? – С этой песнею вас уже двое,
Она – словно подруга, а может, сестра.

В ней негромкая музыка спящего леса
И глухие раскаты далекой грозы,
И гитара всегда по ночам в Херсонесе,
Оттого и хронический наш недосып.

... Человеку всегда пригождается компас,
Если вдруг заплутал, если сбился с пути.
Я по песне дорогу найду, как по солнцу.
Вот такой замечательный ориентир.

1987

Приснился странный сон: мне завтра умирать.

Мне завтра умирать, а я еще в постели!
Один остался день, а надо до утра
Заканчивать дела, что раньше не успели.

Как будто уезжать, но только без возврата.
А дел – невпроворот! Какое же важней?
Наверное, постирать. Зашить рубашку брата.
Утешить мужа: вот, не повезло жене,

Зато есть сын. А ты, наверно, встретишь счастье.
Пусть новая жена полюбит малыша,
Как я его люблю. Ну ладно, не печалься,
Прости мне, если чем была нехороша.

Потом спрошу людей, пускай они ответят
Со всею прямою, суровы и резки,
Достойна ли была я жить на этом свете,
Пускай припомнят мне забытые долги.

И, наконец, чиста. Но первый луч утра
И пробуждение – отмена приговора!
... Посмею ли забыть, что близится пора!
Что этот день придет, и это будет скоро.

1982

*Десять девушек едут над Веной,
Плачет смерть на груди гуляки.
Есть там лес голубиных чучел
И зима в антикварном мраке,
Есть там залы, где сотни окон...
(Федерико Гарсиа Лорка,
«Маленький венский лес»)*

Десять девушек едут над Веной,

Плачет смерть на груди гуляки.
Этот маленький вальс, наверно,
Та причина, чтобы заплакать.

Как же вальс. Этот вальс безмятежен,
Как же руки твои надежны!
Ты по-прежнему очень нежен,
И по-прежнему все возможно.

Ах, как вспомнить легко,
Кто есть ты и кто я.
Ты теперь далеко,
У меня уж семья.

И спадет пелена
Безмятежного сна,
Безудержно нахлынет
Сомнений волна,

И соломенный замок
Рассыплется вдруг,
И в разрушенных залах
Проснется испуг,

И уже не потрогать
Увядшую прядь.
Лучше не вспоминать!
Лучше не вспоминать.

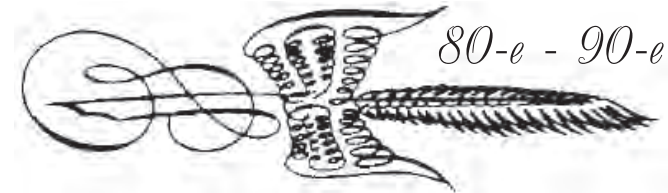
1981

Вы мне подарили вечер.

Смогу ли Вам так подарить?
Ну, вот и пора. До встречи!
А мне бы эту продлить.

Я сегодня почти как в сказке,
Мне легко и на сердце не жестко.
Вот, большая – а таю от ласки
Вас, маленькой
и очень хорошей.

1978

Бураго Дмитрий

Выпуск 1981 года. «О себе спешу доложить: родился я в Ленинграде в 1964г. С 1994 года (по крайней мере считается, что) проживаю в США. Основное место работы – университет штата Пенсильвания, где я служу профессором математики (E-mail: burago@math.psu.edu). Приведенные в книге стихотворения написаны в 1996-2002 годах в США, России, Великобритании, Франции, Австрии и Бельгии.»

Из послесловия к книге «Город»:

«А живут в этом городе мои друзья и подруги: чудесные, настоящие и неповторимые. И какие-то окна сейчас еще, может быть, светятся... но это скорее исключение. Потому что дописываю я книгу вечером в Америке, когда в моем городе уже почти начинается день: 4 утра. Но уже в самом начале осени в такую рань там совсем темно. Мосты свели, но трамваи еще не ходят. И только отдельные уцелевшие фонари отражаются в черной ряби Невы.»

Дар

Улыбнись: мол, напрасный труд,
да не стоит отнюдь труда,
это просто блажь.
Это птицы с утра орут.
Не пиши, мой друг, никогда:
это не продашь,

не согреешь души своей,
разменять не сумеешь на
благоклонность дам.
Так рассеянно кофе пей,
вспоминай, что тоска смешна,
слушай птичий гам.

Солнце вытопило смолу
из раскрывшихся пор перил,
но от вяза тень
подползла, наконец, к столу.
...То, что ночью наговорил,
и припомнить лень...

Вот такая, мой друг, беда:
день к полудню сгорел почти.
Скушай пару слив,
не спеша вороши счета,
или Чехова перечти,
наугад открыв.

Ночью душ приняла земля,
но последний обрывок туч
обратился в пар.
Манит приторный сок шмеля,
луч дневного светила жгуч.
Так случаен дар...
.....

Герой моего времени

*Слух обо мне пройдёт,
как дождь проходит летний,
как с тополей летит
их безнадежный пух.*

А. Пурин

«Прогресс изряден от двуколки
до современного Renault,
или хотя бы даже «волги»...» –

Петров опять смотрит в окно.

Как колки прошлого осколки!..
Цветной витраж? Светло, темно...
Ручные в детстве выли волки, –
о, как недавно, как давно!

А нынче сам хоть волком вой.
(Мог жребий выпасть и другой, –
над нами свет иль хаос, но
порой и в найденной заколке
таится случай роковой...)

Петров свалился с верхней полки,
когда экспресс гремел над Мгой.

Чуть повредился головой.

И потерял четыре зуба.
Протезы выглядели грубо.

*Года летят – хоть пей, хоть ной...
Что стало с нами, со страной!
И наш Петров совсем больной:*

он, экономя, пал так низко,
что, прилетев из Сан-Франциско,
решил *в России* починить
неровный прикус: он мениска
уже лишился, во всю прыть
носясь по корту (нечем крыть:
сам виноват), но вот в бюджете
счета врачей пробили брешь;
потом покупка дома, дети, –

(заботы те же? – да не те ж:
дом – в Силиконовой долине,
большой камин посередине
стены в гостиной...) – каждый грош
считай, и то концы едва ли
сведёшь (хотя друзья *считали*,
что был доход его хорош,
а эмигрантские печали –
ну как их к чёрту разберёшь...)

Ах, эта повесть так грустна...
Петров томится у окна..
Как пахнет корюшкой весна!

Весна, весна! Окно открыто...
И яд в крови... Но до поры-то
дурей от брани продавцов,
пусть дождик сышлет, как из сита,
и кормят ласточки птенцов...)

О, эта страшная эпоха!

Петров сдержать не может вздоха:
он должен умереть от плоха

стерилизованных щипцов,
занёсших вирус гепатита.
Петров в окно глядит убито,
слегка мозгами нездоров.
Он был на выставке Магритта,
и странный образ трёх шаров
его тревожит, и Петров
готов в тоске стенать и выть:
он умирает. От цирроза.

Но, Боже мой, какая проза!

Хотел с тобой поговорить
я о любви, но мысли нить
запуталась, и вот курьёза
не мог я хуже учинить, –
а уж рассвет взирает косо,
как дрозд орет, и слеп и глух, –
уже давно терзает слух
его несносная сюита,
и солнцем утренним залита
стена в гостиной, и потух
камин,
но сколько в нем золы-то...

И улыбнёшься ль там вдали ты
стихам, случайным, словно пух? –

...летающий с клейких тополей
на бедной родине моей.

Речь

Н. З-дзе

Сохрани навсегда чуть вульгарную речь с гортанной
глухотой, не грузинской, а свойственной азиатам.
Разменяешь на запах сырого бетона в ванной
коммуналку со старческим приторным ароматом.

Подежуришь на «скорой»; ещё приторгуй духами,
защитись к октябрю (ох уж мне эти званья, или –

ты уже научилась, как складывать дробы? Нами
что-то движет. Но движутся больше автомобили.)

И не думай даже листать Мандельштама, но и
позабудь, коль и знала, и несколько строф Руставели.
Если куришь «Опал», то зачем тебе запах хвои?
Что ты думаешь, глядя зимой на карельские ели?

И встречаясь с троими, останься стыдливой, чтобы
даже и у меня холодило порой мошонку.
Заведи себе пять подруг, пусть не первой пробы,
но чтоб было кому кивнуть и махнуть вдогонку.

Верно, лучше стареть в Петербурге, где в небе клочья –
как протечка вверху, и, размокнув, ползут обои, –
чем в долине вблизи Кутаиси, где полночь волчья.
Впрочем, раз уж земля кругла, то и Бог с тобою,

где бы ты ни жила. Я, к примеру, уехал в Штаты,
поселился в просторном доме. И, выпив виски,
захмелев, бормочу что-то вовсе не по-английски, –
например «сохрани мою речь». Здесь конец цитаты.

Три строки о любви

М. Б.

Я нисколько не лгал, о любви написать обещаю.
В коридорах шотландского замка что хочешь шепчи.
В полутьме катакомб не пугает эпоха чужая:
этот век пострашней, хоть и лучше зубные врачи.

Не сонеты к Мари – гобелены и куклы из воска.
(Из разрубленной шеи торчала ль, раздувшись, гортань?)
Гарнитур из дворца, – (то есть дюжина стульев), –
неброско,
но добротнo весьма, и со вкусом. – Не то, перестань!

Я хотел о любви (эдинбургские улицы сонны,
и, увы, здесь *кровавая* вряд ли приснится луна):
«О, влюблённости дрожь! – вероломство, Верона, вороны
вьются в воздухе вешнем, вода торфяная темна».

Закопчённый собор иль депо за Варшавским вокзалом?
Я пишу о любви: «и как вязы весною больны,
и как щебень щербат, и о снеге тяжелом и талом...»
Сохранилась плита да шершавый обломок стены.

Что такое душа, постигаешь случайно: в Нью-Йорке,
захлебнувшись в людской миллионной вонючей волне, –
оскользнувшись на дынной обсиженной осами корке.
(Эти осы *жирны* – наконец понимаешь вполне.)

И бейрутский старик, из-под потного лба не мигая
заглянувший в зрачки, – всё из памяти это сотру,
предвкушеньем опять опьянясь: «Танцовщица нагая,
помоги позабыть про чуму на раёшном пиру!»

Объяснение в любви

И. Б.

О путешествиях приятней рассуждать
или рассказывать, чем, скажем, в самом деле
кормить клопов в каком-нибудь мотеле
да «мух давить», разглядывая блядь
провинциальную (но сей соблазн под стать
желанью странствовать: вот так на каравелле
отчалишь еле – хочется блевать).
С утра курить рассеянно в постели
и только в полдень выехать опять.
Считать столбы, несущиеся вспять,
и вспоминать, как тёрлось тело в теле.

При слове «родина» в груди какой-то ком.
Я побывал там после перестройки.
И каждый был, ей-ей, со мной знаком.
Я в гости зван был парнем, что в райком
меня таскал и «Сказкою о Тройке»
сполна попотчевал. Но той головомошке
уже лет двадцать. Как финал попойке,
с его подругой я такое в койке
выделывал, что – расскажи тайком –
Вы б принялись трудиться кулаком.
Вот телефончик Людки (или Зойки?).

В Венеции, пожалуй, нюхать гниль
приятней, чем на Мойке или Пряжке.
Но в Северной столице-замарашке
есть тоже свой особый шарм и стиль.
На длань вождя всё так же гадят пташки,
но всяк завёл коль не автомобиль,
так телефон мобильный. И милашки
на вкус любой у «Идеальной Чашки».
Приятно жить: нашарить тапки, иль
с тоской глядеть на голубые ляжки.
Водить рукой нетвёрдой по бумажке.
Да Вы ж мертвы. Я, кстати, Вас – любил?..

Томограф

Памяти Олега Ижболдина

Засунуть бы голову, что ли, в томограф. Взглянуть,
как будто качнувшись над пропастью, вниз, холодея, –
на эту бугристую слизь и невнятную муть.
Ты только не спрашивай, где я.

Обидно в преддверье столетия чудес умереть.
Я слеплен из опыта древних существ и глагола
воздействием тестостерона. И, может, на треть, –
семья удружила и школа.

Добавить бы что-то о жизни – (как пахнет мазут! –
в саду на скамье чешуя и арбузные корки) –
но помню лишь я, как о чём-то негромко поют,
и привкус махорочный горький.

Первый снег

Прозрачная зима, совсем немного снега.
Неощутим разбег весенней маяты.
Мой друг, не отличить изгнание от побега.
И чудятся везде знакомые черты.

Нежней, чем на щеке снежинка-недотрога,
вольготнее холмов, где воздух невесом,
небрежнее кивка, тревожней, чем дорога,
случайнее травы, примятой колесом, –

непоправимый дар. Чудесно мёрзнут ноги:
промокли башмаки. Не следует любви
просить в чужих краях. Желания – убоги.
Оставь мне этот миг. Часы останови.

Звезда

Памяти Анненского

Взгляни на небосвод – коснётся сердца грусть.
Мерцание светил не обещает встречи, –
и тленья убежать возможно ль в русской речи? –
уж нынче – ничего не знают наизусть.

Не надыхаться, не наговориться впрок! –
Не бойся, говорю, – надеждой тешась зыбкой, –
как промотавший жизнь в беспамятстве игрок,
бредущий под дождём с растерянной улыбкой.

Не бойся, говорю: ты просто спишь в саду,
и над тобой плывёт ночной листвы громада, –
тебе двенадцать лет, и влажный шепот сада
навеял длинный сон про синюю звезду.

Не бойся, говорю... Белёная луна
бежит в разрывах туч, и дремлют под корою
столетьями жуки, – и синяя одна
дрожит вдали звезда – едва глаза прикрою.

Дыра в будущее

Увы, без волнения на те же валы гляжу.
Светило на гребнях Атлантики умирало
и рассыпалось фигурами Лиссажу:
мне что-то чертило, но времени было мало.

А нынче пусть чайка морочит других, паря
над рябью залива, где снова чужая шхуна
роняет в пучину корявые якоря,
ничуть не смущая нагих дочерей Нептуна.

Не обожествляя беспамятный океан,
но одушевляя, о чем бы спросить? О жизни?
Здесь, пальцами щёлкни, за евро несут стакан.
И глупо не щёлкать при такой дешевизне.

О чем я пишу? О чем говорю с тобой,
утративший веру в реальность того, что вижу
сквозь разума призму? О том, как шумит прибор.
Как, столик трехногий в тенистую сдвинув нишу,

искать не пытаюсь какую-то дыр бул щыл,
под крепостью, рядом с мясистым кустом алое,
я пил вино и сорок минут луцил
креветки, не думая, кстати, и про былое.

Душа

Лёше Пурину

Не сокрушайся ни о чём.
Смотри, как солнечным лучом
зажжен жасмин. Идёт июль.
Мелькает в окнах белый тюль.

Еще не высохла роса.
До электрички полчаса.
И бесшабашный мотылёк
ползёт по шпалам поперёк.

И ты не бойся, не беда,
что ноет сердце иногда.
Ты так скажи: печаль легка.
А кочевые облака,

как будто выводок утят,
по небу светлому летят
в края иные не спеша.
И веришь вдруг, что есть душа.

Дрозд

О, сельских похорон простая благодать.
От глиняных комков на лезвии лопаты
до ельника вдали. Мой милый, это ж гать:
коль в туфлях хлопают, Вы сами виноваты.

Вдова в платке в слезах и рослые зятя.
В её печаль впорхнёт, что трогательно тоже,
случайных мыслей рой: «Поспела ли кутья?
И не к добру сосед с такою красной рожей:

ой, отчудит чего!.. И надо бы убрать
ненужные теперь железки из сарая.
Да заменить ещё со временем кровать.
И вот дела – земля-то вовсе не сырая,

а мёрзлая: не жаль по сотне за труды.
Ведь накидали лап, чтоб опускать не сразу
в болотистую топь натаявшей воды».
О, праздник пустоты, почти доступной глазу,

распад, пробивший брешь, подобную дыре,
обжитой, как нора у многодетной мыши,
прогрызенная в ей ненужном словаре.
И кажется: душе теперь неловко свыше,

от чёрных дыр (могил перегоревших звёзд)
подглядывать (иль так на глобус смотрят дети?),
как свежевзрытый дёрн перебирает дрозд,
в какой незнамо век, на маленькой планете.

Ручей

...до эволюции, что тысячи веков
лепила нашу плоть, кому какое дело.
Но всё, что так в душе понаболело –
следы теперь бессмысленных оков,
не в юрского ль периода трясине
ковавшихся? – но прочных и поныне.

...и заключённая – о боги! – в эту клеть
душа (коль есть она) – то вовсе и не птица.

Ей по ночам совсем другое снится.
Нисколько ей не хочется взлететь.
Но что привиделось – то, как туман над долом,
уже развеялось, и места нет глаголам.

...но, может быть, гуляя вдоль ручья
прозрачной осенью, по неродному краю,
порой и впрямь себя я забываю.
Среди сестёр летит звезда ничья.
И нет меня среди речного плеска
и стихшего сквозного перелеска.

Стрекоза

А переживёт надолго ль в заветной лире?
А прочим во внуках остаться бы робкой тенью.
Но если излишне зорек – доступно зренью
то время, когда во вселенной, в подлунном мире

немыслима жизнь. Остыли светила, или
точнее сказать, энтропия царит повсюду.
Ни сына Марии и плотника, ни Иуду
там некому вспомнить. Такие вот «были-жили».

Но мальчик чумазый, поймав стрекозу, смеётся.
Твой мир навсегда с тобой. Ты живёшь на даче...
Зря разум пронзает время, дивясь удаче:
что сердце как-раз сегодня о рёбра бьётся.

Школьному другу

Звёзды смотрят в жилище твоё сквозь щели.
Ты в Дахабе про дождь и не вспомнишь даже.
Не ворочаешься по ночам в постели:
ветер дует, и парус в ажиотаже

бесконечной гонки – а может, бегства? –
рвётся вдаль. У тебя на руках мозоли.
Но беспечен сон. Это снова детство:
пять пиастров – пакетик подмокшей соли.

От тебя до Синая – пульнуть из лука.
И в Израиль будут пускать без визы.
Но звезда, Рождество, Вифлеем – о скука!
Вдоль дороги пыльные кипарисы.

Не спрошу, с кем пьёшь или делишь ложе.
С кем бы поговорить? – до луны не ближе.
В Петербурге жить невозможно тоже:
дождь четвёртые сутки гремит по крыше.

Электричка на Сосново

Роксане и Максиму

А если смерть и впрямь небытие,
то позади осталась половина:
там татарва визжала, как зверьё;
от динозавров пенилась трясины;
была вселенная не больше апельсина.
Когда б узнать, каков финал её...
О чём ты ноешь, глупая скотина?

Запомни: электричка на Сосново
(а там до Колосково пять минут).
В субботу отправленье в полвторого.
Ты вылезаеть – там уже и ждут,
везут и славно поят, и уют-
–но спать кладут. И утром поят снова!
И это, по-заморски, «very good».

Запомню: электричка на Сосново.
Согреюсь у камина в пять минут.
На Новый Год меня ведь где-то ждут! –
нетрезвого, немьтого, любого,
женатого, дурного, холостого,
земного, непонятного, простого,
слов понабравшего и здесь, и там, и тут...

Морошка

А вечный сон скорей похож
на сон до нашего рожденья:
куда прекрасней пробужденье,

когда не сразу узнаёшь
своё слепое отраженье,
когда с утра колотит дрожь.

Чужой язык, прилипший к нёбу,
латыни пасмурной сродни.
Нема гортань. Поди – сравни...
Поди – сглоти!.. Но про утробу
тут ни словечка. Извини:
стишки – приют для болтовни,
но вредоносному микробу
не всё позволено, ни-ни!

Я лучше так тебе шепну:
«Мы у ручья. На дне лукошка
шуршит болотная морошка...»
Забыл столетье и страну.
Я только помню: пела кошка
на печке песенку одну.

Потом, пятнадцать лет спустя,
в малиннике, за огородом,
мы перепачкались компотом
от щёк до пят. Когда дитя,
что мы с тобой шутя зачали,
в мир скорби выползло, крича,
в мир скорби, боли и печали, –

о, если б я тогда шепнул:
«Мы у ручья. На дне корзинки
от трёх волнушек половинки.
Мы слышим длинной жизни гул,
кляня промокшие ботинки.»

О, если б я тогда шепнул...

Аэропорт

*Передай генотип и умри.
Вот и всё. Только это...*

Юрий Колкер

Помнишь Люську? (Я пью с утра, вот и чушь несу.)
Как-то раз пацаны подловили её в лесу

и держали так, что и дёрнуться не могла.
Пахло ветром и вереском, пела, трудясь, пчела.

Было коже до дрожи странно касанье мха,
и гортань была совершенно нема, суха.
И сначала один лишь слегка ей сжимал сосок,
сам от страха взопрел и, бедняга, дышать не мог,

но затем ей раздвинули ноги – да так, что ох! –
во всю ширь развели, ну и как тут удержишь вздох.
Сердце билось внизу живота и горела грудь.
Ну а дальше ты сам уж додумаешь что-нибудь...

Ты прости, мой дружок, я дразнюсь. Понимаешь ли...
Ты же знаешь, зачем мы с тобой в этот мир пришли.
Был я робким очкариком, верным своей жене,
но потом возмужал и теперь уже даже не

считаю, во сколько же влажных и жарких лон
своё впрыскивал семя. Как страшен и как смешон
этот сон: протоплазмой запачканный шар... Не ной!
Ты почти настоящий, вот только что заводной.

Что ж сказать мне о жизни? Возня, мой малыш, возня.
Не Париж же мне снится, огнями меня маня?
Вот кому-то, к примеру, достался удел врача,
и живет, молоточком в коленки стуча, стуча.

Слышал я: кто-то скачет и мчится сквозь хлад в ночи.
Кто-то бьётся в постели: «Забудься, шепчи, кричи».
Вроде начали в Чили добычу цветной руды?
Наплевать, замочили ли мэра Караганды?

Я сiju с недосыпа весь белый, как писсуар.
Жду, когда ж мой объявят рейс, пью Pinot Noir.
Может, мой самолёт разобьётся. Скорее – нет.
Если Люську вдруг встретишь, ты ей передай привет.

Самолётик мой будет на взлёте качаться над
ржавым полем с узором запутанных автострад.
Мой игрушечный дом под крылом проплывёт, дрожа.
И мучительной нежностью будет полна душа.

Нежность

В конце октября в этом парке на редкость безлюдно.
Лишь двое проходят: тяжёлые палки-зонты,
нелепые куртки. Ступают нетвёрдо и трудно.
И долго молчат у холодной осенней воды.

И лучшего нет. И не надо. Бессмертным созданиям,
наверно, и страсть стиховая – игра для ума?
Не место в Эдеме молитвам и воспоминаньям.
А жизни бессрочной она оправданье сама.

Но лёгкой душой никогда бы мы так не любили
родные черты, – в голубиной дали купола, –
прозрачную флейту, ночные янтарные шпилы, –
когда б не разлука, а вечность пред нами была.

Ложатся холщовые листья на вымокший гравий,
и морщится гладь потемневшей бездонной реки.
И нет ни имён, ни столетий, ни глав, ни заглавий.
Возможна ли нежность без нашей смертельной тоски?

Памятник

Я, собственно, тебя и помню-то едва ли.
И вряд ли б отыскал, плутова меж оград,
без помощи отца тот камень, где вначале
фамилия... твоя. А далее – подряд
ещё пяток имен. Везде в России тесно,
и бабушке моей достался лишь петит.
А строчку про меня и вовсе не известно
куда теперь гравёр, поохав, поместит.

Тут нужен ювелир. Сказать бы что-то вроде:
«огромный пласт угля сжимается в алмаз».
Но стайка воробьёв шумит о непогоде,
и время не глядит, прищурившись, на нас.
Наш опыт непохож. Тревожные громады
холодных городов. Послевоенный быт.
Рассветные дымы гудкам фабричным рады,
и спутники пищат восторженно с орбит.

Как сладко жил бы я, избавлен от сомнений,
державою гордясь, её простой полпред,
от потных прыгунов до чудных озарений:
от эллинских забав до шахматных побед.
Но в век, когда шутя машина б одолела
Набокова, игру волшебную губя,
не выпорхнешь, увы, как ласточка, из тела.
И я учусь глядеть иначе на себя.

И кажется, теперь, заговорив с тобою,
таким, как прежде, я не буду никогда.
Как дорог этот мир морщинкою люблю.
Опять попала в глаз соринка... иль звезда.
Взгрустнёт ли обо мне потомок мой надменный?
Оплачет ли меня огромная страна?
К картонным небесам приклеен месяц медный,
и влага на губах горька и солонна.

Вендик Ольга

1964–1993.

Из послесловия к книге ее стихов «Белая королева», выпущенной в 1994 году:

«Родилась и выросла в Ленинграде, на Петроградской стороне. Училась в школе №45 в 80-е годы, закончила химфак ЛГУ, работала в Институте экспериментальной медицины, в редакции «Журнала органической химии». Училась на Высших гуманитарных курсах, была членом литературного объединения «Флажолет» в Юсуповском дворце. Всегда писала стихи, но опубликовала лишь малую часть. Готовила издание журнала, который должен был знакомить читателя с философией религии, историей православной церкви, с традициями русского севера. Но не успела...»

ПЕТЕРБУРГ

По чертежам мостов и линий,
По черным кружевам оград
Садово-парковых идиллий,
По лицам мраморных дриад
Постичь искусство контрапункта
И таинство фиоритур.
Переворачивать, как будто
Листы старинных партитур,
Проспекты, арки, тротуары
И в каплях солнца мокрый сад,
В Фонтанке выше ординара
Продрогших на ветру наяд,
Листы бесценных фолиантов
С гравюрами вчерашних снов,
С портретами старинных франтов
И отпечатками подков.
Но тает Петербург, как иней,
Почти невидимый уже –
Мороженого шарик синий
В кондитерской у Беранже...

Май 1990

У номеров неверных,
У запертых дверей,
Глотая ртутный вермут
Вечерних фонарей,
Пока покой кромешный
На мир не снизошел,
Послушай безутешный
Пунктир артериол.
Спасаясь в переулках
От выкриков витрин,
Где в скверах, как в шкапулках,
Теней аквамарин,
Послушай переборы
Истошных кастаньет.
Укоры и раздоры –
Все суета сует.
Все выдумки и бредни.
Лишь теплятся в ночи
День первый, день последний –
Два огонька свечи.

Две вариации на тему Петербурга

1

Балет рассыпанных драже
На желтом зеркале паркета
Под затаенный вздох манжет
Утерянного этикета
У окон стареньких дворцов
Печально смотрят горожане,
Один из ускользнувших снов
Безмолвно взглядом провожая.
Но заржавели бубенцы,
Молчит игрушка золотая,
И мастера и мудрецы
Грустят и головой качают.

2

Я знаю город сновидений,
Где оловянная река,
Где ждут у каменных ступеней
Два безнадежных рыбака,
Где дождь смывает позолоту
И заштриховывает серым
Дворцы, мосты и подворотни,
Витрины, вывески и скверы,
Где кучер в мокром парике
В своем музейном экипаже
Катит в тоске и налегке
От Эрмитажа до Пассажа,
Похожие на мокрых птиц,
У Думы зябнут портретисты –
Спектакль без действующих лиц,
Где все безмолвные статисты.

Во внутреннем дворе,

Где небо взаперти,
Где из окна слышны этюды Черни
С пяти и до шести,
Где дождевой петит
Уже на целый лист тоски вечерней,
В окошках слюдяных
Озябшие цветы
И грустные простуженные дети,
И с форточек коты
Глядят, как с высоты
Рассеянных прохожих голубь метит.
Там эхо повторит
То хриплый двери скрип,
То передразнит оперным контральто.
Старая день за днем,
Глядится молча дом
В квадратик битый мокрого асфальта.

**«Прощание славянки»
(Уличный оркестр)**

Лиловой линией уже
Отчерчен вечер.
Как знаком водяным верже,
Был день размечен.
По чьей-то прихоти конец
Листа исписан
Не жалобами двух сердец
Из скучных писем,
Не списками мирских забот,
Сухих и пресных,
А тускловатой медью нот.
Поверх оркестра
Невылинявшей желтизной
Плывет «Славянка»,
Катясь вдоль улицы слезой,
Во двор, с изнанки
Вползает в окна – витражи
Разбитых лестниц,
Спугнув в подъезде миражи
Дриад-прелестниц.
Прощанье с Кем? Прощанье с Чем?
Иль ностальгия?
Старинный марш средь старых стен,
Но мы – другие.

Белых колонн быстрый разбег –
Словно строчки в стихах.
Каждый что-то в душе сберег,
Что-то видит во снах.
Тонким пером чертит дождь
Косые серые линии,
Белые статуи в Летнем саду
Тихо грустят в унынии.
Решеток мостов легкий взмах –
Жест дирижерской палочки.

Ему повинуюсь, вальсом звучат
Проспекты, улицы, улочки.
Невский безумный и хмельной –
Круговорот огней и лиц,
Как бесконечный роман, влечет
Шорохом желтых страниц.

Октябрь 1980

Стоя у парапета,
Присмотрись, лист кленовый на темной воде.
Разгадаешь ли этот
Золотой иероглиф на черном стекле?
За обыденным шумом,
За шагами и лязгом трамвайным услышь,
Как с отчаянным звоном
Дождевые секунды срываются с крыш.
Но, услышав, поймешь ли,
Как легко и беспечно в назначенный час,
Словно листик поблекший,
Ветер сдует с земли этой ласковой нас?

Март 1989

Подожди, чуть помедли,
Тишины наступившей послушай слова.
Как гравюра на меди,
Этот сад облетевший, ограда, Нева.

Ленинград

Скоропостижные сумерки
короткого зимнего дня,
неотвратимо и всякий раз
застигающие меня врасплох.
Обледелые тротуары Невского.
Тусклые, будто коптящие
фонари переулков.
Ласкающие пальцы улиц,
сведенные судорогой холода.

Неужели возможно здесь
дожить до весны?
В эти дни кажется,
что я просто умру
в этом пустом и холодном городе,
среди дворцов с выбитыми стеклами
и рухнувшими перекрытиями,
в городе, где среди смерзшихся кусков
льда и мусора высится
«чудотворный строитель»,
грозно взирающий на руины
Санкт-Петербурга
своими слепыми бронзовыми глазами.

1988

Дом

В чем секрет возвращенья Домой?
Все перекрашено, передвинуто,
Заклеено новыми обоями,
как новой афишей заклеивают старую.
Но что-то осталось.
Может быть, бой часов,
старинных, еще прадедушкиных,
или старый седой кот,
который втайне считает себя хозяином Дома?
И ведь прав, наверное.
Я потеряла свой Дом.
Я навестила его однажды.
Дверная ручка, звук открывающейся двери,
темная прихожая, щелчок выключателя,
свети... все не так!
Я прохожу через чужой Дом,
с чужими вещами, запахами, звуками,
и в самом конце, в самой дальней и маленькой
комнатке,
в стенном шкафчике, где всегда хранились грибы
и варенье,

198

притаился, спрятался за запертой дверцей
запах соленых грибов,
словно его забыли забрать при переезде.
Дверная ручка входной двери и запах соленых
грибов –
вот все, что осталось от моего Дома...

Когда мой дом ковром мохнатым

Укроет тишь,
Сыграй мне капель пиццикато
На склонах крыш.

Сыграй мне дождь ночной, шуршащий
В ладошках лип,
Из-за стекла окна глядящий
Глазами рыб.

Сыграй, как дождь смывает копоть
И суету,
Как будет он прилежно штопать
Ночную тьму,

Как смоед едкий след досады
Дождь навсегда.
Сыграй в симфонии разлада
Финал дождя.

Октябрь 1989

В моем маленьком розовом мире

Живет мой приятель кот
Мы живем в нем в одной квартире
Вдали от бурь и тревог.

Мы вместе лежим на диване
И думаем о своем
Кот очень черный и важный
И, должно быть, хитрый притом.

Еще к нам приходят гости
Мои отраженья в двух зеркалах...

199

Над муаровым заливом
На лазоревой скале
В синем мраке молчаливом
В недоступной вышине
Зачарованную фею
Страж бессонный стережет –
Всюду следует за нею
На бесшумных лапах нот.

Первое января

Запах хвои еловой,
Кожуры мандарина.
Голубой и лиловый
Вензель из серпантина.

Догоревшие встречи
Теплым воском заплыли
И усталые плечи
Опустили бессильно.

Без печали простилась,
До дверей проводила.
Эхо смеха разбилось
О витые перила.

А за стеклами сумрак,
Круговерть, непогода.
И встает, словно призрак,
Утро нового года.

Мерцают ветки бузины

В слезах растаявшего снега.
Такой волшебной тишины,
Наверно, не было полвека.

И в озере из снежных слез
Сад, опрокинувшись, двоится.
За гранью зеркала сад грез.
Попробуйте в него спуститься.

Спуститесь в этот странный сад,
Где свет – как вздох, а звуки – тени,
Где за узорами оград
Дрожащий шепот отражений.

бродя по саду миражей,
Мы сами призраками станем
И, заблудившись среди теней,
Как эхо тишины, растаем.

Май 1989

Песочные часы

Смахнуть, как пепел со стола,
Как пыль, как сор,
Отравленные семена –
Слова нелепых ссор.

Когда растает холодок
Пустых угроз
От жара воспаленных щек
И глупых слез,

До боли сжатый кулачок,
Вздохнув, разжать
И слушать, как в часах песок
Шуршит опять.

Август 1989

Воронина Диана

Выпуск 1990 года. Окончила классическое отделение филологического факультета СПбГУ (латынь, древнегреческий, античная культура)

Преподавала в течение 5 лет французский язык в Академической гимназии СПбГУ.

Окончила Collège Universitaire de St-Petersbourg, littérature – изучала символику («символическую пиктографию») в творчестве Жерара Нерваля.

Композитор, музыкант, певица, автор музыки и текстов также основательница нью-рейв-коллектива FataList (www.fata-list.ru).
Ниже представлены стихи, не имеющие отношения к песенному творчеству, то есть стихи в собственном смысле слова.

Уже утро. а я не заснул.

утро лезет своими тягучими щупальцами
мне в окно
а я так и не узнал ответа
я не узнал куда мне идти
не отыскал ту узкую улочку где-то в Багдаде,
не раскопал сокровищ
и не нашел на дне бокала с вином – жемчужину.
светает. я так и не нашел тебя.

какая нежность во мне сейчас
сплетает следы не наших драм?
какая нежность убивает нас
навзлет – осенним градом?...

молчание двух людей разрезает тьму
выбрасывая прочь обломки мыслей
я не отдам эту боль никому
не предам тебя, ныне и присно...

я был истиной я был рекой
я был черным и белым
я был морем рос одинокой сосной
был в ладони твоей мелом

я гашу сигарету о темноту вокруг
сползаю на шепот застывает инеем слеза
глотаю снег вспоминаю твои глаза
я долго был светом сейчас наступила тьма

у тебя всегда был только ты

и когда летние ливни поили землю
и когда утопали в снегу ладони огня
и даже когда она любила тебя
ослепленный чувством ты был одинок
несмотря на пурпурные вихри страсти вокруг
и еще то, что ваши тени сплелись...

Никого не жду.

Нелепая случайность.
Пустые сны.
Медальон, спрятанный в книге.

Я отрываюсь от земли,
От сладких сомнений,
От столь ожидаемой боли,
Я ухожу от тебя, хотя ты так и не пришла ко мне!...

Я буду войной. Я буду огнем,
Я буду страстью, когда ты по мне проедешь катком,
В очередной своей слабости
Я скажу: привет! – и улыбнусь самой нежной своей
улыбкой...

Твое молчание делает меня немой

По мне прокатилась катком эта страсть
Я наивно прошу тебя – будь со мной
Умоляю – не дай мне пасть!

Твоя тишина меня уже извела
На ремни разрезал кожу холод твой
Из меня уже вышли остатки зла
У меня больше нет воли

Люби меня горечью осеннего дыма
Слейся со мной в этом огне
На мне не осталось грима
И меня больше здесь нет...

Судьба вела меня, а я был слеп

Она была моей единственной подругой
Судьба вела меня только к тебе
И я, как дикий зверь, не знал испуга...

Судьба водила моим пером
Она всегда была меня старше
Была для меня во тьме костром
Пока не сыграла на струнах моих свой траурный марш.

В тот день не сошелся ни один пасьянс
В тот день мое тело билось в агонии
А я не знал ни о чем и смеялся
Пока не получил холодный удар ее иронии...

Глухо вою

Запорошена снегом
Я с тобою
Бывшею негой

Не заживает
Рана, края плаваются
Прореха зияет,
Она и останется

От нас когда-нибудь
Как шумели ливни
Как долгий путь
От моей к твоей жизни

Как путь познания
Двух пар губ потерянных
Как два желания
В плену у времени...

Разговор

Шелкопряда тонкий шелк
Сложное ранение.
В белый кварцевый песок
Льются слезы Времени.

Горным хрусталем во мне
Стынет грусть и хлынет горлом –
Теплой вишнею в вине
Непредвиденного шторма.

Взорванная немота
Густо синей страсти ядом...
В этом кубке я и та,
Я и ты. И вечность рядом.

Горченко Юлия

Выпуск 1990 года. «Основной вид деятельности – создание гармоничной реальности (это когда мечты сбываются во всех аспектах жизни). Изучаю практические методы ускорения процессов гармонизации реальности. Рисую, пишу стихи, в том числе концентрирующие энергию, которая воплощает образы-мечты в обстоятельства реальной жизни. Живу в сказке счастливой взаимной любви, чего желаю всем читателям и пишущим коллегам. Воспитываю четверых детей, нежно мною любимых».

Юлька – просто Знак Луны
Из небесной тишины.
Свет нездеиших озарений
На листах ее творений.
Перламутровые сны –
Те же отблески луны.

Анна Тишкова

Silentium

MZ

Я однажды оставлю свой пристальный взгляд
В море глаз этих серых, неистово теплых,
И тогда я, наверно, смогу замолчать,
И молчать с этих пор до финальных аккордов.

И в молчании сменится Солнце Луной,
По небесному своду пройдут хороводом
Молчаливые люди, повязаны той
Общей тайной, что вспыхнет и стихнет
над Городом...

17.05.91

Ветер под дождём

1.

И будет однажды: наш Демиург
Прочертит стрелы наших путей
И прочные узы наших сетей
Где больше не будет созвучия «друг».

Не будет того, что случилось окрест,
А будут звёзды моих дорог.
Не будет тех, кто сжигает порог
Бывшего дома. Это не Крест.

Только лишь факел, только пожар,
Только трагедия наших вестей,
Уши, хвосты и рога чертей,
Этих, что рядом. Кидает в жар,

В холод, пургу и тропический зной.
Пули, летящие в нас, святых,
Кровью поют на знаменах твоих.
Стаи собак тиражируют вой.

Мне не уйти от тебя не уйти,
И никогда не забыть тех слов
И волшебства твоей музыки снов,
Ты теперь – Бог, я в твоей сети.

Не перепрыгнуть, не долететь.
В этой клетке я навсегда.
В клетке умру. Вероятно, беда
Вскоре войдет: долгожданная смерть

Будет не той, что я жду. Я жду,
Нет, только этот ночной горизонт.
Кстати, зачем я беру этот зонт?
Ветер в ушах, вероятно, к дождю.

Слышишь, не плачь, это тоже к дождю.
Наш Демиург отдельно от нас.
Я, как всегда, шантажирую НАС,
Но, как и прежде, все-таки жду.

Я пропущу, не замечу тот миг...
Буду идти по дороге и в НЕБО,
Нас не постигнет величие гнева,
Этот корабль – наш призрачный бриг.

Мы под дождем, мы мокры от дождя,
Ветра и Неба. И наших слез.
Здесь только мы. Белых берез
Вовсе здесь нет – чужая стезя

Их не потерпит. Здесь много морей,
В этих морях слишком много меня.
Как и вчера, окончания дня
Я дожидаясь. Зеленый пырей

Или другая какая трава
Здесь прорастает. Топот копыт
В сумерках дня и движенья огня.
– Да, безусловно. Я не права

В том, что ищу это слово. Оно
Вовсе не там, да и нет его. Нет.
Это совсем не привычный нам свет,
Свет, что мы знаем очень давно...

2.

Я задуваю свечу, поступаю,

Как повелит Демиург,
Отступаю, если прикажет,
Прикажет – круг

Я нарисую, правильный круг.
Если захочет – рисую квадрат.
Здесь, замечаю – владения вьюг...
В нашем огне зажигаю закат.

Я в барабане, внутри или в дроби,
Я – знаменатель своих дождей,
Но повелитель моих пажей –
Мой повелитель. И эти дробы

Будут сражаться в нашем бою.
Я разжигаю огонь в ладонях,
Но за бессмертными будет погоня...
Впрочем, ты знаешь, что я не пою,

И почему я не пью эту воду.
Я зажигаю шагреновый клочок...
Наш Кара-Даг и вечерний о'clock.
...И, как ты знаешь, в любую погоду

Буду стрелять. Бесконечные льдины
Тают снежинками в наших слезах –
Ночь умирает в наших глазах,
Плещут хвостами по волнам ундины.

Мне не пройти в эту дверь, только мимо.
Ты, хоть и бог, но меня продашь.
И подешевле... Простой карандаш
Стоит дороже. Но, неутомимы,

Вечными будут мои пантомимы,
Гимны и всплески моих озарений
И колдовство не моих песнопений.
Башни. Лицо огорченного Мима.

Мимо меня пролетают огни.
Да, я – легенда! Ваше Величество,
Ставьте пластинку с его Электричеством.
Да, арестуют меня они.

Мы допиваем вино из колодцев.
В венах моих голубая кровь...
Скальпель и гений... Нет не готовь –
Мы, вероятно, не первопроходцы.

Мы не чужие, но мы инородцы.
Мы, согласитесь, уродцы слегка,
А в остальном Демиурга рука
Нас пощадила, введя первородство.

3.

Я полагаю, что очень жаль

Того, что ты не напишешь мне,
Но в предстоящей реальной войне
Мне, вероятно, прикрутят медаль.

Ты угадал: медаль на висок.
Или, чтобы купаться в реке,
Лучше на шею. В правой руке –
Мысли текут... в раскаленный песок.

Я стану страшной, жуткой, гремучей
С надписью ржавой: спасайся – убьет!
Целься, все кончено, бей меня влет!
Молнией гибкой взрываю тучи.

... Только бы знать, чей это сон!..
Я непременно б вернула ему,
Только скажите, скажите – кому!
Правда... о, черти, а вдруг это стон?

Стон, безусловно, ему ни к чему,
Так же, как мой ослепительный свет,
Теплая шкура, глаза и сонет...
Нынче нужны ли сонеты кому?

Как и столетье-другое назад...
Или эпоха-другая вперед:
И бесконечный бесовский восход
Нам безразличен. Я чувствую взгляд.

Кто-то крошит цветы на салат,
А картинки возьмет для приправы –
В изощренности этой расправе
Не откажешь. Двухтактный пат

Черно-белых моих злосключений.
Только ты не спроси, ради бога,
Там, где кончится эта дорога,
В переплете подводных течений,

Как живется теперь... без доспехов,
Без страховки по ветхим канатам,
По неровно пришитым заплатам...
Это лопнуть ведь можно от смеха...

4.

И снова мучительно хочется встать,
Идти и искать кого-то в ночи,
Но, странное дело: наши ключи
Бессилию нашему стали подстать.

Звуки призывные Славной Трубы –
Это не наша с тобою война,
Это другая воюет страна
С прежним источником милой пальбы.

Мы запираем себя изнутри
В вечном скоплении башенных замков.
В странствиях нищих, разгромленных банков
Сами под стражей... Но взаперти

Вовсе не плохо. Что же с тобой?
Братец, мы сами себя закопали,
Нам ли теперь предаваться печали?
Давешний прячут в прибое гобой.

5.

Кто-то в безоблачный солнечный день

С крыши срывается. Ты отвернись,
Чтобы тебя не коснулась кисть.
Нитку в иголку, как шею, вдень.

Слушай, попробуй меня починить...
Иначе хлещет из раны злость,
Как у людей вбивающих гвоздь
В нашу Стихию. Тонкая нить

Нас закрепляет над пропастью лжи,
Так что за мною не стоит идти,
Лучше считайте до десяти
И уходите. Ловушка во ржи,

Только она ожидает меня,
Больше и нет у меня никого
В гроте суровых, ровных когорт
Буду присутствовать в роли огня.

6.

Я уже вижу, что это не капли
Ливней Господних – горящая нефть

Хлещет на нашу пчелиную верфь.
Даже носатые важные цапли

Видят, что ветер под грустным дождем
В наших руках обращается пламенем.
Бродим в лесах и строениях каменных
В мокрых подпалинах перьев... Вдвоем.

Благословенье числительным! Двое –
Вечный ответ в ощущении друг друга;
Солнце и тьма в подчинение кругу
Отданы в самом начале истории.

Птица, чудесная добрая птица!
Мы прорастаем реликтом на полюсе
И замечаем странные полосы
В жизни, которая нам не приснится.

Ты исправляешь взглядом движение
Теплой руки моей. Красочный заговор
Мы составляем... Уверенность правого
Служит уже небольшим достижением.

Сентябрь-Октябрь, 1991

Грим

Тигра сказал: Ага!
И уши прижал к земле,
А к вечеру четверга
Он прятал солнце в золе.

И пламенно языкат
В призрачном мире тьмы
Прекрасен царил закат
В преддверье нашествий луны.

А утром настал восход,
Он будет непримирим,
Как наш každоутренний ход,
Где в тело вращается грим.

28.09.91

как же странно теперь,
после всех наших зим,
после всех штормовых поседевших путей,
обреченных и более прочных затей
безупречных, и после сошедших лавин
предаваться сложению наших потерь...

как же странно, услышь,
нареченный закат –
и задумчивый взгляд раскрывает окно,
расплетает полотен окон волокно,
удлиняет прерывные нити утрат,
вышивает над крышами сизый камыш.

24.07.92

Когда в долине спящих облаков

Смыкаются пространства соответствий,
Там нет понятий:
близко – далеко,
Там торжествует океанов детство.

Нет Времени. Не властны вечера
Усталости
вплетать в тесьму узоры.
Нет Времени.
Нет завтра и вчера.
И Стражи гор несут свои дозоры.

видение 2

12.01.95

ЖИЗНЬ СНАЧАЛА
НАЧАЛО
СНАЧАЛА
С ПЕРВОЙ ЦИФРЫ

Нам кажется,
что мы чего-то ждем.

А в это время
в сердце
сокровенно

Растут цветы
В благоуханье дня
все, что казалось
слишком дерзновенным,

Подталкивает ввысь
лететь меня!

2005

Спасибо Тебе,

что тоже

иногда
говоришь стихами,
за то, что из бесконечности
однажды

вдруг выплывает
за возможность откликнуться
на голос

бисером строчек,
за возможность приникнуть
к общему многоточью

2005

Карлин Александр

Выпуск 1982 года. Затем ФизФак ЛГУ. После окончания ЛГУ рубил дома в ЛенОбласти. Работал не по специальности в разных организациях. В настоящее время работаю консультантом по сбыту.

В 2001 году вышел первый сборник текстов песен и прозы «В людях хороших нуждаюсь». В 2002-2003 году вместе со своим другом Александром Тетериным и Ильницкой Людмилой Петровной издавал литературный журнал «Современник» (85% тиража которого распространялось бесплатно по библиотекам Санкт-Петербурга и России). В настоящее время готовится к печати второй сборник стихов и прозы «В поисках утраченного идеала».

Т.А.А.

Нам теперь уж больше не поспорить.
Что поспорить? – Не поговорить.
В памяти всплывают разговоры,
Прошлого вдруг оживает нить...

Мне четырнадцать, костюм не по фигуре,
К новой школе быстро я привык.
Вы – учитель по литературе.
Я – Ваш нерадивый ученик.

Было б глупо обойти молчаньем
Школу-интернат, девятый класс.
Из-за «Преступленья с наказаньем»
Как-то не сложилось всё у нас.

Без родителей мы быстро осмелели,
Большой город – как соблазнов океан.
К понедельнику Вы прочитать велели
Самый сложный Достоевского роман.

Юные смешные человеки
В пятницу лишь вспомнили про то.
На весь класс нашлось в библиотеке
Три потёртых томика всего.

Кто прочёл роман за воскресенье,
Кто-то за ночь про убийца прочитал.
Не читая, написал я сочиненье
И два балла тут же схлопотал.

Бес ли толкнул под руку – не знаю,
Но явилась мысль ко мне одна,
Что отныне – ничего я не читаю
И всем книжкам мной объявлена война.

Замкнутый обидчивый мальчишка
Я досаду на себе самом срывал.
Дай Бог, если три-четыре книжки
За пять лет всего я прочитал.

Души юной первая усталость
Отразилась в грусти карих глаз.
Дальше – больше, мне вдруг показалось,
Что на жизнь взгляды расходятся у нас

Завершилась школьная соната,
Замелькали юности года.
Лишь на юбилеях интерната
Мы встречались с Вами иногда.

Боком вышли мне мои исканья,
Выбит на сердце моих утрат узор.
Мне казалось – мы на расстоянье
Продолжаем наш давнишний спор.

Путь к литературе был не ровным,
Я срывался, падал и сбоил.
Вы вторая (за Людмилою Петровной),
Кто меня немножко похвалил.

Совсем близко в мир иной граница,
И для жизни в сердце мало сил.
Нам осталось только помолиться
Чтобы Вам Спаситель всё простил.

Виноват – словами и делами,
Часто скребут кошки на душе.
Если Вы в Раю, то мне уж с Вами
Более не встретиться уже.

У меня ведь ни таланта, ни умения,
Одна строчка забирает столько сил.
Но первое своё стихотворенье
Я на уроке Вашем сочинил.

И при всём моём авантюризме,
Словно к нёбу мой язык прилип,
Много важного при Вашей жизни
Не успел сказать Ваш ученик.

Времени прошло уже немало,
Поздно понял я среди суеты,
Что к одним и тем же идеалам
Со сторон мы разных подошли.

Жизнь земная для людей – больница,
Чтоб для Вечности они набрались сил.
Нам осталось только помолиться,
Чтобы нам Спаситель всё простил.

Некстати о 45-ом интернате

Ночь не хочет уходить
За берёзоньки цепляется,
Ну а солнце поднимается
Уже где-то за Невой.
Платье ночи загорается,
Ночь слезами заливается,
Ну а ветер кувыркается
И летит по мостовой.

Вот березки стоят голые,
Им уже, наверно, холодно,
И когда ещё им новые
Платья принесет зима.
Провожая своих дочек я
И немного озабочен я,
Тем, что скользкая обочина
И разбит глаз фонаря.

Школа вот стоит тридцатая,
Конкурентка сорок пятого
Интерната, где когда-то я
Школу жизни проходил.
Грустно было там и весело,
Под гитару пели песни мы,
Со своими интересами
Каждый дело находил.

Каждый должен разобраться
Был в себе и попытаться
В мире том не затеряться,
Свое место там найти.
И ответить самому себе,
Для чего живет он на земле,
И к какой неведомой звезде
Должен проложить пути.

А потом пошли экзамены,
И не все предметы знали мы,
Но согласно расписанию
Их сдавали, как могли.
Доставались нам билетики
Без задач по арифметике,
Жадность, зависть да наветики
Нам встречались на пути.

Было много всякой всячины,
И друзей терять мы начали,
Чьи предательством захвачены
Были души-корабли.
Но трудней всего, наверное,
Для нас были трубы медные,
Часть из тех, что были первыми,
Эти трубы не прошли.

Мы заметно поредевшие,
Битые, но уцелевшие,
И ничуть не поумневшие.
По дороге дружно шли.

Облака, что мы встречали,
Мы ловили, выжимали
Прямо к сердцу прижимали,
Как заплатки для души.

Вел себя порой дурачки я,
Шел тропинкою кабацкою,
Лишь закваска интернатская
Помогла мне повернуть.
Когда туго, то как здорово,
Повернуть немного голову,
Кореша идут, готовые
Тебе руку протянуть.

«Три встречи за день»

А я говорю: «Привет»,
А ты говоришь: «Спешу».
Не виделись восемь лет,
Но это ведь как кому.

Роняешь ты: «Извини»,
Визитку свою суешь.
Кричишь на ходу: «Звони,
Если время найдешь».

И ты как апрельский снег
Растаял на Невском вмиг.
Машина – не человек,
Удачи тебе, Старик.

Она говорит: «Постой,
Хотя бы на миг зайди»,
А я говорю: «К другой
Иду, ты меня прости».

Ты шепчешь: «Конечно, да,
Удачи тебе, всех благ».
Змеею твоя коса
Вползает в зажатый кулак.

И я говорю: «Прощай».
А ты мне в ответ молчишь.
Подходит седьмой трамвай,
Вхожу я, а ты все стоишь.

А ты стоишь и молчишь,
И твой перекошен рот.
Вот что-то ты мне кричишь,
Но скрыл тебя поворот.

Увидев, орешь: «Бог мой,
Не верю глазам своим.
Не виделись мы с тобой
Наверно, пятнадцать зим».

И ты говоришь: «В кабак,
И побоку все дела».
А я говорю: «Никак
Сейчас не могу, старина».

И ты удивлен: «Почему?»
– Я с дочкой.
– Возьмем с собой.
И я объясняю ему:
«Три годика ей всего».

Друг детства растерян, смят,
«Весь день не везет с утра,
Я ж с Севера в Ленинград,
Прибыл на Ту вчера.

И деньги мне ляжку жгут,
А завтра уже – адью.
И вышить мне не с кем тут.
Я ж с кем попало, не пью.

И сколько мишло лет?
Лет двадцать. Нет, двадцать пять.
Послушай, сейчас обед,
Давай-ка по капель пять.»

И мы за столом сидим
И гадость какую-то пьем.

Друг детства уж стал седым,
Но держится молодцом.

И он говорит: «Махнем
На родину. В Магадан.
Вдвоем. Никого не возьмем,
Вот только еще по сто грамм».

Веселая штука ты, жизнь,
Спасибо тебе за все.
Мне шепчет Серега – держись,
Я третье твое плечо.

Электричка «Санкт-Петербург – Калище»

Чья была та война,
Только ль тех пацанов,
Что по скалам лежат без могилы?
Тех, кому не хватило
Солдатских гробов,
И протезов кому не хватило?

Тех, кто ранен был там,
Ныне снова в строю,
Кто вернулся совсем не задегый?
Тех, кто умер от пыток
В исламском раю,
Как ни странно, ещё этим летом?

А поезд идёт на Калище,
И что ему Афганистан.
Из памяти боль выход ищет
И сдирает корку с ран.

Электричка ползёт лениво
Сквозь жару, по полям.
Небо как недозрелая слива,
На нём шрамом – облака.

Тех ли только война,
Кто детей своих ждал?

Кто дождался, кого обманули.
Кто насильно был втянут
В кровавый аврал,
В нас летящие, кто принял пули?

Те, кто тельники потные
На куски рвал,
И обрубок обматывал другу?
Кто шагнул навсегда в гор
Зловещий оскал,
Под свинцовую южную вьюгу?

Мороженое дамы лижут,
Мужчины, те тянут пивко.
Мне с годами становится ближе
То, что было далеко.

Уж в тамбуре курят студенты,
Детишки рубают пломбир.
И прошлое тут же моментом
Заслоняет собою мир.

Тех ли только война,
Побывал кто там сам?
Тех, кто из-за Реки не вернулся.
И в чём был виноват
Красноярский пацан,
Что в своей же крови захлебнулся?

Нет, не только война та
Лишь нашей была.
Она Вашей была, кстати, тоже.
У любого молчанья
Есть тоже цена,
И двойная ошибкам вельможи

Прёт по обществу нагло проказа,
Изнутри пожирая людей.
Вновь в штабах ожидают приказов,
От верховных гражданских властей.

Так никто ни за что не ответил,
За убитых, пропавших, калек,

Повторится всё, значит, на свете
В наступивший двадцать первый век.

«Ответ на письмо»

Из твоего последнего письма
Я понял, что твои упрёки ранят,
Что даже ты, родившая меня,
Не поняла, чем я так сильно занят.

Ты пишешь мне: «Завёл кучу детей,
Не до стихов теперь, поверь мне, милый,
Местечко бы нашёл, что потеплей,
По пустякам бы не транжирил силы.

Ведь годы-то, сынок, уже берут своё,
Работал бы, как брат, в большой конторе.
Глядишь, смог бы купить себе жильё,
Детей бы каждый год возил на море».

Родная, что могу сказать тебе,
В жизни стихи совсем не меньше значат,
Чем хлеб и молоко или огонь зимой в избе,
Чем липа, что своей листвою плачет.

В поэзию, клянусь, не рвался никогда,
Жил тихо и не мнил себя героем.
Но властно меня вырвала рука
Из задремавшего людского строя.

Я призван был. И честно говоря,
Согласья моего ведь не спросили.
А просто записали в лекаря
И даже врачевать не научили.

Сказали мне – Участок это твой.
Ты за него в ответе перед всеми.
И я высасывал из душ тоску и гной
Губами всех моих стихотворений.

И пластыри лепил я на сердца,
И раны штопал грубо, неумело.

И пел не ради красного словца,
А только ради общего же дела.

Урвать я не пытался сладкий куш,
Но знать хотел, что с нами всеми будет?
И столько встретил обожженных душ,
Надломленных я видел столько судеб.

И без свечи я заходил во тьму,
На крик души, заблудший и убогий.
Но лишь немногих выводил к огню,
Теряя слишком многих по дороге.

Сполна душа моя отведала плетей
Реальности.

Спасибо за вниманье.
Мне не забыть глаза ничьих детей,
Их судороги, их слёзы, их рыданья.

Слова порой – чуть больше, чем дела,
Взгляд обреченный – мне на раны солью.
Те встречные забрызгали меня
Отчаяньем, тоской, горячей болью.

И я рубаху-сердце не стирал,
Не для того, чтоб проступали пятна.
А чтобы боль, что я у них украл,
К несчастным не вернулась бы обратно.

«На работу летом»

В метро на последнюю сдачу
Зашел – там людей вокруг.
Кто с рюкзаками на дачу,
Кто с чемоданом на юг.

А я как всегда на работу,
Надо успеть к десяти.
Не то, чтобы очень в охоту,
Зато от нее не тошнит.

Иду вдоль реки Смоленки,
Вхожу на Кинжальный мост.
Стоит он, согнув колени,
Не встать ему в полный рост.

Шагаю по улице Беринга,
Справа дома-корабли.
Кому-то так нужно до берега,
А этим бы до реки.

Слева старое кладбище,
На нём всегда тишина.
Но кто-то собачьим пастбищем
Решил его сделать с утра.

А вот и бензоколонка,
К ней очередь – метров на сто.
Шестая модель «жигуленка»
Пьет черное там молоко.

Вот дом четырехэтажный
От края второй подъезд,
Бездомная кошка важно.
Сидит на скамейке и ест.

Вхожу. Компьютер включаю.
Теперь до обеда – Привет.
Лишь пара стаканов чая,
И перекуров нет.

Колесникова Татьяна

«Выпуск 1999 года. Училась в СПбГУ, в Колледже Культуры и Искусств по классу вокала, окончила институт парикмахерского искусства и эстетики «Влада». Стихи пишет с 1994 года, публиковалась в газете «Свирские огни Подпорожья», сб. «Поэты Присвирья», «Литературная свирель» (сборник молодых Подпорожских авторов), в журнале «Костер». В настоящее время живет в Санкт-Петербурге, воспитывает сына, работает парикмахером.»

ПОСЛУШАЙ!

Свет фонарей и настольной лампы
Последний день собрала и в топку
В реке несчастий прорвало дамбы
За это стоило б выпить стопку
Зачем-то диктор ведет беседы
О заграничных заезжих трупшах
А рядом празднуются победы
На фоне страшных кровавых трупов

Остановись, оглянись, послушай
Открой глаза и прочисти уши
Наш мир разбит, наш покой разрушен
Не проходи! Оглянись и слушай!

Мы провожаем мечты в дорогу
Мы смотрим вслед на краю перрона
И возвращаясь в свою берлогу
Впускаем в сердце озноб вагона
За полцены мы продали счастье
За три копейки – любовь до гроба
И чувства все разделив на части
Скупой рукой раздаем с порога

Остановись, оглянись, послушай
Открой глаза и прочисти уши
Наш мир разбит, наш покой разрушен
Не проходи! Оглянись и слушай!

14 апреля 2004

О ТЕБЕ

Тебе ведь тоже бывает страшно
Когда луна одиноко воеет
И все бывает совсем неважно
Когда с разбегу и сразу в море
Когда забыта, когда устала
Когда никто никому не нужен
Когда не помнишь, кого искала
И молча снова пешком по лужам

Я сотню раз напивалась ядом
Жила по новой, и снова в пекло
Ты отойди, мне опасно рядом
Ты не смотри, я уже ослепла
Ты просто будь, мне нельзя иначе
Ты закричишь, я приду, ты знаешь
А ты всю ночь на плече проплачешь
И навсегда меня забываешь.

3 июня 2004

Порабощенные своим презрением

Ко всем, кто стал успешней нас
Мы предаемся скучным сновидениям
Виня судьбу, что не настал наш час
Нам не присуще гением гордиться
Мы сами гении, нам слава как наркоз
И нет, чтобы талантом восхититься
Мы говорим: «он **просто** виртуоз»
Куда там им тягаться с нами силой
Они давно спились и на мели
Да когда б мы взялись бы править миром
Да когда б мы... но что-то не смогли
И мы теперь злорадствуем оскалясь
Вы были на коне, но вновь, увы,
Из князей в наши грязи опускаясь
Где ваши титулы, регалии, чины

И кто б один на миг остановился
И кто б один задуматься успел
Что не великий в грязи опустился
А это ты допрыгнуть не сумел...

13 декабря 2004

БЕЗ ТЕБЯ

Сейчас, сейчас, подожди чуть-чуть
Четыре, три, два, один... Вот так
Ровнее сердце, спокойна грудь
Тебя совсем отпустить? Пустяк...
Банальных фраз собрала букет
Как затянулся прощанья миг
Ну, все? Собрался? Давай, привет!
Закрылась дверь, сорвалась и в крик...

Что я без тебя?
Небо
Где ты никогда
Не был

По стенке с пола, смелей, смелей
Спина прямая, дыхание глубже
Бежать отсюда, бежать скорее
Куда угодно – не будет хуже
Бутылка пива, в слезах и в ливень
Топить по лужам мечты и сказку
Сейчас так будет, вчера так было
А завтра я поменяю краску

Что я без тебя?
Небо
Где ты никогда
Не был

Как сомневаться еще посмела?!
Открыла шкаф и достала крылья
Я в это небо всегда хотела
Я полечу, остальное – пылью

Что я без тебя?
Небо
Где ты никогда
Не был

28 июня 2004

НЕ ПО ПУТИ

Что бы ты ни сказала
Что бы я ни ответила
Ты опять на вокзалы
Я все так же не встретила
Ты на грани безумия
Мне недолго до клиники
Чувства высохли мумией
Безусловно, мы циники

Хочешь полной свободы?
В чем дело? Лети!
Ты красиво смотришься в полете
К сожалению, нам
Не по пути
Мы случайно разминулись на взлете

Твоя страсть невозможна
Я не мыслю пожара
Для тебя слишком сложно
Для меня просто мало
Что бы я ни сказала
Что бы ты ни ответила
Я опять на вокзалы
Ты все так же не встретила

Хочешь полной свободы?
В чем дело? Лети!
Ты красиво смотришься в полете
К сожалению, нам
Не по пути
Мы случайно разминулись на взлете

14 июля 2004

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Пустые огни непогашенных окон
Знакомые тени знакомых дорог
Усталого города сумрачный кокон
Увы, в мотылька превратится не смог
И прежние звуки чужого веселья
Так празднуют пир в дни великой чумы
Так сходят с ума от вина и безделья
Так ищут по свету сумы да тюрьмы

Да мне бы поверить, что будет иначе
А я все стою на краю
Пою небесам и капризной удаче
Последнюю песню свою

В больших переходах теряются люди
И ясно становится только одно
Им, в общем, не важно, кто следующим будет
Кто выйдет из дома не в дверь, а в окно
Уже перестали бороться за счастье
Забвенью предали мечты о звезде
И синюю птицу разрезав на части
Вступили в ряды покоренных судьбе

Да мне бы поверить, что будет иначе
А я все стою на краю
Пою небесам и капризной удаче
Последнюю песню свою

18 августа 2004

ПРОСТО РАССКАЖИ О СЕБЕ

Притихший сигаретный дым
Твоя рука на ручке кресла
Как будто нет другого места
Чтоб быть моим и мне чужим
Как будто было интересно
Пустая страсть, чужая боль,
И на щеках застыла соль
Как будто нет другого места

Я пыталась тебя всюду искать
Я давала взятки твоей судьбе

Мне ничего не остается ждать
А ты... Просто расскажи о себе

На кухне недопитый чай
Совсем забыла, если честно
Как будто нет другого места
Чтобы сказать тебе «прощай»
За окнами немая сцена
В квартире правит тишина
Как будто мне нужна она
Как будто мне не надоела

Я пыталась тебя всюду искать
Я давала взятки твоей судьбе
Мне ничего не остается ждать
А ты... Просто расскажи о себе

9 мая 2004

Мое утро больше похоже на сон

Мои сны – большие кошмары
Голос больше не звон – стон
Затерявшийся меж стаканов
Не осталось врагов, нет веры друзьям
Огонек в глазах затухает
Говорю себе: «так дальше нельзя!»
Понимаю: я привыкаю

Я не хочу оставаться мишенью в тире
Здесь каждый день похож на дожди октября
И я должна что-нибудь изменить в этом мире
Иначе этот мир проглотит меня

Моя тюрьма – недосказанность нужных слов
Моя свобода – мое безумие
Моя страна – миллионы счастливых вдов
Для высшей подлости раздолье
Мой день забыт, погребен живьем
Я от огня погребального греюсь
Мне очень странно, но мы живем
Мне очень страшно, но я надеюсь

2 октября 2004

Мухачев Игорь

Выпуск 1986 года. Учился в ЛГУ на химфаке. Служил в ВМФ СССР. Занимался бизнесом. Теперь работает в благотворительном фонде «ГАУДЕАМУС» и ежегодно проводит конкурс молодых поэтов Санкт-Петербурга «ПОЭТому».

Написал несколько стихотворений в 2005 году.

Симфонию невысказанных фраз

Моя душа мне по ночам играет.
Я счастье в жизни испытал не раз,
Но все равно, чего-то не хватает.

Пока еще ты мне совсем не враг.
В твоих глазах не чувствую укора.
Но от любви до ненависти – шаг.
И нам его пройти придется скоро.

Опять замкнется бесконечный круг.
И я, как видишь, ко всему привычен.
Не избежать нам горестных разлук.
Печальный поворот судьбы обычен.

Между землей и небом

Рвется душа на части.
Каждый накормлен хлебом,
Но не хватает счастья.
Кажется нам, что солнце
Греет кого-то больше.
Думаем, что эстонцы
Лучше живут, чем в Польше.
Хочется очень людям
В небо подняться к птицам.
Так все равно там будем.
Стоит ли торопиться?

Наше отчество – одиночество.

Имя нам – суета сует.
Но порою, друзья, так хочется
Старой песни пропеть куплет.
Посидеть у костра с гитарою,
Посмотреть на звезды вдали,
Фотокарточку вынуть старую
Из альбома, что весь в пыли.
Вспомнить все, что прошло, потеряно,
Все, в чем радость и боль наши.
Ведь и сами мы только временно
Погостить в этот мир пришли.

Как я кайфую от воздушных ям!

Для самолетов в доску свой я парень.
На них летаю от друзей к друзьям.
За это им премного благодарен.

Когда от турбулентности трясет
И стюардессы падают в проходе,
Я сплю спокойно, как домашний кот
На печке теплой при плохой погоде.

Кто это испытает, тот поймет,
Как кровь стучит в висках перед посадкой,
Как пассажиры любят самолет,
Когда по полосе несутся гладкой.

Мы убиваем время:

Месяц, неделя, час...
Время смеется над всеми.
И убивает нас.

Мы в суете о главном
Помнить должны одно:
В этом бою неравном
Шансов нам не дано...

В многоголосьи мартовских котлов

Мой фотоаппарат свихнулся даже.
Твое лицо увидеть он готов
В весеннем блеске городских пейзажей.

А ты печально смотришь на меня
С дисплея цифрового аппарата,
Чтобы опять, эту весну кляня,
Припомнил я, как счастлив был когда-то.

Как жаль, что это только кадр из сна,
Когда твое лицо казалось ближе.
О что же со мной делает весна!
Куда ни гляну, лишь тебя я вижу.

Куда ни гляну, всюду только ты.
За что мне эти выпали мученья?
Безумно далеки мои мечты
От их несбыточного воплощенья.

Как наше счастье мимолетно.

Любовь всегда обречена.
Я в это верил неохотно.
Теперь другие времена.

Теперь я знаю это точно.
Других исходов в жизни нет.
Любовь почти всегда порочна
И нам приносит много бед.

А мы, пренебрегая риском,
Закладываем виражи.
И думаем, что счастье близко.
Но это только миражи.

Зима пришла холодная такая.

На крышах снег лежит, как белый пух.
Застыли сосны, инеем сверкая.
И тишина, пронзающая слух.

Стою один я долго у дороги.
Смотрю на солнца розовый закат.

А сосны так задумчивы и строги.
Мне хорошо. И этому я рад.

Я рад тому, что где-то в этом мире
Меня ждет теплый, ласковый уют.
Там для меня откроют двери шире.
И все дороги к дому приведут.

Тишина, пронзающая слух.

Холод, аж захватывает дух.
В хмуром небе съежилась луна.
К ночи приготовилась она.
Вдалеке виднеются дома.
Их закрыла до весны зима.
Стайка сосен в поисках тепла
Робко смотрит в сторону села.
Пусть все это навевает грусть,
Я люблю тебя, Святая Русь.

Вдали виднеется едва

Пейзаж унылый и печальный.
И вспоминаются слова
Об осени первоначальной.
Но та пора прошла уже.
Теплом ноябрьским согрета,
Стоит природа в неглиже.
И грустно ожидает лета.

На берегу роскошные сады,

Но все же взгляд мой здесь смущает что-то.
Над храмом древним свежие следы
Сверхзвукового вижу самолета.
Он с нами в двадцать первый век шагнул
И слышно от рассвета до заката,
Как стены храма сотрясает гул
Железных птиц, несущихся куда-то.
Он к нам пришел из времени глубин.
К нему всегда расчищена дорога.
И даже реактивный рев турбин
Не помешает людям верить в бога.

Когда меня твои не бесят недостатки.
Когда остатки на твоей тарелке сладки.
Когда все время повторяю твое имя.
Когда твои проблемы стали вдруг моими.
Все это ты как хочешь назови,
Я знаю – это признаки любви.

Скрипы колес.

Мчится жизни моей колесница.
Только вперед.
Остановки не будет в пути.
Плачу без слез.
Иногда что-то страшное снится.
Ужас берет.
Я боюсь до конца не дойти.
Но не сдаюсь.
Не для этого путь трудный начат.
Можно упасть.
И подняться потом вновь и вновь.
Если не трус,
Разрешима любая задача.
Карты не в масть,
Но есть вера, надежда, любовь.

Я помню любовь.

Неуверенность первых свиданий.
И трепетных снов
согревающий душу мотив.
Бессмысленность слов,
безнадежность пустых ожиданий.
Забудется все. Но не это.
Я помню любовь.

М. Б.

Я живу для тебя,
чтобы радость твою и улыбку
каждый день наблюдать,
восхищаясь чертами лица.

Я прощу тебе всё.
Я исправлю любую ошибку,
если рядом со мною
останешься ты до конца.

05.09.2008

Сальников Глеб (Тетерин Александр)

Выпуск 1982 года. Писать стихи и прозу начал ещё в 9-ом «В» классе на ул. Савушкина.

В 1982 году поступил на ФизФак ЛГУ. Был главным художником ССО «Аргумент»

На ФизФаке началось его увлечение музыкой – учился в джазовой школе по классу гитары. Создал свой вокально-инструментальный ансамбль. В 1994 году выпустил свой первый компакт-диск «Помнишь ли ты?». Его песни периодически попадают в эфир на радиостанциях. Было несколько передач с ним в прямом эфире.

Работает архитектором.

Песенка про Джима

На Мясникова в доме шесть
Есть, что украсть, и есть, что съесть –
Живет там наглый толстый Джим-кооператор.
Живет не ропщет на судьбу,
Не любит пешую ходьбу –
Вампир, паук, народных масс эксплуататор.

В своей конторе день-деньской
Творит он частный бизнес свой.
Прикинет быстро прибыль, почесав затылок.
И станет вдруг, ядрена мать,
Янтарный камень добывать,
А то затеет гнать валюту из опилок.

Хотя он жаден и умен,
Там много крутится имен,
Каких на мраморной доске не стыдно высечь –
Один залетный фармазон
Его нагрел на миллион,
А я – какой дурак! – всего на двести тысяч!

Я сытый от его щедрот
там кантовался целый год –
Таких как я всегда там много подьедалось.

Всего хватало всем сполна,
Не опустели закрома,
И кое-что, скажу вам, там еще осталось.

Я был всегда готов помочь,
А он сказал: «Подите прочь!»
И я за то ему от всей души желаю
Скорее вылететь в трубу,
А я к Найденову пойду –
Мы с ним давно друзья, но он еще не знает...

Не зевай, Михаил Поляков!

С благодарностью С. Пожлакову

Жаркое лето над Ревском стоит,
Белый бандит до конца не добит.
Банда Никитского – образ врагов,
Не зевай, Михаил Поляков!

ПРИПЕВ:

Мы с тобою вместе,
Всегда будь готов!
С пионерской песней
Идем на врагов!

С тобою рядом
Мы всем отрядом
Готовы вновь принять
Неравный бой.

Смелей, ребята!
Вперед и прямо!
С тобою мы опять,
Всегда с тобой!

Подлю лесничий в деревне убит,
Граф Карагаев над трупом стоит.
Правит народом рука кулаков –
Не зевай, Михаил Поляков!

ПРИПЕВ.

Ткацкая фабрика, НЭПа угар,
Жулик Навроцкий ворует товар,
Нэпман и частник – образ врагов,
Не зевай, Михаил Поляков!

ПРИПЕВ:

Мы с тобою вместе,
Всегда будь готов!
С комсомольской песней
Идем на врагов!
 С тобою рядом
 Мы всем отрядом
 Готовы вновь принять
 Неравный бой.
 Смелей, ребята!
 Вперед и прямо!
 С тобою мы опять,
 Всегда с тобой!

Филиппович Анна.

Выпуск 1995 года. Затем РГПУ им. А.И. Герцена, факультет физики.

Живет в Санкт-Петербурге.

Работает учителем, в настоящее время воспитывает дочь.

Любовь нечаянно нагрянет,

Когда ее почти не ждут...

Когда седыми вечерами

Под окнами дожди идут...

Когда включенный телевизор

Печально освещает дом,

Когда окурки словно ладан

Дымят и отгоняют сон...

Когда остывший чай в стакане

Напоминает нам коньяк,

Поскольку крепости не надо,

Ведь болью мы пьяны и так...

Когда от пыли дерзновенной

Не видно мудрых книги слов...

Любовь придет почти мгновенно –

Из Божьих непонятных снов.

Никто и не поймет, наверно,

Откуда этот тихий стук.

Откуда гость, откуда – ветер...

Откуда арфы тихий звук.

Но вдруг изменится погода,

И вдруг пойдут снега, а мне

Покажется, что это солнце

Сверкает где-то в вышине.

11.12.2004

Слышен тихий стук часов.

Тик-так.

Тик-так.

И никто не подойдет.

Вот так.

Вот так.

И никто не скажет просто –

Усни.

Усни.

Только время зря идет.

Умри.

Умри.

Я один среди толпы

Чужак,

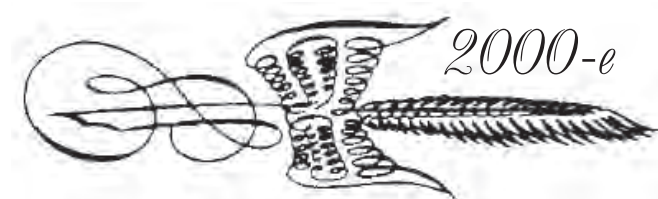
Чужак.

Времени живу назло

Вот так.

Тик-так.

1995

Барсукова Мария

Год выпуска 2009, класс «а» (физ-мат).

Прощальная молитва

Серые глаза, рассвет...
И причал намок от слёз;
Дождь, прощанье, белый след
За плывущим пароходом.
Ради Веры и Надежды
Любим, любим навсегда,
Это правда, друг мой, правда
Нам с тобой она нужна.

Чёрные глаза, темно...
Вместе вечно, решено
Тропики жара и нежный шепот
Сердца тихий детский ропот...
Южный крест на небесах
И молитва на устах.

Карие глаза, равнина
И натянута узда,
Скачки, страсть, охота...
Любим, любим навсегда!

Синие глаза и лунный свет
Сердце вновь моё трепещет.
Искренность моей души...
Звуки музыки слышны...
Вальс и долгое молчанье
И опять, опять прощанье.

Одинока, се ля ви.
Я люблю – здесь нет вины.
Многим я дала обет,
Дорог сердцу каждый цвет...
Песнь души и стук сердец,
И молитве той конец.
Память – разочарованье? Да,
Я люблю вас навсегда!

Желтая мелодия

Напоминая мотылька
На мост вползает экипаж,
И суетных прохожих антураж
Мелькает будто мелкая мошка.

Суда янтарным сеном полны
Уходят караваном вдаль,
И словно желтая из шелка шаль,
Тумана пелена скрывает волны.

Уставший желтый лист летит
В церковный сад, что Бог хранит,
И Темзы путеводная струна
Таинственна и холодна.

Горшнёва Юлия

Выпуск 2002 г., СПбГУ, живёт и работает в Москве.

Серебрянно-белым по черному...

Серебрянно-белым по черному,
Рукой, дрожащей неистово
Рисую то, что мне виделось
Во сне и казалось истинно.
Вкус моря, чуть острый от холода
Брызги, летящие весело
Бег волн, лениво-стремительный
Их смех, задорно-волнительный.
Реальность подрезала крылья
Мечте. И она разбилась.
Споткнувшись, упала с обрыва
Над морем поднялся туман.
Бумага шуршит испуганно,
Краски ложатся нехотя.
Уйду, растворившись в сумраке
Тумана-обмана серого.

чужое солнце...

Я в руках держу чужое солнце,
Жжет ладони, и они давно в крови,
Я не стою даже самой малой капли
Моря синего твоей любви.
Позабудь все то, что сам придумал
И прости за то, что я жива.
Сказка – это маленькой чудо,
Но не жди хорошего конца...

Михалина Элеонора

Выпуск 2009 года.

Ведь это я...

Как странно в Городе Дождей,
как странно ждать случайной встречи...
не белой ночью... в серый вечер
искать тебя... в толпе людей.

А дождь мне станет другом скоро...
дождлива осень... слава Богу.
я, знаешь, видно нездорова...
но ты не бойся. Так... немного...

простуда, верно... Осень все же!
желанный гость в нашей Столице...
она единственная может
дать Времени остановиться...

А Время в Питере другое...
по мостовым и переулкам
гуляет (словно мы с тобою) –
неспешно-вечная прогулка...

«с тобою» – сколько смысла... Боже!
Я, знаешь, все-таки любила...
И до сих пор? не знаю... может...
Понять себя уже не в силах...

Да и не надо! все ведь в прошлом...
И ты другой, и я – другая...
Еще немного и возможно
друг друга вовсе не узнаем.

.....

однажды ты лицо поднимешь
принять стихии поцелуи
а дождь окажется так ласков!
ведь это я тебя целую

Никогда...

Воздух прозрачен. Обманщица – белая ночь.
Мне не уснуть. Слышу шепот настенных часов.
Их бормотанье ничем мне не сможет помочь.
Ночью прозрачной и призрачной не вижу снов.

Мысли запутаны. Я растворяюсь в ночи.
Если б спросили, люблю ли я ночь... Да!
Беззвучно шепчу я часам: «Замолчи! Замолчи!»
Пусть утра не будет... Совсем... Никогда...
Никогда!

И станем осенью

А за окном как будто осень
оранжевым на голубом
Мы разрешения не спросим,
уйдем с дождями, а потом

потом осыплемся листвою
и разукрасим города
и станем воздухом с тобою...
Уйдем. Не спрашивай, куда.

ненужное

Вряд ли что-то понять по тебе и по мне
возможно. Ведь НИЧЕГО не случилось.
вопреки ожиданиям время не
остановилось.

И жизнь продолжается, жизнь идет,
и все совершенно как раньше.
За исключением одного –
мы дальше.

И, знаешь, ТАК будет. и будет легко.
И мы обо всем забудем.
сейчас равнодушны... и были всегда...
и будем.

наступит утро

Шелест платьев
предвкушенье
встретить миллионы взглядов
Улыбнуться
отраженью
смело.

Пригласить самой на танец
опьянеть от наслажденья
Раствориться
в маскараде
ради...

А потом наступит утро
не искрящимся бокалом
не красивой лживой маской
ролью
А истерзанным нарядом
и истерзанной душою
А потом наступит утро
Болью.

Лента Мебиуса. cover Кортасар

Взгляд к необъятному –
снегом осыплется,
скатится каплями,
будто слезами и
вдруг украдет меня,
и испарится, взяв
в небо с собою,
давая название
жизни.
и вечности.
этой зимою.

Ей смешно было быть дерзкой

Ее цвет был лимонно-яркий,
а глаза светло-голубые...
Называла себя бунтаркой
и не раз повторяла: «Вы и
ни за что не представите, что вы!
кто такая я, что за чудо...»
А глазами и смехом – снова
открывала себя... людям.

И смотреть ей мешала светлых
и волнистых волос грива...
с наглой хитростью еле заметной
блестели глаза игриво,

И на них спадал непослушный
«у себя на уме» локон...
Никогда не бывал скучным
вид из скучных общажных окон!

Ведь по небу – полно удивительных
зверей, неведанных ранее...
И туман ведь так подозрителен...
И за лесом, возможно, Нарния...

Ей смешно было быть дерзкой,
в своем смехе не знала равных,
и, конечно, любила Невский...
и забавного доброго парня.

Вместо скучных заумных книжек...
По ночам... читая Ремарка,
прижималась к подушке ближе.

Называла себя бунтаркой.

не Вы...

Непостижимо, не гаданно, но
я покидаю твое кино.
стоит нам снова навек попрощаться.
и дальше. а мне остается одно:
не Истины ради выпить вино.
или остаться.

Но это не выход, не выход, не вы...
Я покидаю театр Невы.
тебе – изготовить новый сценарий.
Я старый сожгу вместо палой листвы
и буду смотреть, как резвятся костры.
Не вспоминая.

Но холод.

Холодно.
Просто холодно.
Бледный не греет свет.
Хочется верить в Бога, но,
видимо, бога нет.
Кто-то бы рядом
И может быть
было бы чуть теплей.
Но холод.
забрался под кожу мне.
«Я не люблю людей».

наш февраль...

Нам нельзя быть вместе,
иначе – сойдем с ума.
Слишком больно и слишком
опасно, когда мы рядом.
А из Города нынешней
ночью ушла Зима.
Снегопадом.

А ты помнишь, как вдруг
все, чему нас учили – прочь,
и мы снова почувствуем
пульс первобытного племени!
А весна будто плачет,
и все уменьшает ночь...
слезы времени.

Нам забыть и не думать –
единственный выход... Ты
снова станешь актером,
февраль потеряется где-то.
А на улицах жарко, и
солнечно... до тошноты!
Видишь – лето.

Свечина Лизавета (Елизавета Андреева)

Стихи 2006-2008 гг.

Вечер. Иду в город. Как же шумно.

Огни, везде свет. Пожары витрин,
Пламя сигарет...
Что я ищу? Вопросы? Ответы?
А может я встречу судьбу на улице этой?
Гостиный, парк, фонтан, скамейка, тени свет...
Так много света...
Ночь. Мне кажется, что памятника нет...
Гуляешь, Петр?
Ну, как тебе твой город? Дороги, люди, магазины.
Жизнь мегаполиса, толпа, машины.
Глаза прикрыла... Почудилось... вот бред.
Идти? Куда... маршрут знаком...
Вот он, тот старый мертвый дом.
Как много лет, как много пыли...
О нем давно уже забыли.
Слепые окна, дверь забита.
У входа статуя разбита.
Как хорошо... теперь домой.
Я утром вспомню сон этот свой?

18.09.2006

Ты одинокий музыкант,
Идешь по улице витрин,
Твой друг и спутник – твой талант.
Сейчас зайдешь ты в магазин...
Вино, портвейн и пачка сигарет.
Забытые, сон и снова явь
Найдешь ты в пьяном ветре свой ответ.
Друзьям глоток вина оставь.
Их нет...
Все умерли лет сто назад,
По локону седых волос бежит слеза,
Другая, третья, а потом
Заснешь ты старым, долгим сном.

Прощай... и знай, что нет тебя
Для мира серого домов, машин, людей...
Ты жив лишь в музыке своей...
На веки... Навсегда.
Спи... и пускай идут года.

5.10.2006

Сладкий опиум тихим шепотом.

Жизнью вылечусь, горьким опытом,
В кровь ударами, веной колотой.
Царство сонное, вот он – мой покой.
Царство вечное, доза радости.
Не дожить нам с тобою до старости...
Глаза зеленые, а небо синее...
Солнышко... Спаси меня...

17.12.2006

А меня рвет на части.

И из крайности в крайность.
Я не знала, что счастье –
Допустимая случайность.
С недосказанной болью
Отдыхаться пытаюсь.
И лечить раны солью,
Чтобы сном не казалось.
Улыбаться сквозь слезы,
Потому что так надо.
Между голых берез я
Выпью сладкого яда.
На осколках надежды
Танцевать буду смело.
Может, после поймешь ты,
Что сказать я хотела.
Кровью руки умою,
Чтобы было теплее
Умирать бестелесно.
А пока солнце греет,

Над водою рассветы,
Под мостом тихо плачет
Сероглазая нерпа.
А над городом ветер
Злостно птиц направляет:
Белых чаек на север,
А ворон заставляет
На березах вить гнезда.
Чтобы мне улыбалось,
Но спасать меня поздно –
Я дышать перестала.

20.03.2007

Полая чашка, пепельный дым,
Новый nickname, потеряться хотим;
Обознаться желаем, смеясь и играя,
Сладким смешком тоску прикрывая.
Музыка сонно сознание вращает –
Ненавижу, люблю, лгу, обещаю.
Мысли – зря, так старят, знаешь...

12.04.2007

Прощайте.

Дверь закрою плавно и тихо.
Забывайте.
Если что, поминайте лихом.
Засчитайте
Мне победу над этой вечностью.
Заслоняйте
Глаза, болеют дикой беспечностью.
Задевайте
Острым словом и взглядом ласковым.
Застывайте,
Одурманившись чадом маковым.
Прощайте.

10.05.2007

Ночевала грусть-надежда на пороге,
Смятым комочком под ветренным сердцем,
Оставляя на окошке тень тревоги,
Беспричинно пытаюсь-стараясь согреться.
Заалело кровью на закате,
Белым мелом писано о смерти...
На деревьях письма оставляйте,
В то, что их прочтут, поверьте.
Не давайте шагу черной грусти.
Постараемся? Соломинку отпустим.

24.05.2007

Слышишь? Этот дождь по крыше

С целью разума лишить
На щеках посланье пишет –
То, чего не может быть.
Знаешь? Осенью разбудит
Ветер перемен и счастья.
Столько судеб у нас будет,
Сколько ликов у ненастья.
По дороге остро-скользкой
Ты иди неторопливо.
Небо в ночь роняет слезки...
За тобою... я ревнива.
Я дика, как кошка юга,
Бешена, как ветер мая.
Мы с тобою друг без друга
Дни ненужные считаем.
Летая по дождю и крыше,
Осенним духом сердце грея,
В висках твой голос снова слышу.
Пульс то сильнее, то слабее.
А дождь невозмутимо пляшет,
Влюбленный в ветер сентября.
Ангел шпиля жизнь расскажет,
И будет прожито не зря...

26.06.2007

Скорый поезд «Петербург 27»,
Устало гудят вагоны.
Ржавое сердце и сил нет совсем,
Печально ползут перроны.
Рельсы на солнце алым горят,
Бегают ток по шпалам.
Где-то в ночи о любви говорят,
Только таких очень мало.
Медленно скорый поезд идет,
Некуда здесь торопиться,
Кто-то оставит, кто-то найдет
Мимолетную долю смысла.
В тамбуре дым сигаретный парит,
Влажные стекла преют.
Счастье-загадка, счастье-магнит.
Здесь мы. Пока звезды тлеют.

18-19.07.2007

Вижу! За облаками что-то есть...
Такое что... Ни там, ни здесь.
Чувствую! Молочный путь
Приводит их куда-нибудь.
Тогда... Они зажгутся потому,
Что нужно вновь это тому,
Кто умеет писать...
На бумаге небесами!
За стеною голосами
Ночь спускается под крышу.
Тихо пусть, но я-то слышу.
Скажи! Скажи откровенно сейчас –
Чем они, одинокие, отличны от нас?
Звезды, звезды, звезды...
Падают? Нет! Летают.
Летайте! Вас считают...

15.08.2007

Голос простужен снова.
39, 40, держись.
Есть заветное слово –
Четыре звука, жизнь.
Есть такая программа –
Долго и счастливо жить.
С фотографии смотрит мама.
Если б могла ожить...
С той стороны экрана
Все по-другому, но
Крутится фонограмма
Твоего цветного кино.

14.09.2007

Здравствуйте, Господин хороший.
Ваш костюм, как всегда, ухожен.
Разрешите мне взять гитару,
Мне так проще ответить, право.
Знаете, Господин мой милый,
Я, наверно, совсем позабыла,
Я, возможно, не помнила вовсе,
Или дерзкая спутала осень
Мои карты и струны вместе, а вы
Так безумно, так ложно красивы...
И снова я не готова к бою,
Нежная детка бывает злою,
«Рыжее солнце» пылает жаром,
Я не даю обещаний даром.
Я помню зло, а добра не бывало
Я не измучена, просто устала.

17.10.2007

«И кажется, все уже сказано.
Зачем вам мои слова?
И сказка сто раз рассказана,
Принцесса сто лет мертва.

Ах, если кому и нужен
Рассказов старинных смысл,
Мой голос, увы, простужен,
А сам я, увы, простыл.

Садись же к огню скорее,
Случайный нахальный гость.
Тебе я вина не жалею,
А старой собаке – кость.

Поверь, нам немного осталось
Рассвета слепого ждать:
Терпения самую малость,
Немного науки мечтать.

Милейший, вы знаете? Честно,
Я сам в это верю порой...
Мне снится моя невеста,
Мне снится что я – герой.

Вам весело? Право, не надо!
Всерьез это все принимать.
Я очень и очень рада
Спектакль такой разыграть.

Неужто Вас, путник милый,
Настолько легко обмануть?
Ни капли не тратя силы,
Успешно. Попробуй взглянуть
В глаза горькой правде и смерти –
Твой Пан, очень жаль, пропал.
В объятия юной ведьмы
Ты, милый мой друг, попал.

Ты знаешь, погибель манила
Легко ко мне душу твою.
Но поздно – Луна затаила
Дыханье. А я смотрю...
Зеленые, яркие искры –
Глаза зеленее моих.
Но я забываю быстро,
И не было нас двоих.

Я – Дьявола дочь, мне чуждо
Все человечье, прости...
Все ложь! Возражать не нужно,
Грехи лишь мои отпусти...

Я – зла воплощение, в оковах
Летаю всю ночь на метле.
Смотрю на тебя... И снова...
Лю-бо-вь пробудилась во мне...

Я раз только в жизни любила,
За то поплатилась душой...
Я Господа Бога молила,
Но Дьявол пришел за мной.

Так видно начертано было.
Тебя я убить не смогу.
Молись за меня, любимый!
Я буду гореть в Аду..."

Все кончено. Ведьма убита.
Пылает в костре крестом
Любимый ее – инквизитор.
Прислал тебе это письмо.

08.01.08

Я люблю пылать раскаленным душем,
Меж закрытых век огоньки скрывая.
Прячу в саван запившую с горя душу,
Пью с рассветом четвертую чашку чая.

Под The Doors ворочается сон или стон.
Раздевается утро – блаженная нега.
Джимми Моррисон дышит со мной в унисон.
Злое небо плещется вчерашним снегом...

18.01.08

Время как будто бежит быстрее.

Люди как будто устали жить.
Ты как святая, ты словом греешь.
Дальше – даешь себе слово “быть”

Лица твои, точно маски, меняясь,
С каждой весною стареют на год.
Тонким запястьем запястья касаясь,
Ты угадаешь в минуту сто.

Сто поцелуев в висок и в щеку.
Думай о том, что влюбляться поздно,
Ты добавляешь заряда току,
Ты распускаешь заряды в воздух.

Не обессилеть, и воздуха хватит
Бегать по крышам в компании кошек.
Ты надеваешь синее платье.
Синее платье в белый горошек.

Синее небо, вода и глаза.
Тени природы на бледной коже.
Взгляд – королевская бирюза.
На королеву ты не похожа.

Ты разрешаешь себя любить,
Словно сама не мечтаешь о том же.
Ты запрещаешь себя жалеть,
Знаешь, и правда – никто не должен.

Каждую ночь, умирая беззвучно,
Утром ты снова готова к бою.
Ты говоришь – завтра будет лучше!
Будет конечно, ведь ты со мною...

Вновь забывая про грустные зимы,
Солнце разбудишь улыбкой ясной.
Носишь застенчиво запах малины,
Весенняя девочка. Девочка-сказка.

20.03.08

Севостьянов Алексей

Выпуск 2007 года.

Время свистнуло наши лица,
Подложило фотоальбомы.
В среду перевернёшь страницу –
Сразу станем мы все знакомы.

Утром мы обернёмся ветром,
Разнесёт нас к чертям и жёнам.
Повторишь забытое ретро,
Закричишь запоздалым стоном,

Встретишь сон под открытым небом,
Вспомнишь споры под ржавой крышей...
Поперхнёшься засохшим хлебом –
Догрызут остальное мыши.

Дым табачный в оконной раме
Говорил нам, что лгать опасно.
Превратится вдруг в стены храма
То, о чём опирались страстно,

То, чем жили за две отметки
Под хмельные аккорды песен.
Скажем: «были, как птицы, в клетке»,
Не заметив, что мир стал тесен.

Променяем любовь на свадьбы,
Окрестим молодое братом.
Чем-то крепче и младше стать бы,
Да окрасятся дни закатом.

Развернёшь неживые сферы,
Позабудешь стихи без смога,
Будешь вместо веков без веры
Вечно верную ждать с порога.

Птицы вещей – больной разлуки –
Выжги цветом с бумаги взгляды.
Вспомни мелом избиты руки
Да плесни по стаканам яда.

02.05.07

Все песни написаны, к счастью, до нас
Быллыми богами, упавшими в ночь.
От груза пропитанных краскою глаз,
От тяжести гнутых колец – прочь. Прочь... Прочь!!!
28.05.07

Прощай. Я напился тобой,
Моя мудрость.
Я налил тебя до краёв.
Я разлил свою кровь по тебе,
И я стал твоим братом,
Но ты никогда
Не была мне сестрой.
Прощай, безмятежность,
Ты покинешь меня
Завтра утром,
Но я
Не забуду тебя никогда.
Ты останешься шрамом на шее,
И случайный прохожий улыбнётся мне вслед
Или бросит в костёр.

Прощай, красота и свобода.
Ты показала мне правду,
И я научился лгать.
Ты предлагала постель
Каждый час,
И оттого я начал любить.

Прощай,
Я не могу
Вкусить тебя снова,
Но твои двери будут открыты
Всегда. Колокольным дождём
И зеркальными струями танца.

Прощай, я взял, что хотел,
И готов рассказать
Обо всём.
Все ждали тебя,
А я нашёл что-то
Внутри.
22.06.07

Соколова Надежда

Выпуск 2006 года.

Я хочу стать главным отзывом к твоей книге,
Иллюстрацией и оттиском печатного текста,
Я хочу растаять в прожитом не зря миге
И почувствовать всю важность не признанья, а жеста.

Я хочу стать отражением луны с неба,
Синим пламенем забытой на столе зажигалки.
Кто-то фильмов чёрно-белых подарил мне бы –
Я на красный бы промчалась с разноцветной мигалкой.

Мне б упасть последним листиком того лета,
Где так просто было всё и не хотелось прощаться,
А сейчас бы было легче и не знать, где ты,
Но я знаю, что ты там, где не могла я остаться.

Очень больно, и мне кажется, душа стынет.
Ты ведь правда же приедешь на её опознание?
А история болезни навсегда сгинет,
Только будет вечно жить она в твоём подсознание.

Я хочу залить из слёз дождём твои бредни,
Всё отдам, чтоб больше доводов нелепых не стало,
А у сердца от любви твоей доход средний...
Только кто же это меряет? Ни много, ни мало.

Может быть ведь даже так, что это лишь слово,
Но тогда уже не знаю я, за что мне держаться.
Было всё совсем не правильно, но так снова:
Всё же мог ты стать сильнее и прийти попрощаться.

август 2007

Душно в комнате. Дождь помешанный
В январе нагло в окна ломится.
А фонарь, на столбе повешенный,
Всё на солнце тихонько молится.

Завывают ветра осенние.
Хоть тепло, но всё больше холодно.
Где ты, снег, для души спасение?
Умирает земля, ей голодно.

Всё вода. Никуда не денешься.
Есть слова, да и те промокшие.
В календарь одним глазом – сверишься:
Всё ж январь... Словно тушь потёкшая.

Осень сдуру (она безмозглая)
Перепутала время выхода
И стоит во дворе, промозглая,
Но довольная глупым выпадом.

А под утро сидит печальная,
И зима хоть на час опомнится,
А потом снова грусть причальная –
То Неве. Мне другая, скромница.

Мрачно в городе. Нет электрика.
Он вкрутил бы хоть в небо лампочку.
Тут элизия. Строчка. Метрика...
– Мне три радости. Вот вам карточка.

22.01.08

Визуальный обман, запрещенные речи

Как мираж ускользает последнее утро
И твоё настроение скорее на плечи
Мне на плечи как плед, чтобы стало уютно
Разбросавшие строки не знали о главном:
Соберется все в нитку искусственной пряжи
И внизу в переходе воистину плавном
Зазвенят запряженные в ночь экипажи
Весь в листовках проспект. Даже если реклама,
То какое всем дело до их распродажи?
Если влево смотреть, то получится прямо
И к чему эти все этажи эпатажа?
Буквы вниз головой. Иероглифы пляшут
Или искры мелькают меж струек фонтана

С маяков чьи-то руки усиленно машут
Не печальтесь, и так в самом центре экрана!
Запах сумерек, смешанный с бардовской песней
И как будто на части раздроблены ноты
Но постой, не кричи, просто так интересней
Только все затряслись, понастроили доты.
Видишь старый портрет? Приглядишься и узнаешь
Как же так? Ну а как? Все, по-моему, честно
Неужели ты снова на картах гадаешь?
Ни к чему, но наверно ты прав: интересно.
Затемненные стекла не вставленных окон
Незаконченный стих под кроватью остался
Всё сплелось, закрутилось в придуманный кокон
Только ты промолчи, если даже боялся

22 июля 2007 г., ночь

Осень глухая встречает вокзалами,
Грусть циферблатная в сердце поселится.
Стрелками в душу, как будто кинжалами:
Час отправления уже не изменится.

Слёзы маршрут начинают прокладывать
Между мечтами и тусклой реальностью.
Что не сказал ты, придётся угадывать.
Снова вокзал поражает фатальностью.

Крик проводницы, вагоны ползущие...
Перед людьми мне не стыдно расплакаться,
Только я знаю, что мимо идущие
Сразу от слёз захотели бы спрятаться.

Сил не хватает те окна разглядывать –
Влево смотрю я, конечно, намеренно.
Сложно все мысли по полкам раскладывать,
Слёзы и те уже льются рассеянно.

Музыка громкая, чтобы избавиться,
Чтобы не слышать колёса стучащие.
Трудно дышать, но обязана справиться,
Как выживают от боли кричащие.

Что же ты делаешь, мысль случайная?
Всё, как всегда, только просится исповедь.
Как же теперь в эту осень вокзальную
Мне на ветру завывающем выстоять?

25.09.07

Открытки, пожелтевшие страницы,

Без почерка и пастой темно-синей.
И снова мне твой голос вдруг приснится,
Но только голос. Всё покроет иней.

Я знаю, что напрасно убиваюсь.
Всё без меня и так уже убито.
За то, что не спасла, теперь я каюсь,
Рыдая у разбитого корыта.

Быть может, мы местами поменялись,
Но сколько можно этой глупой платы?
Мы, вечно приближаясь, удалялись,
Давали сдачу, словно автоматы.

Я путаюсь в петициях, отказах.
(На чьем счету которых больше было?),
В наивной лжи, и в бешеных экстазах,
И в том, что я тогда ещё любила.

Люблю и здесь, и в этой жизни странной,
Любовью этой силу убивая,
Душа же стала маленькой, карманной
И стонет тихо, не переставая.

Я радуюсь спасительному солнцу,
Но прямо не смотрю: пред ним мне стыдно,
Что стала не значительней питомца
Для слез своих. До боли безобидна.

Но я пройду, ничуть не пошатнувшись,
Возьму бумагу с тонким слоем пыли
И напишу, над тем листом согнувшись,
Всё то, что сохранить с тобой забыли.

25 марта 2007 г.

Я иду по осеннему городу,
Впрочем, Питер осенний всегда,
Пусть для слёз не хватает мне повода,
Но без них над Невой никуда.

И обрывками веры, разбросанной
По словечку на каждой стене,
Увлекаюсь, и грустью обтесанной
Из кристаллов на мокром окне.

Тучи в небе отчетливо серые –
Петербургу такие идут.
Шрамы улиц болят застарелые,
Всё мечтая сменить свой маршрут.

Этот город холодными водами
Грязь смывает со всех берегов
И с людей, что любят сводами
Чьих-то бывших дворцов и домов.

Я не знаю, какими канонами
Он живет, но такими же – я,
Улыбается зданий фронтонами,
Наши слёзы внутри затая.

Он не больше, не меньше, не радостней –
Он такой, как и будет потом,
И не станет судьба его сладостней,
Вечно будучи острым углом.

Запыхавшись, устав от бессилия,
Зарываясь в площадную грусть,
Закрывает глаза на насилие,
Засыпает. Больной, ну и пусть.

Всё равно будет вечно простуженным
На меня с колоннады чихать
И своим настроением запруженным
Мне на душу тоску нагонять.

Но не стану я прятаться в яркости,
Если здесь мы живём и умрём,
То в душе у нас города радости,
И мы городу наши даём.

Родились сразу в сердце с обломками,
Реставрация – города друг.
Мы являлись кого-то потомками
И котомками Питера рук.

По мостам и по крышам стучащие
Ходят капли, а я засмеюсь.
Я нырну в эти воды журчащие,
А под утро кому-то приснюсь.

Тебя раздражает и присутствие моё и отсутствие,
Я снова болею этой осенью тоской убивающей,
Листва маяками и прощение даёт, и напутствие.
Бегу по асфальту, рядом ветер, те листы разрывающий.

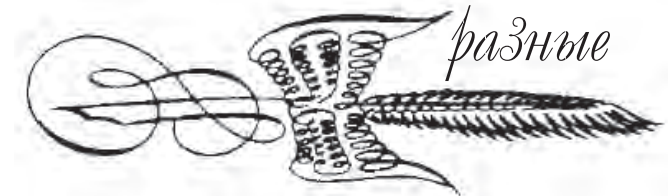
Рукой задеваю струны веток надо мной наклонённые,
И, падая сверху, ноты-капли пополам разбиваются.
И просят развязки путы мыслей, в голове заплетённые.
А чем им поможешь? Дни недели и часы забываются.

Бреду по аллеям, по расчерченному вкривь и вкось городу...
Задайся вопросом: может, зря всё это было затеяно?
И просто придумай ты название какому-то поведению!
Найди мне причину, почему всё это было потеряно!

Мне кажется ложью стук дождя по моему подоконнику.
Мне кажутся правдой только шорохи листвы догорающей
И очень возможно, что начну я доверять даже соннику,
Но что же мне делать с той надеждою, свой срок отживающей?

Я чувствую тонко, только разуму нужны доказательства,
Но самообманы он приветствует и в них же теряется.
А я как присяжный на судебном непростом разбирательстве,
Что фикция просто. Никогда всё до конца не решается.

октябрь 2007

Сорок пятый

Сохранил и передал для публикации Юрий Могилевер – выпуск
1965 г.

I часть

Восстание

*«Темницы рухнут, и свобода
Нас примет радостно у входа»*

Весь дом дрожал, фундамент сел. 1
Внизу тарелки разбивались.
И непрерывно гром гремел
И педагоги разбегались.

Что же случилось наконец?
Землетрясенье? Нет, куда там! 2
Вконец замученный, восстал
Бедняга житель интерната

Вот пулей «старшая» летит, 3
За ней Вадилов с автоматом.
У воспитательской – Попов
Взрывает двери перхлоратом.

«Долой директора!» – кричат 4
Развеселившиеся люди.
«Вперед! Дороги нет назад!
Свободу мы себе добудем!»

Отдельный штурмовой отряд 5
Укрепрайон создал в столовой
У стенки повара стоят,
Приказов ждут от власти новой.

Сидит, на стуле развалясь, 6
Начальник новый пищеблока –
Сам Завадовский. Он, как князь,
Кричит «Компоту мне и соку!»

Этаж четвертый. Интерьер: 7
Правительство тут заседает,
И Конституцию Премьер
Сэм Вигдергауз оглашает.

Однако, что за власть у нас? Министры наши – кто они? Пойдем, посмотрим мы сейчас, «Чем дышат» эти короли!	8	Недробова – министр культуры. Ведет с Премьером разговор О том, что надо драть три шкуры С тех, у кого в палатах сор.	17
Балкон министра обороны. Здесь заправляет Буренков. Кипит работа на балконе. Вкруг здания копают ров.	9	Щетинин – член Политбюро. На завтрак Гегеля читает, К обеду он берет Руссо. (Жаль только, ужин пропадает).	18
В подведомственном Управлении Клепаются воздушный флот. И на особом положенье Женбатальон он создает.	10	Всегда Щетинин даст ответ, Когда, где, на какой странице И что сказал авторитет О произвольной небылице.	19
Сей батальон к охране Ставки Готовит тщательно Олег. Издав приказ, чтоб им в «добавке» Отказа не было во век.	11	Идет министр здравоохраненья, Сама Наталья Осинец. Ее задача – при раненьях Людей замучивать вконец.	20
Вот иностранных дел министр У телефона – А. Макаров. Весьма солиден и речист, В министры выдвинут недаром.	12	Вот Неустроева Любовь – Зав. по вопросам просвещенья. С помощником Садовским В. Отгрохала постановление:	21
Сорокин – зам. по АХЧ. Идет, звенят ключи в кармане. И снизу тащат спирт уже, А вниз – завхоза на аркане.	13	«Т.к. в работе наших школ Имеют место беспорядки, Закреть все школы на 5 лет Для наведения порядка.»	22
Министр торговли Ивашов С крыльца диванами торгует. Продав четырнадцать столов И о кроватях уж толкует.	14	А здесь А.Н. Зайдем направо. Просторный светлый кабинет Дранишникова Вячеслава (Сейчас ушел он на обед)	23
Вот Резиденция министра Юстиции. Здесь сам Закон. Романов А. шуршит бумагой: Декрет о школе пишет он.	15	Он нынче ходит очень гордый. Его заслуга велика. Он доказал, что в самом деле Шестнадцать на два – тридцать два.	24
Отважный Алексеев В. Стоит в дверях библиотеки, (Он во главе НКВД) Просматривает картотеки.	16	В подвале слышны шум и пенье. Здесь аппарат в дымину пьян. Это Главспирта Управление, А дверь направо – ресторан.	25

Лежит в углу бутылок куча, 26
 В другом – Садельников Борис.
 Ворчит Борис: «...Не буду зам'ом.
 Давай под заявленье лист!»

Начальник, Николай Михайлов, 27
 Из-под стола кричит в ответ:
 «Не дам тебе я увольненья.
 Проспись, вот мой тебе совет.»

Лаборатория Главспирта: 28
 Кругом котлы, змеевики.
 Ведет настройку Игорь Конев –
 Таскает с сахаром мешки.

Идет работа полным ходом, 29
 Правительство дела ведет,
 А уж директор тайным кодом
 В окно сигналы подает...

II часть

Контрреволюция

«Смешались в кучу кони, люди...»

Подвал. Темно. Прохладно. Сыро. 30
 Здесь воспитатели сидят.
 Директор, Старшая с Ефимом...
 И прочих педагогов ряд.

Директор в центре, речь толкает 31
 О том, что делать им теперь.
 Десятый «Б» он проклинаят,
 Косясь на запертую дверь.

Шаги за дверью раздаются. 32
 Там Рябов ходит, часовой.
 За стенкой весело смеются:
 (В Главспирте пир идет горой.)

Вдруг в коридоре пьяный голос: 33
 «Валерка, черт, иди сюда!
 За революцию мы выпьем,
 Пока начальника нема.»

«А что ж они?» – «Да ну их к черту!» 34
 «Припри вон той доскою дверь.
 Не убегут и без охраны.
 Вот так сойдет. Пойдем теперь!»

Директор встал: «Пока бандиты 35
 Винище хлещут, мы должны
 Дверь выломать. У нас есть клещи.
 Нас не услышат – все пьяны.»

Ефим, пыхтя от напряженья, 36
 От двери доску оторвал.
 Удар! Еще одно движенье!
 Открылась дверь. Ефим сиял.

В лаборатории Главспирта 37
 Беспечно Рябов пировал,
 Когда от страшного удара
 Валерка Плисунов упал.

Обороняться до конца – 46
 Решенье принято Советом.
 Вниз побежали три гонца
 Людей оповестить об этом.

Вот раскололась тишина 47
 Моторов многих громким воем.
 Это милиция. Она.
 Посмотрим на ребят пред боем.

Закончив все дела, сидит 48
 Олег. Спокоен он и собран.
 Пред ним Антипова стоит,
 Министру рапортует бодро.

Дежурил он у телефона. 38
 Устал и малость задремал.
 Не слышал, как к нему директор
 По вестибюлю подползал.

Директор сразу к аппарату: 39
 «Ноль-два, милиция, скорей!»
 Повесил трубку. «Ну, ребята!
 Дождались мы хороших дней.»

Тревога! Армию Олег 40
 В порядке спешном собирает.
 Войска – семнадцать человек –
 Дубинами вооружает.

Отдельный женский батальон 41
 Перед балконом ДОТ возводит.
 Министра охраняет он.
 Тот – по балкону нервно ходит.

У Буренкова много дел: 42
 Снабжать войска, давать приказы.
 Женбатальон еще пристал:
 Подай им зеркало. Все сразу!

То председатель ВВС 43
 Заклепок требует три тыщи.
 Недробова щипит, как бес:
 «Культуры нет у вас, грязища!»

Правительство запросы шлет: 44
 Все ли готово к обороне?
 Ведь революции судьба
 Решается здесь, на балконе.

Охрана. Центр восстанья тут. 45
 Сидят министры. Заседанье.
 Дебаты острые идут.
 К народу пишутся воззвания.

«Товарищ маршал! Батальон 49
 К охране Ставки подготовлен.
 Неплохо закрепился он
 И дух бойцов его не сломлен.»

Попов подкладывает мину 50
 На правой стороне крыльца.
 Умаялся, рубаху скинул,
 Устало вытер пот с лица.

На этом запись обрывается.

Интернат – симпатичное слово:
 Слух ласкает оно и пленяет,
 Как я сяду за манную кашу,
 Это слово меня ободряет.
 Выпиваю холодный кофе,
 Собираюсь – портфель под мышку
 В школу надо не опоздать мне:
 Вот тогда будет полная крышка.
 Остальная «крышка» такая:
 Иностраннный и сочинение,
 И Людмила Петровна ругает:
 Записался, а не уехал.
 Интернат – симпатичное слово,
 Но не нравится мне его смысл:
 Слишком часто от нас в интернате
 Дым идет коромыслом.

Нецветаев Никита

На улице идет дождь –
 Ну ж что ж.
 На душе у меня грусть –
 Ну и пусть.
 В интернате на завтрак треска –
 Вот тоска.
 А биолог поставил банан –
 Хулиган

Нецветаев Никита

Ну, что поделать, я пишу,
 Об интернате расскажу.
 Пусть говорят,
 Что интернат –
 Казарма, а учитель – зверь.
 Все это от любви, поверь
 И пусть ругают интернат –
 Окончив школу, прилетят,
 Приедут вновь к родным стенам,
 Чтобы сказать спасибо вам,
 Врачам, учителям,
 И воспитателям.

Тренихина Света

Ночные тени бродят за окном,
Ночные тени шелестят листвою,
Ночные тени осенью глухой
Неслышно проникают людям в дом.
Ночные тени, приглушая шаг,
Крадутся по пустынным этажам,
И, подражая их ночным шагам,
Стучит будильник тики тик-и-так.
К чертям будильник, отруби его.
Ночные тени шумом не пугай
Закутайся и сладко засыпай
Под колыбельную ночных шагов.
Забудь про двойки и пустой живот,
Тебе приснится ночью дом родной,
Ты пролетишь на крыльях над землей,
Припомнив мамин яблочный компот.

Ласаков М.

В глубинах зданий ФМШ

Храните гордое терпенье
И собирайте не спеша,
Как пенки сладкого варенья,
Биномы с Це из эн по ка
И самые разные уравнения.

Панин Иван

Гайавата идет в интернат

Гайавата жил привольно,
После школы он обычно
Уходил гулять на скверик
С книжкой умною под мышкой,
И читал про интегралы
А на завтра день учебный.
Ничего не приготовив,
В школу мчится Гайавата
И пятерки получает
Он в количествах несметных
Свыкся с жизнью такою
Наш герой, о Гайавата.

Но проходит год учебный,
Он устал от легкой жизни.
Но услышал Гайавата
От товарища-студента,
Что, мол, есть такая школа:
ФМШ она зовется.
И берут туда не просто,
А с экзаменов тяжелых,
И не всяким удается
Поступить в такую школу.
Кровь взыграла в Гайавате.
Он решил сдавать экзамен.
Где же наш о Гайавата?
Он сидит над трудной книгой
И готовится. Ведь скоро
Уж экзамен наступает.
Вот является по сроку
Гайавата на экзамен.
Видит он мужей мудрейших
Возраста, как он такого,
Поступающих в спецшколу
Трудный, трудный был экзамен.
Гайавата лоб нахмурил,
Чертит что-то на бумаге.
Сдали все мужи экзамен,
Вместе с ними Гайавата,
Поступили в физматшколу!
Год прошел, что ж Гайавата?
Не гуляет он на сквере,
Интернат – не то, что было.
Там учиться надо много,
Чтобы не схватить две пары
На одном уроке сразу.
И ребята там, что надо,
Много знают, дружбе верны.
Интегралы им не страшны.
подавай им топологию.

Соломяк Борис

Как учить уроки в интернате

В палате
на кровати
лежу,
В потолок,
уча урок,
гляжу.
Вижу мух,
слышу стук,
учу.
Шорох мышки,
шелест книжки...
молчу.
Вот пришли
сачки
сюда.
Уши заткнув,
смотрю
в никуда.
Не помогает:
шум слышен
и так...
Гантеля летит...
прыг...
звяк...
Из палаты
в чемоданку
бегом...
Чемоданы
летают
кругом...
Можно ли
мне выучить
урок.
Учителя,
скажите,
в срок?
Зачем же
столько взваливать
на нас,
Поскольку дел хватает
и без вас?

Баранцев А.

Бокал за интернат

Интернат мой, Альма матер,
Как ты мне осточертел,
И уроков мой фарватер
Мне до черта надоел.
Но с таким мыслью аккордом
Не могу никак понять,
Почему на все комфорты
Мне тебя не променять.
Интернет мой, Альма матер,
Как ты мне поднадоел,
Но при этом ты – экватор
Моих мыслей, моих дел.

Опарина

Зарисовки из интерната

Я тебя проинтегрирую
По переменному зэт,
Вектор зафиксирую,
Как старик Эрстед.

В интернате тихо,
Свет давно потух.
И лишь читает лихо
Кто-то Блока вслух.
Слышан скрип паркета,
(Что за интернат?)
С поступью корнета
В тапках, наугад
Вдруг в столовой (с неба?)
Дух святой
В баках шарит хлеба
В час ночной.

Шутка

Полюбил он кроликов,
Белых великанов.
Целую неделю
Не учил алканов.
Думает он, думает,
Что может быть сложней:
Он пленен сиянием
Беленьких ушей.
Что же тут поделаешь?
Любит он глаза,
Те, что в «Незнакомке»
Блок нам описал.

9-Д 1976 г.

Над озерами синими плывут облака
Их ресницами длинными обступила тайга,
Голубое безмолвие над лесами стоит,
А над скалами серыми птица парит.

Кытманова Вера

В тот миг, когда увидела тебя впервые,
Вдруг стало все вокруг светлей:
Старушки показались молодыми,
Запели птицы веселей,
И мир вдруг тесен стал и непонятен,
Душа рвалась куда-то в вышину.
Я поняла, что жизнь так необъятна,
Я научилась слушать тишину.

Анхимова Марина

Осенняя береза

Я люблю осенние березы
И этот шелест увядающей листвы,
Холодные осенние их слезы,
Их белые и стройные стволы.
Нет больше мягкой зелени их летней
Нет радости о жарких, ясных днях
И только грусти той неясной, безответной
Насыпано на листьях и стволах.
Пусть осень или бабье лето,
Зачем грустить? Опять придет весна,
И снова будут зеленую одеты
Осенние березы у окна.

Рогозкина Лена

Интернат

Небо в сентябре серое совсем,
И часты туманы над рекой.
Далеко в лесах, далеко совсем
Ты остался, город мой.
У меня теперь новая судьба,
От тебя оторвана она.
Ты прости, но я все-таки права,
Что решила так сама.

Фонарик шарит осторожно по палате,
«Войну и мир» пытаюсь тщетно отыскать
Уже двенадцать, ночь настала в интернате,
Но не из тех мы, кто способен долго спать.

Минуты ценные от сна отнять не жалко,
Чтоб почитать и поучить в кругу коллег,
И тот, кто посидел раз в чемоданке,
Тот будет дружбой связан с ней навек.

Сон бледнеет на рассвете

Как холодным зимним утром
Поджимается над Невкой
Шар огнистый из-за туч

Так и солнышко-дежурный
Двери распахнет без стука,
И увидит вновь несчастный
От плафона яркий луч .
Вот, безропотно вставая,
Разевая рот широко,
Ловит он себя на мысли
Что вползает в сердце грусть;
И в предчувствии дурного
Мысля узко, однобоко,
Разрешает он проблему
Отсидеть или мотнуть...
Предположим он решился;
Покидал единым духом
Он в истерзанную папку
И линейку, и конспект,
И, окинув невеселым
Взором комнату родную,
Он побрел в учебный корпус,
В область радостей и бед.

Математика и физика...

В эту школу привлекла
Всех нас, будущих мыслителей,
Эта трудная страна ,
Гомотетия, дизъюнкция,
Теорема Остроградского:
Много знаний вложит в нас
Эта школа ленинградская.

Память

И снова зима запорошила поле,
Богатым узором украсила окна,
Нелегкая все же досталась вам доля,
За это вас все еще любят и помнят.
Зиме удалось запорошить могилы.
Зиме удалось запорошить тропинки.
Но звезды солдатские, словно рубины,
Сияют в предутренней пасмурной дымке.

Все было у вас: и любовь, и удача.
Все было у вас: и беда, и тоска.
Сейчас же старушки печальные, плача,
Идут вспоминать молодого сынка.
Они же одни, ты взглядишь, по дороге
Широкой-широкой, большой-пребольшой
Идут молодые и крепкие ноги,
Идут, чтоб почтить ваш священный покой
И за руки взявшись у братской могилы
Клянутся все жизни своей не жалеть,
Чтоб пусть не имели отдельной бы виллы,
Но каждый бы смог и учиться, и петь.
Клянутся, чтобы не было больше фашизма,
Клянутся, чтоб не было больше войны.
Ведь вы, как и все, были тоже для жизни,
Совсем не для смерти тогда рождены.
Но, жизнью рискуя, фашистов громили
И, жизнь не щадя, амбразуры закрыли,
Вы счастье свое всей земле раздали,
И даже потомков своих не забыли.
И там, где когда-то ребенка прикрыли,
Где, жизнь так любя, вы бросались под танки,
Там в память вашу, сыны России,
Цветы на могилу кладет псковитянка.

Павлова С. 10-6 1970 г.

С этого года осенью,

Меня занесло в Ленинград
Не знаю, какими мотивами,
Но я был несказанно рад,
Весь вечер бродил я по Невскому,
Гулял, отдыхал и смотрел.
Величье описать его некому...
Тем более мне, я молчу.

На другой день вечером,
Приехал я в 45 школу,
Но в голову, освещенную городом,
Не лезла научная мысль...

Баранов А.

Я была в твоём городе,
Но к тебе не зашла.
Отыскала я улицу,
Но к тебе не зашла...
Я была в твоём городе,
И встречала рассвет,
С братом на подоконнике,
Глядя ночи вослед.
Я жила в твоём мире,
Но к тебе не зашла,
Слишком много бы радости
Встреча нам принесла.

Писать мне нужно о прекрасном,
Черт знает, что такое это.
Мне на обеде интернатском
Прекрасной кажется котлета.
Прекрасно очень, коль удастся
Вторую порцию стащить.
Прекрасно в праздник отоспаться,
Прекрасно в школу не ходить.
Примеров много интересных;
Прекрасен даже унитаз
(при обстоятельствах известных),
Прекрасен в жажду хлебный квас.
Навоз прекрасен: он полезный,
Прекрасно по лесу бродить,
И фильм прекрасен интересный...
Всего прекрасней просто жить.
Бывает, люди утверждают,
Притом, неглупые совсем,
Прекрасно только то бывает,
Полезно что. Но вместе с тем
Они зовут букетик скромный
Нарциссов (несколько цветков)
Прекрасным, веник же огромный –
Он не заслужит нежных слов.

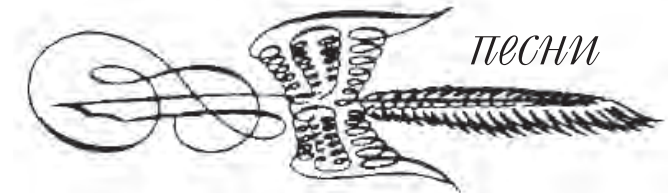
Глаза огромные прекрасны:
Согласен. Только почему?
Здесь споры долгие напрасны:
Они прекрасны одному.
За то, что много можно видеть,
Но если юноша влюблен
В больших глазах своей любимой
Лишь свет и счастье видит он.
Прекрасны химику кислоты,
Червяк биологу милей
Любил я раньше антрекоты,
Теперь с меня довольно шей.
Картины многие прекрасны,
Что будят лучшее во мне.
Но есть настолько безобразны,
Что хочется порвать их все.
Хотя кричат, что, мол, искусство.
Что все красивое старо.
А на картине все же пусто,
Хоть красок вылиты ведро.
Ну, а любовь? Она прекрасна?
Хоть ей определенья нет,
Ответьте все же. Не напрасно
О ней писали столько лет.
Писали, да. Но вы забыли:
Любовь лишь там, где сердце стук.
С Петrarкой фразера сравнили
с гитарой и толпой подруг.
Любовь прекрасна несомненно,
Но только с буквы прописной,
Хоть сексуально ты безмерно
Счастлив в компании блатной.
Прекрасно то, что вызывает
Лишь чувства лучшие во мне,
Прекрасно то, что помогает
Стать выше, чище и добрей.
Ваш идеал прекрасен тоже,
Коль вы не циник и подлец.
Да, черт возьми. Средь вас быть может,
Прекрасен кто-то наконец.

Да что писать? Вы все поймете,
Вступив на жизненный маршрут.
Прекрасное вы разберете,
Поймете, как прекрасен труд,
Поймете: человек прекрасен
Прекрасны небо и земля.
Мой стих, надеюсь, не напрасен,
Так не судите же меня.

8-а выпуск 1972 г.

Прорвавшись сквозь заслон жены и деканата,
В осенний этот день стремлюсь под крышу интерната,
Чтоб здесь пройти вдоль классов старых
Послушать, посмотреть на школяров усталых,
И встретить здесь осколок детства своего.

В Деревню Новую дорога дальняя.
Опять казенный дом передо мной.
Сегодня важное для нас свидание,
С тобою, Школа, Школа – интернат родной.

Не думай о раскопе свысока.
Минуты сна проносятся последние,
Нас снова будят в пять часов утра
А хочется поспать еще мгновение.

И чей-то голос мерзкий: «На раскоп» –
Кричит; и звон лопат вблизи разносится.
И сразу понимаешь, что твой долг –
Носилки взять и на работу броситься.

Земля плотна, и нам ее копать
Совсем не в кайф во время зноя летнего.
А кончим – надо новый братъ квадрат
От первого штыка и до последнего.

Нимфей, 1995 г.

ВСЕМ

(На мелодию «Все пройдет» М. Боярского)

Милый дом стоит на Савушкина.
Срок прошел огромный.
Как жилось нам четверть века назад
Мы сегодня вспомним.

Вспомним все, что волновало тогда –
Страхи и победы.
Никогда нам не забыть
Радости и беды.

Припев:
Годы врозь, лишь три года вместе.
Почему помним их всегда?
И поем снова дружно песню,
Пусть уйдет жизни суета.

Интернат нас научил выживать,
И дружить на годы,
И работу ровно в срок выполнять,
И делить невзгоды.

Миг ловить, да и стихи написать
Вместе мы учились.
И хотим мы пожелать,
Чтоб мечты все сбылись.

Людмила Ефимова (Князева)

Весь покрытый тайною, абсолютно весь,
45-й интернат в Ленинграде есть.
45-й интернат в Ленинграде есть,
Весь покрытый тайною, абсолютно весь.

Там живут лобастые дети-дикари,
С севера и с запада съехались они.
С севера и с запада съехались они,
Там живут лобастые дети-дикари.

Что они ни делают – всюду им отказ –
С них ведь воспитатели не спускают глаз.
Злые воспитатели не спускают глаз –
Что они ни делают – всюду им отказ.

Не ходи в театр ты, не ходи в кино,
Вечером на улицу ход один – в окно.
Вечером на улицу ход один – в окно,
Не ходи в театр ты, не ходи в кино.

Вроде не бездарности и могли бы жить –
Им бы воспитателей взять и отменить.
Им бы воспитателей взять и отменить –
Вроде не бездарности и могли бы жить.

Но ведь воспитатели строги и сильны,
И не скоро справятся с ними дикари.
И не скоро справятся с ними дикари,
Так как воспитатели строги и сильны.

Так что беспокойные в школе дни идут:
Слух прошёл, что в Петергоф всех переведут.
Слух прошёл, что в Петергоф всех переведут,
Так что беспокойные в школе дни идут.

Весь покрытый тайною, абсолютно весь,
45-й интернат в Петергофе есть.
45-й интернат в Петергофе есть,
Весь покрытый тайною, абсолютно весь.

Последний день, последний день, последний дождь

Сквозь эти окна улыбнётся вам из сада,
И смотрят мокрые кирпичные фасады
На ту дорогу, по которой ты уйдёшь.

Ещё экзамены, но класс уже не тот,
И ты немного поревнуешь, если честно,
К тому, кто сядет на твоё два года место,
В твою палату, как к себе домой, войдёт.

И струны тронув, задрожит твоя рука,
И сквозь улыбки зазвучат они минором,
Но нам идти ещё по гулким коридорам
Сквозь одинокий звук последнего звонка.

Последний день, последний день, последний час...
Вдруг не по-детски посерьёзневшие лица.
Уходит он, чтоб никогда не повториться,
Чтоб никогда не возвратить в сегодня нас.

Юлия Хайрутдинова

Колыбельная Интернату

Стоит над Петергофом тишина,
Опять дожди заладили стаккато.
Ты видишь, засыпает наша шумная страна
И гаснут, гаснут окна интерната.

Качаются под ветром фонари,
Поскрипывают двери тёмных классов,
Уставшие учебники забыты до зари
И в царстве ночи мирно и прекрасно.

И мысли о давно минувших днях
Таятся в снах за партами уснувших.
И это не опишешь, не расскажешь в двух словах,
Куда зовут измученные души.

А сны уносят нас за горизонт
И снова собирают нас в дорогу.
И поезд самый скорый, самый быстрый самолёт
Спешат, спешат к родимому порогу.

Повторение 1 куплета.
Мы так давно, мы так давно не отдыхали,
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пару классов в интернате пропахали,
А завтра, наконец-то, выпускной.

Припев:
Еще немного, еще чуть-чуть...
Последний экзамен – он трудный самый,
А я уехать домой хочу.
Я так давно не видел мамы.

Второй уж год нам нет жигтя от педагогов.
Второй уж год соленый пот и кровь рекой.
А мне бы денег на обратную дорогу,
А мне б до мяса дотронуться рукой.

Припев:
В последний раз мы будем есть вот эту кашу,
В последний раз мы будем завтра танцевать,
В последний раз нам будет здесь совсем не страшно,
В последний раз тебя я буду целовать!

Решетников Виктор

(на мотив песни «Погоня» из к/ф «Неуловимые мстители»)

Усталость забыта – октябрь на дворе
Вновь сердце открыто
Друзьям и тебе.
О, юность святая, родной интернат.
Мы знаем, мы знаем, мы знаем –
Нет встрече преград!

Идут год за годом,
Но память живет
Уроки, походы,
Театр и сампод.

О, юность святая, родной интернат.
Мы знаем, мы знаем, мы знаем –
Нет встрече преград!

Три года всего-то
И тридцать потом.
Но стал ты оплотом
Нам в жизни, наш дом.
О, юность святая, родной интернат.
Мы знаем, мы знаем, мы знаем –
Нет встрече преград!

Людмила Ефимова (Князева)

Благодать была в былые времена –
Нет ни знаменателей, ни дробей!
А теперь, вот это да. А теперь, вот это да
Полиномы в степени возводим.

Физик наш на кафедре восходит
В супермодных мокасынах, В супермодном пиджаке.
Разжует и в рот положит, алгебру, пожалте тоже
Мелом начирикать на доске.

Наш биолог – дядька ничего.
Учит нас, где дорзум, где вентралище (латынь не знаю)
Целую коробку черепов приволок,
Благо рядом Серафимо кладбище.

Который раз уж интернат
Весенней музыкой объят
И видит, как десятый «Д» с ним растается.
Но ты не верь своим глазам,
Ты через год увидишь сам,
Что навсегда он в этой школе остается.

Приди сюда – и ты увидишь наш подшефный класс.
И все равно он чем-то будет так похож на нас...
И этот лучший год из детства
Мы оставляем вам в наследство.

Пусть нас ругали иногда,
Но это, право, не беда –
Ведь наши шалости порой неповторимы.
Биологи стремятся в лес,
А химик в колбочку залез,
Но все же мы на эти части неделимы.

Живите в дружбе, как и мы, но будьте лучше нас!
И чтобы яростный задор в глазах у вас не гас!
Пусть это год ваш будет ярок!
А эта песня – вам в подарок.

Вас. Островский

Родился в 1949 году. В 1966 году окончил Спецшколу-интернат №45 при ЛГУ. Путь Вас. Островского в поэзию был долгим. До середины 90-х годов из-под его пера не вышло и пары зарифмованных строк, столь высокой была его требовательность к своему творчеству. Во всяком случае, его дипломная работа «Нестационарная обратная задача теории рассеяния от слоисто-неоднородного полупространства», диссертация «Расчет квазистационарного электромагнитного поля в системе электродинамической левитации», и все другие работы этого периода, были написаны прозой.

Поэтическим дебютом Вас. Островского считается двустишие, с которым он выступил на круглом столе политологической ассоциации «Россия – европейский путь»:

Отчизна ищет рифму на «Европа»
И невдомек спросить у Бутенопа.

Уже здесь проявилось такое качество поэзии Вас. Островского как переключки с классикой, стремление опереться на прочный фундамент русской и мировой литературы.

Новым толчком к поэзии стало для Вас. Островского знакомство с письменными работами школьников. Автора одной из них начинающий, хоть уже и не молодой, поэт напутствовал в жизнь такими стихами:

Чтобы абсциссу математик через «ы» писал?!
Ну, это уж, простите, форменный скандал.
Так это странно, удивительно и ново,
Как если бы ветеринар писал «карова».
К тому же, бедная сия координата
Была на самом деле ординатой.
Такое – точно не за-бу-дет-ся!
(Как если бы корову он назвал «авца»).

В 2000 году Вас. Островский принял участие в Открытом конкурсе текстов Государственного Гимна На Музыку Композитора Александрова, но попал под амнистию. С 2003 года Вас. Островский печатается в сборнике «Эхо», как под своим именем, так и под псевдонимом, раскрытие которого предоставляется читателю в качестве самостоятельного упражнения.

1. ДРАЗНИЛКИ

КТО ВИНОВАТ?

Тот садик, какому Вы прочили цвель
(Мол, люди такие в Отечестве есть),
 Зачах. Тошно в нем и уныло.
Отцам не посмею упрек произнеть,
Но матом покрою Ум, Совесть и Честь
И все это кодро, которое есть...
 Но трижды – которое было.

Когда прозрачно и светло
Ночное небо, над Невою
Гуляки классику назло
Кочуют праздную толпою.
Опершись ж-й на гранит
(Как описал себя пиит),
Я сам придумал головою
Сей пиитический кульбит
С перенесенной запятою.

ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ

Сквозь волнистые туманы
Хоры стройные светил
На просторы океана
Выплывают без ветрил.
И стугась в дыму кальяна
У жемчужного фонтана
Облаков неумолимых
волокнистые стада
На печальные поляны
Тень бросают иногда.
На другом же океане
Остров есть – сплошной гранит.
Там (в частушке иль в романе?)
Император был зарыт.

А на третьем океане
Возле Огненной Земли
Спят в сиреневом тумане
Отставные корабли.
И ВОТ ТАМ, У ОКЕАНА
На банановом песке
Автор ласково и рьяно
Напевает Ей в тоске:
Дескать, облачные пятна
Набегают на зарю;
Даже ежику понятно
То, что в песне говорю!
Вдруг от авторского крика
Свой желтеющий листок
Ель на Севере на диком
Уронила на песок;
А из мест, где чуждый тени
Вечно моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Фараоновых могил,
Где цепной котяра бродит,
Сквозь усы бурча сонет,
Баобаб, скосясь, наводит
На нее двойной лорнет.
И соседу: «Что-то я не
Образумлюсь, виноват,
Там на севере в тумане
Что такое видно, брат?».
– Вижу, горные вершины
Чутко спят во тьме ночной;
Вижу, тихие долины
Пропитались свежей мглой...
– Кто ж прохладу навевает?
– Это Елка нам кивает
И от северных снегов
Ветер гонит – будь здоров!
Вот он по морю гуляет
И кораблик подгоняет.

Тот бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо Малого, Большого
(Петроградской), Биржевого;
Пушка с острова палит...
- Кораблю пристать велит?
Нет, у них от шпиля тень
Наползает на плетень,
И сигналил остров тот,
Что двенадцать настает.
Глянь и ты на свой брегет:
Не пора ли на обед?

.....
И такая дребедень
(Как тут было не напиться!)
Происходит каждый день.
Хоть бы в «Справку» дозвониться:
В Магадане или в Ницце я?
Дайте «Желтые страницы»,
Будь неладна, эрудиция!

РИФМУЯ БОРИСА ПАРАМОНОВА...

Теперь поэт в России – только лишь поэт,
Ведь пипифакс давно не в дефиците,
Но в *почвенный* любой наведайтесь клозет,
О веке золотом порасспросите.

2. ВСЕРЬЕЗ

Я с детства презирал овал
И сразу эллипс рисовал,
Поскольку он – фигура благородная,
Все непрерывные имеет производные.
Отбросив чертежи и построения,
Пиши, подруга, лучше уравнение:
«х» разделя на «а», все возведи в квадрат –
Слагаемое первое готово.

Второе я тотчас представить рад,
Оно для нас отнюдь уже не ново:
«х» замени на «у», «а» – на «b» –
Ошую сумма явится тебе.
Ей было бы нелепо и смешно
Без правой части одиноко громоздиться,
А потому пиши теперь «=»
И одесную – «1».
Здесь *a* и *b*, понятно, – полуоси,
А *x* и *y*, если кто-то спросит,
То это точкины – так отвечать должна ты –
Декартовы (Рене) координаты
Вот эллипс. Все, что можно знать о нем,
Мы в уравнении, конечно, обретем.

Остановись, мгновенье, ты прекрасно!..
Над этим бьется сексология напрасно.

Вновь осень, ступив на порог,
Подводит чему-то итог.
Равняет любовь и вино,
День с ночью, кошмар с благоденствием...
Не спутать бы с дверью окно
В осеннее равноденствие!

Будущая грусть

*М.Я.,
соседу на Парнасе*

Вот пришло долгожданное лето!
Скоро тополь раскинет свой пух.
В сентябре что ты вспомнишь про это?
Как стоял в одуванчиках где-то,
Первым солнышком нежно согретый,
И мочился на свежий лопух.

20 июня 2008 г.

ПЕЧАЛЬНОЕ/ПЕДАЛЬНОЕ

Солнце весело в спицах играет,
Ветер треплет пробор на груди,
На дороге чего не бывает...
Но едва ли не все – позади.
Унеслись за плечо повороты,
Пыль, ухабы, асфальт, как стекло.
Но ты ждешь по привычке чего-то,
Что, быть может, еще не прошло.
Впереди уж немного осталось...
В круглом зеркальце – самую малость –
Промелькнет, что проехал в начале...
И бездонная яма в финале.
Но другого пути не бывает:
Выбор скромный: не хочешь – не ешь.
Ветер в спицах гудит, завывает,
Солнце греет остывшую плешь.

холодная весна 2008

Воронович Надежда Сергеевна

Родилась в 1946 году.

В 1968 году окончила химфак ЛГУ, а в 1975 – аспирантуру.

В 1977 родилась дочка, в 2002 году – внук, в 2005 году – внучка.

Работает в спецколле № 45 (АГ СПбГУ) в периоды с 1970 по 1973 гг., с 1976 по 1981 гг., с 1986 года по настоящее время.

Заклинание Ромео

Ты укрой меня от мира
тёмно-рыжей ночью кос,
аромат твоих волос –
аромат медвяных рос,
колдовство лукавой силы, –
ну, укрой меня от мира
волшебством твоих волос.

Прикоснись ко лбу ладонью –
преврати в мерцанье звёзд,
в блеск ручья и шум берёз,
в гулкий смех весенних гроз, –
прикоснись ко лбу ладонью,
зачаруй меня любовью,
одурмань дурманом грёз.

Не оставь меня на муку,
никогда не уходи,
чтобы холодом в груди
не селилась злая скука, –
не предай меня на муку,
никогда не уходи.

Звёздной радостью желанья
мне на ласку отзовись,
на плечо моё склонись,
не пугайся, не стыдись, –
я любимых глаз сиянье
потушу волной желанья...

1970

На смерть Дашеньки-Дафны

Как страшно дорогое потерять,
И мы горюем, надрывая сердце,
И слёзы льём о тех, кто нас покинул,
А больше о себе, осиротевших.

Погибла несравненная Собака,
Таких на свете не было и нет;
Уже не ткнётся влажным носом в руку
И не лизнёт шершавым язычком.

Охотится в заоблачных угодьях
Великого Отца моя Собака;
Она возьмёт богатую добычу,
Но нам её уже не принесёт.

Но если правда, что получит каждый
По вере искренней своей,
Хочу поверить,
Что срок придёт, душа освободится
И попадёт в дремучие леса,
Туда, где дух Собаки обитает.

И будет мне позволено, как милость,
Вигвам построить и пойти, и звать, –
И прибежит ко мне моя Собака,
И будем неразлучны навсегда.

Не насмотришься, не надышишься,

И от нежности сердце сжимается;
Ни к чему жалеть о несбывшемся,
Если внуки нам улыбаются.
Ни ты, ни я не виноваты,
Что дар судьбы не сберегли,
Что в жизни, встречами богатой,
Одной – продолжить не смогли.
И годы мчались, пролетали по
перекресткам суеты,
А мы с тобой не понимали,
Как виноваты я и ты.

1998

Земную жизнь пройдя до половины
И не утратив правого пути,
Вы всё-таки отвергли мир долины
И предпочли в дремучий лес войти.

Что – муки ада и сюрпризы рая!
– В лесу проблем и хищников хватает,
Какому Данте это описать;
Но Вы идёте, раздвигая ветки,
И пусть в награду солнца лучик редкий
Поможет Вам тропинку отыскать.

Трудами многих столько лет

С любовью школа создавалась,
И были радости побед...
А время шло, и жизнь менялась;
Хватило и потерь, и бед,
Но память добрая осталась.

Желаем Вам руководить
Рукою бережной и твердой,
Живую память сохранить,
Соединяющую годы,
И славу школы возродить,
И череду традиций гордых.

Храни Вас Бог от суеты и тщеты,

От подлости людской и злых наветов;
Пускай удача будет Вам верна,
Душа спокойна и деянья правы;
И чаша жизни до краёв полна, –
Без капли дёгтя, злобы и отравы.

Родители... любимые, родные,

Простите всё, что вам не додала,
Что не всегда внимательна была,
Удручена заботами иными.

И мне бывало тяжело и плохо,
И уносил здоровье каждый год;
Простите мне, что жизни суматоха
Затягивала в свой круговорот.
Прощенье не смягчает боль потерь,
Но мир даёт; и свой закат встречая,
За всё заблаговременно прощаю
Своих больших и маленьких детей.

Творец! За всё Тебя благодарю:

За то, что дал мне маленькую ножку,
За то, что я люблю не понарошку,
За то, что я с улыбкою смотрю
На мелкие гримасы бытия,
За то, что моде неподвластна я.

Ушедшим раньше нас

Не верю, что исчезнет навсегда
Душа, чьи струны в жизни так звучали;
Кто знает, может наше *никогда*
Граничит с воскресеньем и началом,
А память об ушедших – это нить,
Протянутая бережно сквозь вечность,
И знак, что им нас тоже не забыть,
И что они узнают нас при встрече.

Карцова Анна Алексеевна

Закончила химический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ, ныне – СПбГУ) и больше с ним не расставалась. Доктор химических наук, профессор кафедры органической химии СПбГУ. Общее число публикаций 330, из них учебных пособий и учебников 25. Куратор химического отделения 45-го интерната (Академической гимназии СПбГУ). Заслуженный учитель России, учитель года.

Анна Алексеевна, по ее признанию, больше всего дорожит титулом «Учитель химии интерната».

Преподавать химию в интернате начала еще в аспирантуре: дирекция химического факультета просила «на два месяца закрыть дырку в интернате». «Два месяца» продолжают до сих пор, и эта обреченность устраивает заслуженного учителя.

«Все-таки очень несправедно в этой единственной жизни наступать «на горло собственной песне». – говорит Анна Алексеевна. – Это, значит, изменить себе, своему назначению. Это, значит, у тебя нет тебя».

Светлеет лес от листьев сброшенных
И гладь озерная легка
И только эхо заполошное
Звенигородского звонка

Звенит. Не знает, где продолжится,
В какую высь, в какую даль.
Рассветной ранью растревоженной
Продлится эта благодать

Своим звучаньем как сиянием.
Дыханьем неба и земли,
Непостигаемую тайною
Ее Величества Любви

Какая в осени печаль...

Какая в осени печаль
Какое мудрое решенье
Вот так, как будто невзначай,
Вселить восторг и удивленье

Великолепной простотой
Одежд в свечении небесном
И словно ниткой золотой
Прошито облако над лесом

Нет! Это – не прощанье Нет!
Прощение и обещанье,
Что нас еще настигнет свет
Звезды летящей

И желанье
Успеем загадать.
Одно

Тому порукой день осенний
С его возвышенным смиреньем
А сердце шепчет вновь и вновь:
«Какое мудрое решенье»

Июнь 2005

Дождливый профиль на окне
День удлинен и не озвучен
И замурован в серых тучах
Чужой пейзаж в чужой стране

Исчез означенный просвет
Июньский день, как день осенний
И приговор объявлен, нет
Надежды на опроверженье

Польша, Катовице – Щирк

Нежданный ливень – напролом
И мне не справиться с зонтом
И стала ненадежной нить:
Не оградить, не защитит

Ах, если б было, как тогда:
Соединились два зонта
Как будто смастерили дом
Наш дом с уютом и теплом

Наш неожиданный причал,
Где можно просто помолчать
Грозой – не кажется гроза.
И ближе руки и глаза

...Но струи ливня, как штыки
А я ликую вопреки
Не рассердить и не достать.
Ведь надо мною два зонта

Звени. Звенигород,
звени
Журчащей речкой в день прохладный.
Дождем.

Внезапным листопадом.
Всю гамму чувств
соединив.

Звени
И это будет кстати.
Чтоб не забыть
и не растратить
Что осветило эти дни
И новый день как чудо встретив.
Чтоб удержать,
не обесцветив,
Воспоминания свои

Сентябрь 2006

Я так скучаю без тебя
И осень той печали вторит
Чуть слышной музыкой дождя,
Ветров залетных ораторий.

Шептаньем листьев на ветвях.
Их легким трепетом и дрожью
Я так скучаю без тебя.
Что ты меня услышать можешь

Часы привычно и устало
Перешагнут десятилетье
Искрит шампанское в бокалах,
И в серпантиновые сети

Сдаемся сами без протеста
И остро пахнет воздух свежий
И мандаринами, и лесом.
И ожиданьем, и надеждой

31 декабря 1978 г.

Литягин Александр Анатольевич

Преподаватель литературы в АГ с 1997 года.

На набережной лейтенанта Шмидта

Меняли рельсы. Было перекрыто
Движение трамвайное... пока.
И мы с тобой валяли дурака:
Нарочно прилипая,
Подошвой кед
К пахучим липким шпалам
Заведомо смеясь, жестоким балам
Грядущим в наших дневниках...
Вдруг, Ах! И что ж?
Из недр музыкальной школы –
Бах! Слетает под ноги
Футляр пустой от скрипки
А мы с тобой тогда не знали, что так зыбки
Всех наших школ случайные пороги
Wohltemperiertes нам вещали боги.

А мы с тобою верили богам!
И ты тогда сказала без улыбки:
Вот это знак! А я, чудак, клавирные ошибки
Считал безумным упражненьем.
Я рассмеялся робости твоей
Я оскорбил тебя пренебреженьем,
Того не ведая, что сам
Не превзойду в уменье
Внимать нездешним голосам
Сольфеджио измученной девчонки ‘
Что не избегну дантовой воронки
Прелюдия давалась так легко
И так бессмысленны казались фуги
А мы с тобой плясали буги-вуги
И все так весело казалось нам...

Где мой предел, в каких еще словах
Мне изъяснить ненужную тоску?
Мне страшно разбирать копченую треску
Под сваями разобранного моста
В каких еще невинных головах
Усвоится ее бесспорный остов
Ее зазубренный хребет и тупость глаз,
Из недр Невы всплывает водолаз.
Как в детстве в ванне...
Я один в ненужном мире.
Как глупая мишень в приключном тире,
Которая заведомо избранна,
Чтоб попадать!
А мне так важно знать,
Что умный сфинкс сегодня загадает:
Так страшно угадать!
Спаси меня, мой инженерный гений,
Уверенностью схем и чертежей
Уверь меня в количестве ступеней
К тому, что отделяет от воды.
Где корюшка стесняется уды.
А мне хватило бы пятнадцати саженей...

Вот мука глупая искать опять слова
И сопрягать их в смыслы, в рифмы
Придет знаток и разочтет раз-два
И вот на риф мы
Напоролись ненужных, неумелых слов
Тут нужен образ – он готов:
Я Вас люблю!
Не то? Неправда? Сыро? Скупо?
Нет-нет... Наш парусник плывет
Волне послушен, ветру, и чему там?...
А нет вот: бац, трах, на фиг, тупо
На риф насел и просльвет
Каким-нибудь Титаником бездарным,
Отмечен заголовком лапидарным,

Я с рифмой справился? Вольно ж тебе сушить
Промоченные ризы под скалою
А мне куда смотреть, ненужному герою?...
Там море, там тоска, треска, в конце концов
А к черту заповедь отцов:
Я вас люблю!

Две вороны заснули,
К плечу плечом
На дереве пустом
Их обманули –
Их тополь вечный
Казнен беспечно
Казенною рукой.
Кто я такой,
Чтобы судить
Воронью их судьбу?
Ведь и меня надули:
Я тоже прилетал,
Как думал, в дом,
Построенный...
И эту голытьбу
Картавую
Я знаю безупречно.
Мне повелевала
Жестокий логопед:
«Кар! Саша! Кар!»
И я кричал,
И отряхались крылья
Из-под снега.
Увенчан славою.
Я каркал вдохновенно!

Ремонт подобен мирозданию
Не разрушение и не созидание
Как будто бы не это и не то,
А то, «о чем не ведает никто»
Как девственница чтит
Бессмысленную тайну,

Так ремонттер растерянно стоит
Пред наготой готового пространства.
Так сладострастно радостно срывать
Слои времен, залогов постоянства:
Так «милый сердцу хлам» *спускать*
В тартарары общественного срама
Ему казалось верным....
Прислонилась пустая рама
К дверному косяку:
Ночь проливается в оконные проемы:
Чья-то дама кричит во тьме
Ненужные слова.
Что приключилось на твоём веку.
Родитель, что подвигло тебя
Создать мне этот склеп,
Из прежней колыбели, меня изъяв?
Что мыслил Ты сперва?

Здесь дача, зеленая древняя дача.

С крыльцом, бельведером, верандой,
Раскрытой в бесшумную душную ночь
Под звезды. И тюль не шелохнется.
Странно. Но разве бывает иначе,
Не так, как сейчас? Гирляндой
Пахучей запутался плющ. Прочь
Детские страхи, как охнет
В темную бездну колодца ведро,
Потянет с заманчивым плеском
И вынырнет, полное звезд.
За шатким сараем у сложенных дров
Так сладко курить и раскладывать веско,
Уместен ли утром отъезд.
А правда, покамест не поздно, на поезд.
Пока не проснулась, светает – решайся!
Так тихо! Так жутко! Аж дух забирает!
В окошко уткнулся ночной мотылек.
Что, сонный ленивец, твой вкус безупречен?
Ты тоже исчезнешь до первых лучей.

Трава повлажнела и краешки губ – прикасайся
Так мягко, как крылья к стеклу, – стебелек,
Ты сорван за этим, ты больше ничей,
Ты тихим дыханьем чудесно отмечен.
Спорхнул соглядатай. Никто не узнает.
И поезд мне крикнет в подчеркнутый час.
Я верю ему, он всегда прибывает...
Но все-таки разве иначе бывает?
Иначе, не так, как сейчас.

Природа – сфинкс

И сфинкс уснул на парте
Уткнувшись в нежность лап
А глупый эскулап
Желает врачевать согласно карте
Ее коварный нрав
Эдип несчастный...
Прав, прав оракул безучастный
«Не избежать беды»
Любовник страстный
Уж у дверей: сей час войдет.
Убьет? Нет, не убьет.
Воды!
Мертва? Нет – обморок.
Скорее жилы отворить,
Развеять этот страшный морок!
Любовник открывает дверь
Скорей ланцет, скорей...
Сфинкс просыпается – не верь
Загадке!
Взятки – гладки...
Твоя взяла, к чему догадки:
Любовник входит в класс –
Ты опоздал с ответом...

У меня по правую руку – мокрый котенок,
По левую – драный пес...
И они законно стыдят меня
За то, что я ничего не принес.
А я не носитель карманных иконок
И в сердце себя виня,
Я полагаю, что я подонок.
Или свинья.
Такая животная парадигма...
И я направляюсь в лабаз
И там накупаю просроченных корок,
Чтобы зараз.
И это такое: ФИГ ВАМ! –
Жирным лабазным толстухам.
И все потому, что мокрый котенок
Прижимается ко мне ухом...

Сморodin Сергей Викторович

Преподавал в интернате в 1975 – 1986 гг.

ВЕРЕСКОВАЯ ПЕСЕНКА

Вместе с небом к утру светлея,
Веточку вереска беребя,
Все доступнее, все смелее
Смотрит девочка на тебя.

Под смолистой завесой дыма
Из-за леса ползет рассвет,
Перепутав непоправимо
Двадцать пять и шестнадцать лет.

Хорошо, что не нужно слов –
Только сдержанный смех вполголоса,
Только вереском пахнут волосы...
Хорошо, что не нужно слов.

Удержи переборотый страх,
Завяжи узелки на память:
Сосны. Вереск. Палатка, Пламя.
Привкус горечи на губах.

Вместе с желтым костром светлея,
Нервно веточку беребя,
Все понятнее, все смелее
Смотрит девочка на тебя...

1979

Тишкова Анна Александровна

Анна Александровна – один из немногих, даже очень немногих, не преподавателей, но Учителей, живших среди нас.

Она учила не просто и не только форме, чем зачастую «профессионально» грешат филологи, но глубочайшему содержанию – Этике проживания на Земле, в самом высоком понимании слова.

В каждом слове, переданном ею нам, не мусор штампов, но подлинный огонь сердца, до сих пор горящий в нас и заставляющий нас гореть.

Вечная память...

Мне кажется, что в низких голосах
Таинственно и больно и тревожно,
Что мы касаемся порой неосторожно
Того, что называется ОНО.
Спешим насытить гордость
И унять волнение крови
Но, опомнясь, мы обнаружим
Под ногами пропасть
В которую уж точно упадем
И будет незавиден жребий наш.
Пророчат скрипки, вторит им гобой
И звуками уводят за собой
Выводит флейта горестную повесть,
А контрабасы ширят жизни круг –
Забудешься мечтою, только вдруг
Летит внезапный и печальный звук
А сердце растревожилось мечтою.
Мы эту музыку, как легкое вино
С отрадой пьем и наполнимся истомой
И раскрываемся навстречу ей бутонем
Обласканным живительным теплом,
Боясь с беззвучьем встретиться потом.

2000-2001

Здесь, наверху, смолистый зной,
Внизу, у озера, – прохладный ветер
И бесконечность неба и покой веков
Сквозь лето уходящего столетья
И станет этот день
Миражным зимним сном
В тепле и тесноте
Затихнувшей квартиры:
И леса шум, и воздух смоляной
Тебя потянут с небывалой силой
Сюда, в знакомый старый бор,
Где голубой над кронами узор,
Высокого сияющего неба,
И кран с холодной родниковой водой
И щебет ласточек и дятла стук сухой
И вкус живительный отломанного хлеба...

Осень 1998

Мелеют реки, срублены леса,
Смолкают наших близких голоса,
Но льётся родниковой жизни ключ,
И рвётся солнце из-за низких туч
Уже щебечут ласточки под крышей.
Ты голоса их постоянно слышишь
С весны до осени...
Они своим гнездом
Считают твой живой уютный дом.

2002

Душа, как легкий мотылек,
Спешит к манящему огню
Им опалённая едва ль она останется жива
Чтоб не сгореть душе, подальше
Держи её от всякой фальши

Зима, как несчастье –
Застала врасплох:
Замёрз твой цветник,
Заледнились дорожки,
Задули ветра,
Засвистали в окошки,
Заинелись яблоки
В снежном саду...
А в доме, у печки,
Так сладко уснуть!
Но зимний октябрь,
Смотри, не забудь!!

2002

Познай себя – так заповедь гласит
Как это просто... как безумно сложно...
В конечном счете, это невозможно –
Познать себя. И кто же разрешит
Себе спуститься до глубин, где ты
Пройдя меж здравых мыслей,
Добрых дел, желаний благостных,
В неведомый придел должна войти –
Искомый пункт духовного пути...
Быть может там и есть твой «личный» ад,
Где недовоплощенными стоят
Поступки мерзкие и тяжкие грехи,
И мысли дерзкие, и может быть, стихи.
Пред образом Заступницы огонь
Зажги в лампаде
А тот мрак не тронь.
Но истово молись, чтоб Дивный Свет
Тебя избавил от грядущих бед.

Вслед колоннаде
Звуковой хорала
Готовая покинуть
Мир земной,
Вдруг содрогнись, моля, чтоб за спиной
Был темный угол
Комнаты – пустой...

Господи! Как много в жизни боли.
Боль больных и тела и души,
Есть предел преодоления боли:
До него – крепись, держись, терпи...
А потом, когда предел превышен
И надорван человек борьбой,
То даруется страдальцу свыше
Смерть иль кратковременный покой:
Пульс пропал, потеряно сознание,
Глаз полузакрытых стертый взгляд...
И покой... Награда ль, наказание ль
Небеса про то не говорят.
Ну а тот, кто выпил жизни чашу
И увидел этой чаши дно,
Нам об этом тоже не расскажет –
Мы же не услышим все равно.

Филиппович Александр Иеронимович

Учитель физики 45-го интерната при ЛГУ (Академической гимназии СПбГУ) практически с основания школы, создатель уникального лабораторного практикума по физике. Велосипедист, мотоциклист, яхтсмен, путешественник... Всю жизнь писал стихи...

Пришли друзья. Не на поминки, слава Богу,

А просто так – им было по пути...
И я так рад – мой дом на их дороге,
И им его никак не обойти...

Накрою стол – что есть, то и поставлю.
Что есть – подам, чего найду – налью.
И никого без ласки не оставлю:
Друзья мои! Я вас и впрямь люблю!

Нас с детства учат, что таланты

Приносят жизненный успех,
Что все титаны и гиганты
Учились в школе лучше всех...

...Но вот прошли ученья годы.
Мы меньше верим, больше врем.
Забыв мечту – творить погоды –
Прогнозы скучные даем.

Дарить почти что разучились,
Зато умеем продавать.
И тьмы ненужного добились,
Сумевши в главном проиграть.

На экзамене – признак хорошего тона

Отличать mgh от закона Кулона.
Ну, а если не путать Кулона с Ньютоном –
Это признак серьезного знания законов.

Ах, нас не помнят, ах, нас не помнят.

Лишь фотоснимки на стенах комнат.
Словно память в немом кино,
А нам все равно.

Ах, нас не любят, ах, нас не любят,
Нас только ветер по морде лупит,
Открывает он окно.
А нам все равно.

Ах, нас забыли, ах, нас забыли
Что мы когда-то на свете были.
Льется в память о нас вино –
А нам все равно.

СОДЕРЖАНИЕ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ.....	9
Евгения Бикназарова.....	11
Горелов Вячеслав.....	15
Ершов Николай.....	22
Ковнер Сергей.....	26
Королёва Александра (Саша Кученёва).....	35
Костоломов Михаил.....	39
Левин Игорь.....	52
Михеев Виктор.....	61
Ястребов Михаил.....	65
СЕМИДЕСЯТЫЕ.....	83
Белоголов Владимир.....	85
Веселова Татьяна (Алексеева).....	99
Дуровин Дмитрий.....	106
Макаров Николай.....	109
Марусенко Константин.....	120
Межуев Игорь.....	123
Незговоров Николай.....	130
Турунов Юрий.....	135
Юлия Хайрутдинова.....	147
Цымбаревич Олег.....	155
Зоя Брылева (Чекулаева).....	168
ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ И ДЕВЯНОСТЫЕ.....	175
Бураго Дмитрий.....	177
Вендик Ольга.....	193
Воронина Диана.....	202
Горченко Юлия.....	206
Карлин Александр.....	219
Колесникова Татьяна.....	230
Мухачев Игорь.....	236

Сальников Глеб (Тетерин Александр).....	242
Филиппович Анна.....	245
ДВУХТЫСЯЧНЫЕ.....	247
Барсукова Мария.....	249
Горшнёва Юлия.....	251
Михалина Элеонора.....	252
Свечина Лизавета (Елизавета Андреева).....	258
Севостьянов Алексей.....	267
Соколова Надежда.....	269
РАЗНЫЕ.....	275
ПЕСНИ.....	295
ПРЕПОДАВАТЕЛИ.....	303
Вас. Островский.....	305
Воронович Надежда Сергеевна.....	311
Карцова Анна Алексеевна.....	315
Литягин Александр Анатольевич.....	319
Сморозин Сергей Викторович.....	325
Тишкова Анна Александровна.....	326
Филиппович Александр Иеронимович.....	330

Благодарности

Этот сборник увидел свет благодаря поддержке Благотворительного фонда развития студенческих инициатив «ГАУДЕАМУС».

Подробности на сайте www.studfond.ru.

Отзывы и пожелания, пожалуйста, отправляйте по адресу: 198504, Санкт-Петербург, ул.Ботаническая, 66/2, пом.4.

Электронная почта: contact@studfond.org.

Телефон: (812) 931-02-89.

Опечатки сборника «Эхо-2»

К сожалению, при составлении сборника «Эхо-2» нам не хватило времени и, видимо, информационной поддержки. Также некоторые трудности были связаны с версткой. В результате этого, а может быть и благодаря отсутствию опыта в сборник закралось множество досадных ошибок и опечаток.

Приносим извинения авторам и исправляем, по возможности, выявленные ошибки.

На стр. 158 под именем Владислава Косарева опубликованы следующие стихи, в действительности написанные Дмитрием Лещевым (выпуск 1990 года(!)): «Игра словами – не игра...», «На песке, на воде...», «Моя судьба написана...», «Я редко лгу, я просто искривляю Пространство-время...», «Снегопад». Точно известно, что Влад Косарев написал стих «Создав свой мир, свои законы...». И что он закончил интернат в 1991 году. Автор стиха «Мы по крупинкам собираем цвет» – не Косарев с вероятностью 99,9%.

На стр. 55 Дарья Виногорова, а не Виноградова.

Под именем Юлии Хайрутдиновой опубликованы два стихотворения Дианы Лебедевой: «Что тут страшного, что тут пошлого», «Поведению...».

Под фамилией Машкова опубликовано стихотворение Турунова Юрия: «Туннель неизвестности».

Стр. 228 – читать: Сретенье Господне.

Стр. 231 – Рисую – читать Рисуя.

В раздел «Поэтические вечера» попало несколько стихов Дианы Ворониной. Какие – легко определить по стилистике, и поскольку эта ошибка связана с версткой, то и графически – это целый лист.

Эхо 3
Поэтический сборник

Художник: Татьяна Алексеевна Обатнина
Компьютерная верстка: Игорь Мухачев